

4(с)163.3121527

к. 46

А-78 Апущким В.А.

Мищенко,
Из воспоминаний о
Русско-японской войне.

1908г.

85
85
85

125.

63.3(2) 521

9(c) 1

87.78

В. А. Апушкинъ.

МИЩЕНКО

Р. С. Ф. С. Р.
РАЙОННЫЙ КЛУБ
УРАЛЬСКО-АРМЕЙСКИЙ
ГРАЖДАНСКОГО РАЙОНА
ПОДПИСАТЕЛЬСКОЕ
ГУБВЕНПРОСВЕЩЕНИЯ
2 мая 1922

Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ.

г. Ярославль
Гражданской 28

1967

СЪ РИСУНКАМИ.

Издатель В. Березовский

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., домъ № 14.

1908.

11450
11450

1945 г.

1946 г.

1958 г.

2361.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вмѣсто введенія: По дорогѣ въ отрядъ.—Первыя впечатлѣнія . . .	5
Глава I. Боевая служба отряда. Отъ начала войны до переправы черезъ Ялу	18
„ II. Отъ Ялу до Сюяна.	38
„ III. Отъ Сюяна до Сахотана	58
„ IV. 10 іюня 1904 г.—Катастрофа въ Сявьдею	68
„ V. Первый день Сахотанскаго боя.	75
„ VI. На бивакѣ	89
„ VII. 11 іюня.—День отдыха	97
„ VIII. 12 іюня.—На бивакѣ у Мугуи.	109
„ IX. 13 іюня.—Второй день Сахотанскаго боя	121
„ X. 14 іюня.—Третій день Сахотанскаго боя	132
„ XI. 15 іюня.—Конецъ Сахотанскаго эпизода.	149
„ XII. Слава славнымъ.	159
„ XIII. Въ дни затишья на Шахѣ	177
„ XIV. Кто онъ?.	194

Кавказская
Императорская
Почта
№ 1000

Минченко

„Научная, теоретическая подготовка въ нашемъ военномъ дѣлѣ, конечно, много значитъ, но если нѣтъ желанія и стремленія драться, и драться, какъ бы ни пришлось, — цѣны не имѣетъ; ну, а со слабой подготовкой, но съ сердцемъ, преисполненнымъ жаждою схватки, съ душою, проникнутою чувствомъ долга, — сдѣлать можно много“...

Мищенко.

Я не имѣю въ виду писать ни біографіи генерала Мищенко, хотя она очень характерна для пониманія того, какъ умѣютъ у насъ разгадывать, понимать и оцѣнивать людей, — ни исторіи боевыхъ подвиговъ отряда, звавшагося его именемъ на театрѣ войны, за все время кампаніи... Для первой еще не настало время, для второй нужны документы, всей полнотой которыхъ я не обладаю. Я хочу здѣсь подѣлиться лишь воспоминаніями о томъ, чему я былъ очевидцемъ, о чемъ слышалъ непосредственно отъ участниковъ и что связано съ именемъ генерала, этого безспорнаго героя минувшей войны, вышедшаго съ незапятнанной репутаціей, съ непомянутой славой изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя столь обильно посылала судьба его отряду и всей нашей арміи въ теченіе всей роковой для насъ войны съ Японіей. И я льщу себя надеждой, что въ нихъ читатель найдетъ ключъ къ разгадкѣ того обаянія, которымъ Мищенко пользовался въ арміи, и той популярности, которую онъ приобрѣлъ себѣ во всѣхъ слояхъ русскаго народа, ставъ воистину народнымъ героемъ. Я покажу его, какимъ видѣлъ въ дни войны, — и на боевомъ полѣ, и на бивакѣ.

Это одно изъ немногихъ свѣтлыхъ воспоминаній недавняго мрачнаго прошлаго.

И воспоминаній бодрящихъ, говорящихъ о томъ, что „естъ еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ“, не изжита еще боевая сила русскаго народа, не изсякла еще исконная доблесть русскаго солдата и офицера и что „плохи“ они были тамъ, гдѣ были плохи ихъ начальники...

В. А.

5 августа 1904 г.
20 апрѣля 1907 г.

Ляоянь—Спб.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

По дорогѣ въ отрядъ. — Первыя впечатлѣнія.

Я прибылъ къ арміи въ то время, когда система „терпѣнія“ начала уже входить въ свою силу и проявилась рядомъ кровавыхъ событій. Мы „стерпѣли“ уже *Тюренченъ*, „стерпѣли“ высадку на Квантунъ японскихъ армій и потерю Цзинь-чжоуской позиціи, отрѣзавшую насъ отъ Портъ-Артура, — „стерпѣли“, наконецъ, и *Вафангоу*, эту робкую, ученическую попытку наступленія, чтобы протянуть руку помощи осажденнымъ товарищамъ... И теперь мы терпѣливо ждали, что будетъ дальше дѣлать врагъ, отдавая въ его руки все болѣе и болѣе инициативу дѣйствій.

Для войскъ, вѣрившихъ еще въ своихъ вождей и въ свою силу и оскорбленныхъ въ своей старой славѣ отступленіемъ предъ маленькимъ врагомъ и рядомъ неудачъ, наступило томительное затишье...

Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки“?

О томъ, въ какомъ душевномъ напряженіи, усугубленномъ неизвѣстностью, откуда и когда ждать врага, жили въ то время наши войска, свидѣтельствуемъ слѣдующій, еще кажется, не оглашенный, фактъ.

Въ началѣ мая подпоручикъ 21-го Восточно-Сибирскаго

стрѣлковаго полка Рѣзвый, „будучи увлеченъ идеей розыска японской арміи“, самовольно ушелъ ее разыскивать вмѣстѣ съ своимъ вѣстовымъ, Иваномъ Дубиновымъ, и — „пропалъ безъ вѣсти“ ¹⁾...

Жить въ ожиданіи боя въ Ляоянѣ, въ области слуховъ о противникѣ, будничныхъ сплетенъ и дрызгъ, было томительно... Я пресытился ими въ Мукденѣ, гдѣ судьба заставила меня прожить почти двѣ недѣли... Хотѣлось скорѣе боевыхъ ощущеній, хотѣлось испытать себя, видѣть войска и подслушать біеніе ихъ сердца, чтобы знать, что сулитъ намъ грядущее. Хотѣлось, наконецъ, скорѣе увидѣть и врага, этого невѣдомаго, еще таинственнаго, маленькаго, но дерзкаго заморскаго пришельца.

Но куда ѣхать? Гдѣ можно скорѣе всего осуществить эти наивныя, горячія желанія новичка?

— Если хотите скорѣе увидѣть *войну* и получить боевое крещеніе, — отвѣчали мнѣ, — поѣзжайте въ отрядъ генерала Мищенко. Тамъ каждый день дерутся.

Отрядъ генерала Мищенко являлся, такимъ образомъ, уголкомъ той старой „Кульневской Россіи“, гдѣ люди вѣчно жили среди позѣи и ужасовъ войны. Онъ былъ передовымъ отрядомъ цѣлой Руси въ дни ея „худого мира“ на Дальнемъ Востокѣ; на его долю пришелся первый выстрѣлъ въ Корей и, ставъ передовымъ отрядомъ манчжурской арміи, онъ оставался имъ до конца войны. И если на долю его выпала львиная доля трудовъ и лишеній, то и львиная доля славы.

Имя генерала Мищенко пользовалось въ арміи уже огромною популярностью. Его произносили съ уваженіемъ и любовью и не безъ гордости говорили: — „я былъ въ отрядѣ Мищенко“, „нашъ полкъ у Мищенко“.

Солдаты, тѣ въ каждомъ успѣхѣ готовы были видѣть руку этого храбраго и умно настойчиваго генерала. Позднѣе, на бивакѣ войскъ у Дашичао, я подслушалъ такой разговоръ.

¹⁾ Рапортъ командира полка отъ 9 мая 1904 г. № 1816.

Передавались новости, схваченныя на лету, о потопленіи нашею владивостокскою эскадрою японскихъ транспортвъ „Садомару“ и другихъ. По солдатской молвѣ, и это сдѣлалъ Мищенко, который „нигдѣ японцу спуска не даетъ“¹⁾.

Конечно, я послушался добраго совѣта и первый свой визитъ рѣшилъ нанести ему. Къ тому же у меня находился и спутникъ, веселый и остроумный человекъ. Лѣтъ восемь или девять онъ былъ въ запасѣ, жилъ за границею, хозяйничалъ, служилъ и теперь, призванный въ ряды арміи, покидалъ все это легко и весело, мечтая объ одномъ — скорѣе попасть въ бой.

Но выбратъся изъ Ляояна оказалось не такъ просто. Почтовый поѣздъ на югъ, съ которымъ мы рѣшили ѣхать, по расписанію долженъ былъ отойти около 5 часовъ дня. Прошелъ, однако, часъ, другой, третій, четвертый, весь вечеръ, вся ночь, а поѣзда съ сѣвера все не было. Мы провели безсонную, мучительную ночь, слоняясь по тѣсному, грязному ляоянскому вокзалу. Нѣсколько усталыхъ офицеровъ вынесли стулья на перронъ, не имѣвшій для публики ни одной скамейки, и спали тамъ сидя. Мы попробовали было послѣдовать ихъ примѣру, но это намъ не удалось — сонъ не шелъ — и мы рѣшили пойти въ товарный вагонъ, гдѣ, готовая къ отпавкѣ, стояли наши лошади. Но у лошадей не было сѣна, и намъ не на что было прилечь. Мы прикорнули на тормозной площадкѣ сосѣдняго товарнаго вагона, но не спали и четверти часа. Стукнулись буфера — и вагоны куда-то покатали. Это были, конечно, обычные маневры, которые принято здѣсь дѣлать по ночамъ, но мы вовсе не желали очутиться на десятомъ запасномъ пути. Соскочивъ торопливо съ площадки, мы опять поплелись на вокзалъ,

¹⁾ Впослѣдствіи, когда я передавалъ генералу содержаніе этого солдатскаго разговора, онъ разсказалъ мнѣ, что получилъ письмо отъ маленькаго своего племянника. — „Напиши, дорогой дядя, много ли вы взяли въ плѣнъ японскихъ кораблей“... спрашивалъ мальчуганъ, наслушавшійся и „во глубинѣ Россіи“ разсказовъ о подвигахъ дяди.

опять стали слоняться по его перрону, доказывая другъ другу, что „время — деньги“ только въ дни мира; опять стали требовать себѣ и не допивать стаканы безвкуснаго жидкаго чая и опять тревожить дежурнаго по станціи вопросами: „когда же мы уѣдемъ?!“

Это случилось только на другой день, въ *восемь* часовъ утра 9 іюня, и понятно, что едва мы попали въ вагонъ, какъ пыльные подушки дивана показались намъ обольстительно роскошными. Мы потянулись къ нимъ — и черезъ мигъ уснули. Спали часовъ пять и проснулись, когда нашъ поѣздъ подходилъ къ Дашичао.

Не знакомясь съ Дашичао, уже приобрѣтавшимъ въ эти дни извѣстность и значеніе, какъ главная квартира дѣйствующей арміи, мы отправились отыскивать обозъ 1-го Читинскаго полка, чтобы узнать, есть ли тамъ „оказія“ въ отрядъ Мищенко и когда она пойдетъ.

Обозъ стоялъ на скатѣ высокой горы, у подножія которой лежитъ Дашичао; на вершинѣ ея былъ наблюдательный постъ и торчала сигнальная вѣха.

Подъ „обозомъ“ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ разумѣть повозокъ. Обозъ, это — пунктъ, замѣняющій полку штабъ-квартиру, гдѣ на время выхода полка въ лагерный сборъ или на маневры остается офицеръ съ командами слабосильныхъ и мастеровыхъ.

Такъ и тутъ. Въ палаткѣ жилъ офицеръ, и подъ его надзоръ собирались выписанные изъ госпиталей казаки и высланные изъ полка на отдыхъ слабосильные люди и лошади. Онъ исполнялъ разныя порученія полка — получалъ, закупалъ и отправлялъ въ полкъ все, что на долю полка приходилось и что ему было нужно.

„Обозъ“ напомнилъ мнѣ лермонтовскія строки изъ „Валерика“:

Кругомъ бѣлѣются палатки;
 Казачьи тощія лошадки
 Стоять рядкомъ, повѣся носъ...

Всюду груды ящиковъ и пачекъ прессованнаго сѣна. Казаки бродили по обозу, варили чай, спали, читали обрывки газетъ и справляли свои дѣлишки.

Хозяина обоза въ палаткѣ не было, но на землѣ, подотставъ подъ себя бурку, сладко спалъ другой офицеръ.— Урядникъ объяснилъ намъ, что именно это „ихъ благородіе“ что спитъ, и ѣдетъ въ полкъ сегодня. Это былъ полковой адъютантъ, подъесаулъ Иванъ Федоровичъ *Шильниковъ*.

Жалко было намъ его будить, но дѣлать нечего.— Казакъ потянулъ „его благородіе“ за ногу, и оно сейчасъ же открыло глаза. Мы извинились, представились, познакомились и черезъ минуту намъ уже казалось, что съ Иваномъ Федоровичемъ мы были вѣкъ знакомы.

Есть люди, до которыхъ поговорка о пудѣ соли не относится. Это хрустальной чистоты и искренности люди. Иванъ Федоровичъ Шильниковъ сразу показался намъ простымъ, искреннимъ человѣкомъ, деликатнымъ, хорошимъ товарищемъ, скромнымъ, но дѣльнымъ боевымъ офицеромъ—и мы не ошиблись, ничего не взяли потомъ назадъ изъ этой характеристики и ничего къ ней не прибавили, такъ какъ ничего другого и не слышали.

Явился и хозяинъ обоза, гостепримный сотникъ *Измайловъ* и, сдѣлавъ Ивану Федоровичу дружескій упрекъ за то, что тотъ не воспользовался его койкою, а спалъ на землѣ,—сталъ готовить намъ чай въ черномъ отъ копоти большомъ мѣдномъ чайникѣ.

Напившись чаю и узнавъ въ штабѣ арміи, гдѣ въ данный моментъ можетъ находиться отрядъ, постоянно двигающійся, постоянно мѣняющій мѣста своихъ стоянокъ, мы стали готовиться въ путь и выступили въ шесть часовъ вечера.

Нашъ маленькій отрядецъ составляли: подъесаулъ И. Ф. Шильниковъ, корнетъ В. К. Шнеуръ, кадетъ хабаровскаго кадетскаго корпуса Миша Бодиско, бойкій, славный мальчуганъ, пріѣхавшій на каникулы въ армію къ отцу, чтобы „побывать на войнѣ“, и потому не разстававшійся съ большою и тяже-

люю для его лѣтъ пѣхотною винтовкою, которую онъ таскалъ на ремнѣ за плечомъ и которая набивала ему его хрупкія дѣтскія плечи, — я и шесть человѣкъ казаковъ.

Двое изъ нихъ высланы были впередъ, какъ дозорные и вожатые.

Мы шли не по дорогѣ, а напрямикъ, черезъ вспаханную и уже зазеленѣвшую равнину, къ высившимся впереди голубоватымъ горамъ.

Вечеръ былъ чудесный, тихій, теплый, — и Божій міръ былъ такъ хорошъ, что исчезало представленіе о войнѣ, и самому себѣ казалось страннымъ, что ѣдешь воевать, видѣть смерть другихъ и встрѣтить ее гдѣ-нибудь для себя.

Мы пересѣкали обширную долину, замкнутую съ двухъ сторонъ цѣпями горъ, — воздѣланную, зеленѣвшую, съ разбросанными тамъ и сямъ группами деревьевъ, отдѣльных фанзъ и селеній.

Тысячелѣтнимъ мирнымъ трудомъ вѣяло отъ этихъ полей, которыя теперь, по праву войны, безжалостно топтали наши кони. Длинный рядъ поколѣній хозяевъ этихъ полей утучнилъ ихъ почву своимъ потомъ при жизни и своимъ прахомъ по смерти. Объ этомъ молчаливо свидѣтельствуютъ передъ нами небольшіе холмики-могилки, осѣненные листовою нѣсколькихъ деревьевъ, а тамъ, гдѣ холмъ осѣлъ — маленькіе каменные столбики и плиты.

Мнѣ нравится этотъ китайскій народный обычай: погребать человѣка въ той землѣ, которую онъ воздѣлывалъ при своей жизни, — отдать ей и по смерти всѣ свои соки, свою плоть и кровь. Онъ трогателенъ, этотъ обычай, онъ практиченъ, ибо создаетъ необычайную въ народѣ „крѣпость землѣ“ — идеальное единеніе съ нею человѣка.

И вотъ мы добрались до горъ, втянулись въ лабиринтъ ихъ и кажется, что затеряемся въ немъ, въ этомъ хаосѣ голыхъ вершинъ, каменистыхъ глубокихъ ущелій и переваловъ, по которымъ узкой лентой вьется наша дорожка. На вершинѣ ихъ, въ благодарность ли чуждому намъ богу за

благополучный путь, въ умилоствленіе ли его, кто-то на-строилъ эти кумирни, — маленькіе домики, похожіе подчасъ скорѣе на скворешники, изъ оконъ и дверей которыхъ выглядываетъ грубое, страшное лицо божества. Предъ нимъ маленькая чашечка, когда-то полная риса. Но рисъ растащили птицы, а вѣтеръ занесъ ее до краевъ сѣрой пылью.

Мы выѣзжаемъ снова на равнину, минуемъ бивакъ пѣхотнаго полка, — шумный, говорливый, полный жизни и движенія, — минуемъ тихую китайскую деревню, въ которой все, кажется, вымерло, и снова втягиваемся въ широкое на этотъ разъ ущелье. День былъ близокъ къ концу — и дали уже были неясны. Навстрѣчу намъ отъ сѣрой горы отдѣлилась фигура и, подойдя, приложила руку къ козырьку фуражки.

— Вы что тутъ подѣлываете? — спрашиваемъ мы его, пожимая руку.

— Да вотъ стою здѣсь на заставѣ съ полуротою. Хунхузы, говорятъ, тутъ водятся. На-дняхъ семерыхъ нашихъ солдатъ на посту ночью вырѣзали. Ну, и поставили полуроту. Стою цѣлыя сутки. Скука. Одинъ. Съ солдатами наговорился, папиросы всѣ выкурилъ, не одолжить ли кто-нибудь изъ васъ? Приходится обирать проѣзжающихъ, — говоритъ онъ, смѣясь.

Ему сейчасъ же отсыпали десятка полтора.

— А вамъ не пора ли спустить часового внизъ? — спрашиваетъ дѣловитый Иванъ Федоровичъ, кивая головой на часового, фигура котораго рѣзко проектировалась съ вершины сопки на фонъ неба, тогда какъ подошва ея тонула уже въ сумракъ.

— Да, пора. Теперь совсѣмъ смерклось.

И поручикъ, слегка свистнувъ въ сторону часового, махнулъ ему рукою идти внизъ. Мы распрощались, пожелали ему спокойной ночи и поѣхали.

Мракъ сгушался. Сливались въ одну сплошную стѣну очертанія безлѣсныхъ горъ, громоздившихся въ безпорядкѣ, безжизненныхъ, безмолвныхъ. Только топотъ нашихъ коней, только шумъ скатившагося изъ-подъ ногъ ихъ камня нару-

шаает тишину этой ночи въ горахъ. Мы подавлены ею, вдемъ гуськомъ и молчимъ. Каждый думаетъ про себя свою думу. Какъ загадочна жизнь человѣка! Какъ играетъ судьба имъ! Какіе неожиданные и прихотливые узоры вышиваютъ Парки, прядущія нить жизни по ея канвѣ! Кто могъ бы изъ насъ думать, что судьба заброситъ насъ въ глушь этихъ горъ, подъ это чуждое небо... Мы кажемся себѣ оторванными отъ всего міра, отъ всего, чѣмъ жили раньше—семьи, родины, друзей, обычнаго труда... Оторваны настолько, что, что бы тамъ ни случилось, какъ ни нужна была бы нашимъ близкимъ наша помощь, мы бессильны помочь имъ... И они намъ также... И если завтра, въ бою, или отъ пули хунхуза, пущенной откуда-нибудь, изъ-за выступовъ этихъ темныхъ и голыхъ камней, мы падемъ—никто намъ не дастъ „последняго цѣлованія“...

Гонишь прочь отъ себя эти мысли и начинаешь усиленно слушать цикадь, что звенятъ кругомъ по горамъ и ущельямъ. Кони пошли осторожнѣе. Начинается спускъ, узкій, крутой и извилистый. Спустились въ лошину,—пошли веселѣе. Рысимъ... Кажется, близко селеніе. Да, вотъ деревья, вотъ фанзы, и въ одной — огонекъ. Это странно. Китайцы въ деревняхъ безъ огней вечераютъ. Должно быть, постъ летучей почты. Такъ и есть! Вотъ темная фигура часового.

— Далеко ли до Танчей?

— Версты четыре.

И мы рысимъ дальше по извилистымъ улицамъ деревни. У запертыхъ воротъ одной фанзы странныя темныя пятна. Вглядываемся пристальнѣе, — это китайцы. Собрались, присѣли на корточки, притаились, сидятъ и молчатъ. Головы намъ вслѣдъ не повернули. Застыли, какъ изваянія. О чемъ они думаютъ? О чемъ говорили они до тѣхъ поръ, какъ услышали топотъ нашихъ коней? О чемъ заговорятъ теперь, когда мы исчезнемъ изъ вида?

О войнѣ, конечно. О войнѣ, нарушающей тысячелѣтній покой ихъ Китая, — о войнѣ, гонящей ихъ изъ насиденныхъ

гнѣздъ, обращающей въ ничто эти прекрасныя, плодоносныя пашни и въ пепель ихъ фанзы.

Кого они винятъ въ своемъ несчастіи, ихъ или насъ? Мы совсѣмъ не знаемъ психологіи этого народа. Онъ чуждъ намъ языкомъ, міровоззрѣніемъ, бытомъ. А факты жизни такъ разнорѣчивы. Вотъ китайцы, сигнализирующіе въ бою японцамъ. Вотъ китайцы, стрѣляющіе въ русскаго солдата или офицера безъ всякаго повода съ ихъ стороны, подстерегающіе ихъ на сопкахъ, на дорогахъ. И вотъ китайцы, безкорыстно выводящіе нашихъ отсталыхъ на наши аванпосты. Вотъ китайцы, сами несущіе нашимъ казакамъ чумизную кашу и хлѣбъ. Вотъ китайцы, наконецъ, прячущіе отъ японцевъ нашихъ раненыхъ и выносящіе ихъ по ночамъ въ нашъ отрядъ!

Танчи--не то небольшой городокъ, не то большая деревня. Жизнь здѣсь еще не замерла. Кое-гдѣ въ лавчонкахъ торгуютъ. По кривымъ, грязнымъ и тѣснымъ улицамъ двигаются люди, освѣщая себѣ путь большимъ бумажнымъ фонаремъ. Людей не видать за ними, они слились со мракомъ, и кажется, что только эти свѣтлые шары катятся по темнымъ улицамъ.

— Дальше дорога мнѣ не совсѣмъ хорошо извѣстна, — говоритъ Иванъ Федоровичъ. — Есть участокъ — ущелье одно, гдѣ легко можно сбиться. Надо взять проводника.

— Эй ты, ходя! — кричитъ онъ китайцу и, когда тотъ подошелъ, кидаетъ ему нѣсколько фразъ по-китайски.

Китаецъ машетъ рукой и, болтая что-то по-своему, ведетъ нашъ отрядъ за селеніе. Выведя насъ на широкую песчаную равнину, онъ останавливается передъ мелкимъ и узкимъ ручьемъ и, видимо, не хочетъ идти дальше.

Но отказываться уже поздно. Повелъ, — веди до конца. И Иванъ Федоровичъ грозитъ ему нагайкой. Китаецъ дѣлаетъ рукой смѣшные и жалкіе жесты. Его подталкиваютъ впередъ, и онъ ступаетъ въ воду.

Перейдя ручей, онъ снова останавливается. Все напрасно.

Тогда онъ оборачивается въ сторону темнѣющихъ Танчей и что-то кричитъ на своемъ непонятномъ намъ языкѣ.

Черезъ нѣсколько времени въ темнотѣ вырастаетъ предъ нами фигура другого китайца.

— Это — братъ мой. Онъ васъ поведетъ, онъ знаетъ дорогу. Я — купецъ, мнѣ домой надо, мнѣ въ лавку надо, — объясняетъ китаецъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

Мягкій, добрый Иванъ Федоровичъ на этотъ разъ неумолимъ.

— Ты умѣешь мало-мало по-русски говорить, а твой братъ знаетъ дорогу — вотъ и хорошо. Вы оба насъ и поведете, — сказалъ онъ спокойнымъ, не допускавшимъ болѣе возражений, голосомъ и приказалъ казаку взять упировавшагося китайца за косу и двигаться съ нимъ впереди. Нечего дѣлать — пошли наши проводники, но долго еще одинъ изъ нихъ причиталъ: „Капитанъ! шанго капитанъ! моя нога болитъ, моя ходи не можетъ“.

И онъ плакалъ и хромалъ. Но это была уже явная симуляція, и потому, не обращая болѣе вниманія на его причитанія, мы двинулись впередъ по широкой долинкѣ, залитой теперь луннымъ свѣтомъ.

— Вы знаете, они ужасные притворщики и хитрецы, эти китайцы, — говоритъ Иванъ Федоровичъ, придерживая коня, чтобы поравняться со мною. — Помню одинъ такой случай. Съ разбѣгомъ пришли мы въ одну деревушку, зашли въ фанзу и просимъ китайца быть нашимъ проводникомъ. Обѣщаемъ хорошо заплатить. Да они и сами знаютъ, что безъ платы мы ихъ услугъ не принимаемъ. Китаецъ отказывается. Пригрозили тогда полшутя, полусерьезно, что заставимъ вести себя его старуху мать. Это подѣйствовало. Какъ добрый сынъ, онъ соглашается и идетъ съ нами — до перваго ущелья... А тамъ юркнулъ въ него, какъ мышь, и исчезъ въ темнотѣ. Знаемъ только, что гдѣ-нибудь тутъ притаился, поблизости. Но пойдѣ, разыщи его въ этой тьмѣ кромѣшной. Опять рѣшаемся тогда воздѣйствовать на его сыновнее чув-

ство. Отправляемъ казаковъ взять и силою привести къ намъ старуху. Тѣ, конечно, черезъ десять минутъ приволокли „бабушку“. Объясняемъ ей, что такъ какъ сынъ ея насъ обманулъ, то поведетъ насъ она. Пусть зоветъ сына на выручку. Старуха завопила, но пошла. Добрую четверть часа кричала она безъ перерыва одно какое-то слово, пронзительно, жалобно, слезно... Сына ли звала, насъ ли проклинала— не знаемъ. Но сынъ не откликнулся, не шелъ. Зналъ, каналья, что мы не японцы и не умѣемъ быть строгими до конца. Они бы старуху повѣсили, а мы прогнали ее черезъ двѣ версты къ чорту!

Проводники наши шли теперь рядомъ и перебрасывались короткими фразами, изъ которыхъ мы уловили слова „ибенъ“ (японцы), „Артуръ“, „Ляоянь“. Рѣчь шла, очевидно, о войнѣ, и такъ какъ характеръ ея, тонъ и значеніе намъ были непонятны, то имъ и приказано было молчать. Видя, что на нихъ обратили вниманіе, китаецъ опять затянулъ: „капитанъ... капитанъ... капитанъ“... и опять сталъ хромать. Ему погрозили нагайкой.

Мы шли теперь широкою долиною. Справа скаты горъ покрыты были лѣсомъ, а слѣва были голы и только тамъ и сямъ вершины ихъ вѣнчали то башня, то кумирня. Луна взошла высоко и лила свой тихій, мягкій свѣтъ на живописную долину.

Ночь обворожила насъ своею прелестью, своею тишиною, а мѣрный шагъ коней, мѣрное покачиваніе въ сѣдлѣ убаюкивали наши думы. И уже не острое, жуткое чувство одиночества и безсилія, а тихая, сладкая грусть закрадывалась въ сердце.

Я и корнетъ далеко опередили отрядъ. Усталые проводники не поспѣвали за нашими лошадьми. И совсѣмъ забывъ, что мы „на войнѣ“, корнетъ запѣлъ тихимъ голосомъ старый, знакомый романсъ, полный смысла и значенія, полный старого очарованія въ этой манчжурской дали.

Разстались мы...

Но завтрашній день могъ быть послѣднимъ—и *перезжитое*, вся эта гамма чувствъ, остывшихъ и кипящихъ, въ феерической обстановкѣ этой дивной лунной ночи, на фонѣ этой оригинальной природы съ памятниками чуждаго быта, получала какое-то особое значеніе и волновала насъ обоихъ, какъ сладкій сонъ, какъ волшебная, страшная сказка, конца которой мы не знаемъ, и не знаемъ, близокъ онъ или далекъ.

Къ намъ подсказалъ Иванъ Федоровичъ, чтобы сказать, что часъ уже поздній, лошади приустили, а до бивака отряда осталось верстъ двѣнадцать.

— Не лучше ли заночевать въ ближайшей деревнѣ?

Не все ли это было равно людямъ, жившимъ душой въ этотъ мигъ такъ далеко отъ войны и Манчжурии...

Прошли еще версты три, перевалили небольшой хребетъ и стали спускаться въ низину. Пахнуло сыростью. Въ лощинѣ горѣли огни и надъ нею стояла пелена тумана — неясный гулъ бивака. Длинные ряды повозокъ, длинныя коновязи, гурты скота, ряды палатокъ, тамъ и сямъ дымящіеся костры и вокругъ нихъ черныя силуэты людей. Это ночеваль какой-то обозъ.

Лавируя среди повозокъ, людей и лошадей, мы выбрались въ деревню Кутятцы.

— Есть тутъ хорошая фанза? — спрашивали мы проводника-китайца.

— Ю — односложно отвѣтилъ онъ и повелъ въ какую-то улицу.

Остановились передъ каменной оградой, ворота которой были заперты. Стали звать — не отвѣчаютъ, стучать — не открываютъ. Попробовали вышибить ворота — не поддались. Но бойкій мальчуганъ-кадетъ нашелъ лазейку-щель и смѣло забрался во внутрь, чтобъ снять засовы.

Общими, соединенными усилиями ворота растворили. Мы въѣхали во дворъ, слѣзли съ коней и пошли въ фанзу, изъ которой навстрѣчу намъ шли уже хозяева. Они не выражали протеста и, видимо, покорились факту нашествія въ ихъ домъ

Казакѣ тащили уже откуда-то пучки газяна лопадямъ, расфдывали ихъ, варили себѣ чай, а мы, назначивъ выступленіе въ пять часовъ утра, укладывались спать на каны.

— Вы знаете, — говорилъ мнѣ неугомонный корнетъ, — война насъ освѣжитъ. Сонъ въ грязной китайской фанзѣ, лишенія походной жизни, голодъ, мучительная жажда, свистъ пуль, все это вернетъ намъ вкусъ къ жизни и цѣну ея благъ. Долго и безпрепятственно пользуясь ими, мы утратили пониманіе ихъ цѣнности. Все стало обычно и пошло. Все извѣдано и все пріѣлось. Но теперь, проболтавшись мѣсяца три на войнѣ, побывавъ по предыдущей своей дѣятельности въ разныхъ передрягахъ, поголовавъ и поскучавъ другою скукою, я опять начинаю любить жизнь. Я хочу вернуться цѣлымъ, но съ крестомъ, конечно, съ мечами и бантомъ, двумя, тремя крестами, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. И я ихъ заслужу. Безъ „номера“ я не уѣду. Война — славная школа характеровъ. И я хочу взять отъ нея все, пережить всѣ труды, всѣ лишенія, всѣ опасности. Они мнѣ не страшны, ибо я знаю, что страшнѣе ихъ пресыщеніе жизнью, — ибо я вѣрю, что если живъ останусь, то міръ, и люди и вся жизнь покажутся мнѣ краше прежняго.

И, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, онъ натянулъ на себя короткое лѣтнее пальто, свернулся калачикомъ и черезъ минуту спалъ безмятежнымъ сномъ человѣка, разгадавшаго смыслъ и цѣль жизни.

Иванъ Федоровичъ и кадетъ, тѣ давно уже спали. Надо было и мнѣ засыпать, но множество новыхъ пережитыхъ ощущений роилось въ головѣ, мѣшалось съ прошлымъ, и я уснулъ съ послѣднею мыслью, что завтра начнется что-то новое, великое, грозное, важное...

Между тѣмъ этотъ *новый* для насъ завтрашній день, — для отряда, въ который мы ѣхали, былъ только новымъ звеномъ въ длинной цѣпи пережитыхъ имъ боевыхъ испытаній. У отряда было уже большое прошлое, съ которымъ мы теперь и познакомимъ читателя, пока нашъ небольшой кара-

ванъ почуветь въ грязной фанзѣ затерянной въ горахъ китайской деревушки.

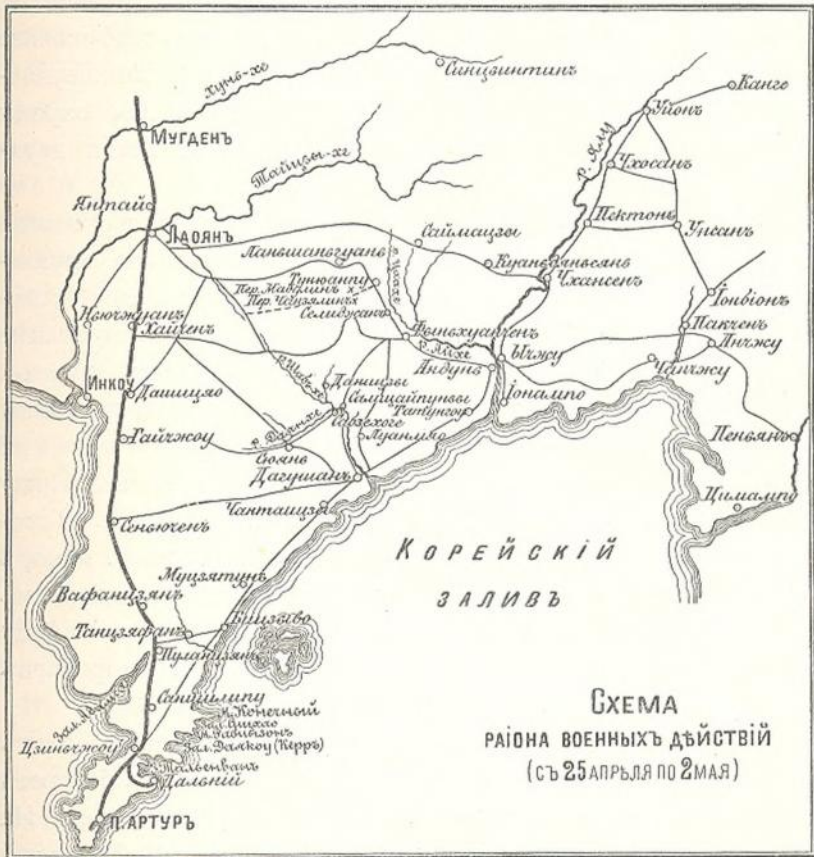
ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Боевая служба отряда. Отъ начала войны до переправы за Ялу ¹⁾.

Война застала части отдѣльной забайкальской казачьей бригады (1-й Верхнеудинскій и 1-й Читинскій полки) въ разныхъ мѣстахъ. Верхнеудинскій полкъ стоялъ въ Талиенванѣ, и съ нимъ 29 января генералъ Мищенко выступилъ на соединеніе съ читинцами. Ко дню мобилизаціи (27 января) Читинскій полкъ расквартированъ былъ по разнымъ мѣстамъ: 4 сотни его стояли въ Фынхуанченѣ, одна въ Шанхайгуанѣ и одна въ Мукденѣ. Весь полкъ былъ въ уменьшенномъ составѣ, имѣя во взводахъ, вмѣсто установленныхъ 16 рядовъ, по четырнадцать. Да и эти 14 были неполны. Много людей было въ командировкахъ, такъ что сотни выступили въ составѣ отъ 80 до 100 человекъ, при 17 офицерахъ. Только 3 февраля, когда полкъ уже стоялъ въ Шахедзахъ, прибыли въ него на укомплектованіе 204 молодыхъ казака, совершенно необученные. Въ Шахедзы полкъ выступилъ въ составѣ 4-хъ сотенъ, вмѣстѣ съ 1-й забайкальской казачьей батареей,

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ на основаніи краткой лѣтописи о службѣ и боевыхъ дѣйствіяхъ 1-го Читинскаго полка забайкальскаго казачьяго войска, составляющаго ядро отряда Мищенко и по рассказамъ офицеровъ отряда. Остальныя части его—аргунцы, верхнеудицы, уссурійцы—входили въ его составъ и выходили, одни только читинцы пережили неразлучно съ генераломъ Мищенко весь тяжелый первый періодъ кампаніи—и въ ореолѣ славы, окружающей отрядъ и его достойнаго вождя, имъ принадлежитъ наибольшее количество лучей. Мы видимъ этотъ полкъ во всѣхъ дѣлахъ отряда: на Ялу, подъ Чончжу, Уулаассой, Сюанемъ, Сахотаномъ, Судзянудзой. На долю полка и его офицеровъ выпали самыя опасныя и важныя развѣдки. Вотъ почему, слѣдя за однимъ только этимъ полкомъ, мы познакомимся со службою и всего отряда.

30 января. Но еще 28 числа, рано утромъ, 1-я сотня пошла къ границамъ Кореи. Въ Шахедзы подошли и остальные сотни, изъ Мукдена и Шанхайгуаня. Полку поставлено было задачей: стоя въ Шахедзахъ вмѣстѣ съ 1-й забайкальской казачьей батареей и охотничьей командой 15 Восточно-

Сибирскаго стрѣлковаго полка, наблюдать двумя сотнями рѣку Ялу и побережье отъ Кулуцзы до деревни Татунгоу (120 верстѣ), захватить на рѣкѣ всѣ перевозочныя средства и произвести развѣдку въ Корею, по возможности до Пеньяна.

1 же февраля три офицерскихъ разъѣзда — поручика Святополкъ-Мирскаго, хорунжаго Ланшакова и подхорунжаго Назорова—были высланы въ Корею.

4 февраля получена была телеграмма о сформированіи передового коннаго отряда подъ командою генералъ-маіора Мищенко, въ составѣ 1-го Читинскаго полка, 1-го Аргунскаго, охотничьей команды 15-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 1-й забайкальской казачьей батареи ¹⁾. Верхнеудинскій же полкъ оставленъ былъ въ Дагушанѣ для охраны побережья отъ Бицзево до Дагушаня, на протяженіи двухсотъ слишкомъ верстъ.

Первоначально передовому конному отряду поставлена была смѣлая задача: отыскать и разбить японскую кавалерію. Во исполненіе этой задачи на другой же день, 5 февраля, въ Корею высланы были на соединеніе съ ранѣе ушедшею туда 1-ю сотнею Читинскаго полка еще 3-я и 4-я сотни, которыя подъ общемою командою войскового старшины Куклина составили авангардъ передового отряда.

6 февраля разъѣзды этихъ сотенъ захватили въ Ичжу шесть японцевъ и трехъ японокъ. Это были маіоръ Того-Таузиро съ женой, служанкою и пятью солдатами. Маіоръ былъ командированъ на Ялу для наблюденія за движеніемъ нашихъ войскъ черезъ рѣку. Но пробылъ онъ въ Ичжу всего нѣсколько дней, былъ нами схваченъ и отправленъ въ Иркутскъ.

8 февраля въ Ичжу пришла 5-я сотня и заняла этотъ городъ, а 10-го числа и остальные сотни полка съ батареей и охотничьей командой прошли чрезъ Ичжу въ Корею. На другой день, 11-го, къ отряду присоединился 1-й Аргунскій полкъ.

Съ прибытіемъ аргунцевъ весь передовой конный отрядъ былъ въ сборѣ и черезъ Коджу и Аньчжу двинулся далѣе къ Пеньяну, въ глубь Кореи.

¹⁾ Позднѣе въ составъ его вошелъ и Уссурійскій казачій полкъ.

Пеньянь, эта древняя столица Кореи, какъ пунктъ, на который опирался лѣвый флангъ операціонной базы японцевъ, имѣлъ, конечно, весьма важное значеніе. Къ тому же въ немъ, какъ въ крупномъ торговомъ центрѣ, открытомъ и для иностранной торговли, перекрещивались лучшія дороги: на сѣверъ—въ Манчжурію, на югъ—въ Сеулъ и на сѣверовостокъ—въ Гензанъ.

Самый городъ расположенъ на правомъ, командующемъ берегу рѣки Тайдолганъ (Тадонганъ, Татонгъ), представляющемъ волнистое плато съ болотистою почвою, на которомъ тамъ и сямъ попадаются углубленія, наполненныя стоячею зеленою водою; это—разсадники болѣзней. На противоположномъ берегу на югъ и юго-востокъ разстилается верстъ на пятьдесятъ долина съ цѣпью холмовъ на далекомъ горизонтѣ, а съ сѣвера и запада подходят къ городу господствующія надъ нимъ, поросшія лѣсомъ высоты, у подошвы которыхъ и протекаетъ рѣка Тайдолганъ. Она судоходна только для сравнительно небольшихъ судовъ; въ половодье иные морскіе пароходы доходятъ и до самаго Пеньяна, обыкновенно же они останавливаются верстахъ въ шести отъ города. По Тайдолгану въ Пеньянь везутъ изъ двухъ провинцій, Пхюньаньдо и Хоанъ-хадо, желѣзную руду, золото, каменный уголь, шкуры, строительный лѣсъ, хлопокъ, бобы и продукты шелководства.

Въ Пеньянь теперь тысячъ тридцать жителей, а до войны съ Японіей Китая ихъ было вдвое больше. Городъ, это—лабиринтъ узкихъ грязныхъ улицъ и переулковъ, это куча 12,000 домовъ, лѣпящихся одинъ возлѣ другого въ беспорядкѣ. Онъ обнесенъ высокой каменной стѣной, представляющей въ планѣ видъ растянутаго многоугольника, периметромъ въ шесть верстъ. Стѣна прекрасно сохранилась. Въ сѣверной части города, наиболѣе возвышенной, есть цитадель, также старинной постройки. Для передовой же обороны этой части города природа создала три гряды холмовъ, на которыхъ китайцы въ 1894 году имѣли шесть

Трудный подъем. Движение артиллерии от Ляояна к Фынхуанчуню. Рис. И. Владимірова.

полевыхъ укрѣпленій. И корейцы, и китайцы всегда признавали выгоду мѣстоположенія Пенъяна въ стратегическомъ отношеніи и всегда его укрѣпляли. Такъ, въ 1894 году, когда японцы брали Пенъянъ у китайцевъ, общее число фортификаціонныхъ построекъ доходило до 27 на фронтѣ въ 10 верстѣ длиною. Отъ нихъ кое-что уцѣлѣло донинѣ.

Дорога отъ Ичжу черезъ Аньчжу на Пенъянъ, по которой вслѣдъ за передовыми сотнями двинулся отрядъ генерала Мищенко, имѣетъ восемь шаговъ въ ширину и проложена по твердому каменистому грунту—на возвышенностяхъ и по глинистому—въ долинахъ, гдѣ во время дождей онъ дѣлается вязкимъ, труднымъ для движенія. Последнее обстоятельство относится, впрочемъ, къ части дороги до Аньчжу, идущей среди рисовыхъ полей. За Аньчжу дорога затрудняется семью очень крутыми и длинными перевалами. Такъ, только на одномъ изъ нихъ подъемъ вѣтся зигзагами на протяженіи 17-ти верстѣ.

— Семнадцать верстѣ въ гору. Это много,—говорилъ мнѣ участникъ этого похода.—У людей и лошадей, особенно въ артиллеріи, духу не хватало... Перевалили горы—спускъ къ рѣкѣ Чончонгану, имѣющей болѣе полуверсты въ ширину и болѣе сажени въ глубину. По мостамъ китайскаго ремонта идешь съ опаскою... Близость моря сказывается на водѣ. Колодцы есть, но ихъ мало, а въ рѣчкахъ въ сухое время года она горько-соленого вкуса.

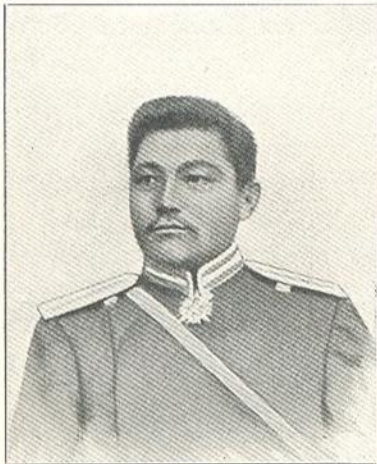
Населенъ весь этотъ районъ довольно густо, но населеніе довольно бѣдное и живетъ по небольшимъ деревушкамъ, гдѣ трудно доставать продовольствіе и фуражъ для большого отряда.

Таковъ путь, по которому впервые тронулись русскія войска.

12 февраля передовыя сотни коннаго отряда генерала Мищенко перешли рѣку Чончонганъ и остановились въ Аньчжу. Имъ приказано было дальше не двигаться, а отдѣльными развѣздами произвести развѣдку Пенъяна и Нимбена.

13 февраля для этой цѣли выдѣлена была 1-я сотня Читинскаго полка и подъ командою есаула Перфильева пошла къ Пеньяну. 14-го она подошла къ нему на пятнадцать верстъ и узнала отъ жителей окрестныхъ деревень, что городъ занятъ сильнымъ отрядомъ японцевъ. Говорили, что тамъ ихъ тысячъ восемь. Цифра эта не смутила, однако, Перфильева, и на разсвѣтъ слѣдующаго дня онъ подошелъ съ сотнею къ Пеньяну. Высланы были развѣзды для непосредственной его развѣдки.

Первымъ встрѣтился съ японцами развѣздъ подъесаула

Н. С. Сарычева. При видѣ русскихъ японскій развѣздъ въ шесть человекъ при офицерѣ, видимо, опѣшилъ отъ неожиданности. Остановился... Стоить и не видитъ, какъ сбоку подходитъ къ нему другой нашъ развѣздъ подъ командой хорунжаго Ланшакова. Подошелъ Ланшаковъ съ своими тремя казаками: урядникомъ Антономъ Бѣломѣстновымъ, Фомою Измайловымъ и Никитой Бѣломѣстновымъ, почти вплотную—и бросился въ атаку

Хорунжій Ланшаковъ. на японцевъ. Повернули тѣ коней и карьеромъ бросились назадъ къ Пеньяну. Офицеръ уходилъ послѣднимъ и на скаку стрѣлялъ изъ револьвера... Скачутъ они... Вотъ и стѣны Пеньяна... Догоняютъ казаки японцевъ... Но въ это время и пригородъ, и стѣны города загорѣлись ружейнымъ огнемъ. Пришлось отходить, выпустивъ изъ рукъ добычу. Но уже по беспорядочности огня, по крикамъ и шуму за стѣною можно было судить о поднявшейся въ Пеньянѣ тревогѣ отъ внезапнаго появленія русскихъ. Очевидно, наступленія русскихъ войскъ въ Корею не ждали.

Это былъ уже важный результатъ развѣдки. Использовать его не пришлось, такъ какъ 18 февраля отрядъ получилъ приказаніе отойти къ рѣкѣ Ялу. Вызвано было оно опасеніемъ лишиться конницы въ самомъ началѣ войны. Отрядъ сталъ отходить двумя дорогами. Одна колонна шла по большой дорогѣ на Сенчхенъ—Ичжу, другая—на Кусенъ—Сакчжу. Бывшія впереди сотни Читинскаго полка—1-я, 3-я и 4-я—остались въ Сенчхенѣ и Кусенѣ съ приказаніемъ развѣдывать мѣстность впередъ верстъ на 30—40.

Въ Ичжу, куда стянулся весь отрядъ, онъ простоялъ три дня. Въ это время въ Читинскій полкъ прибыло на укомплектованіе еще 213 льготныхъ казаковъ. Изъ нихъ 160 было пѣшихъ обозныхъ. Но такъ какъ отъ колеснаго обоза отрядъ отказался и взялъ съ собою въ походъ вмѣсто 154 двуколокъ только по 35 на полкъ, а затѣмъ и эти были оставлены и взятъ обозъ только выучный, то на часть обозныхъ лошадей, а также на купленныхъ въ Забайкальѣ и только что приведенныхъ посадили предназначенныхъ въ обозъ казаковъ, пріобрѣтя имъ китайскія сѣдла. Благодаря этому, получились сотни по 16 и даже 18 рядовъ во взводѣ, но половина изъ нихъ была или не обучена вовсе, или хорошо позабыла на льготѣ все то, чему когда-то училась. Ихъ школою стала война, пока представлявшая рядъ мелкихъ стычекъ нашихъ развѣздовъ отъ передовыхъ трехъ сотенъ съ японскими развѣздами. Такъ, развѣздъ подхорунжаго Назорова, возвращаясь изъ Нимбена, узналъ, что находящійся впереди него японскій развѣздъ тѣснитъ развѣздъ 1-го Аргунскаго полка. Онъ тотчасъ же на рысяхъ пошелъ туда и, встрѣтивъ около Касана уже уходящій японскій развѣздъ, атаковалъ его. Японцы бросились вразсыпную, но одинъ изъ нихъ упалъ во рву съ лошади и запутался въ стремени и поводѣ. Казакъ 2-й сотни Дорофей Першинъ опередилъ весь развѣздъ и поскакалъ къ упавшему японцу. Но тотъ уже освободился отъ путъ, всталъ и съ саблею ждалъ Першина. Нашъ казакъ, ради честнаго боя, также спѣшился и съ шашкою

бросился на японца. Произошло фехтованіе на шашкахъ. Соперники оба оказались искусными бойцами и долго слышался лязгъ ихъ клинковъ другъ о друга. Наконецъ, Першинъ побѣдилъ и нанесъ-таки ударъ японцу. Тотъ бросился бѣжать и былъ подстрѣленъ.

24 февраля нашъ разъѣздъ обнаружилъ на рѣкѣ Чончонганѣ четыре непріятельскихъ поста и за ними конный дозоръ. У Пакчена мы устроили японскому разъѣзду засаду. Попавъ въ нее, японцы разсѣялись, потерявъ одного человека убитымъ. Преслѣдуя ихъ, казаки подобрали нѣсколько патроновъ, пироксилиновыя шашки и одѣяла.

26 февраля, оставивъ въ Ичжу батарею и охотничью команду, отрядъ вновь выступилъ по дорогѣ на Аньчжу. У Сакчжу были оставлены 3-я и 4-я сотни, для наблюденія за путями, ведущими изъ Кореи на сѣверъ, въ направленіи на Пiekдонъ и Канге, для чего имъ приказано выслать разъѣзды на Унсанъ и Тайчужанъ. 1-я сотня читинцевъ осталась въ Ичжу для обезпеченія отряду переправы чрезъ Ялу на обратномъ пути. Въ Ламбыгоу, на русскомъ участкѣ, оставлена была 4-я сотня аргунцевъ подъ командою есаула Пышкова (Якова) для наблюденія за моремъ.

3 марта отрядъ пришелъ въ Касанъ, а передовыя его сотни дошли до Аньчжу, уже занятаго теперь двухтысячнымъ японскимъ отрядомъ. Съ шестою сотнею Аргунскаго полка генераль Мищенко самъ выѣхалъ къ Аньчжу и съ праваго берега Чончонгана произвелъ усиленную рекогносцировку города, послѣ которой отошелъ къ Пакчену и занялъ отдѣльными заставами правый берегъ Пакченгана, отъ устья его до Нимбена и отъ этого послѣдняго къ сѣверу на одинъ переходъ. Разъѣзды ходили до Чончонгана. Резервъ стоялъ у Касана. Отсюда высылались разъѣзды влѣво къ Тайчужану и вправо—къ морю, для наблюденія за бухтами, гдѣ наступавшая весна ломала ледъ и открывала японцамъ возможность дѣлать высадку войскъ.

4 марта разъѣзды эти, подойдя близко къ Аньчжу, обнаружили на лѣвомъ берегу Чончонгана японскія заставы и непріятельскіе окопы противъ города. Заготовленъ былъ уже и матеріаль для наводки мостовъ сѣвернѣе и южнѣе города, а къ наводкѣ одного, выше Аньчжу, было даже приступлено. Можно было предполагать, что здѣсь—одна дивизія, а въ Пеньянѣ осталъная часть первой арміи; въ Юнгбенѣ непріятели еще не было.

5 марта японская кавалерія показалась уже между Чончонганомъ и Пакченганомъ. Получилось свѣдѣніе о прибытіи въ Пакченъ двухъ непріятельскихъ эскадроновъ. Туда сейчасъ же были направлены двѣ наши сотни для воспрепятствованія противнику перехода черезъ Пакченганъ. На лѣвомъ берегу рѣки сотни эти замѣтили непріятельскіе эскадроны, на разномастныхъ лошадахъ, силою по 190 коней. Ихъ было теперь уже три. Не принимая боя, они, съ приближеніемъ нашего отряда, стали отходить къ Аньчжу.

Въ ночь на 6-е число два посыльныхъ нашей легкой почты между Касаномъ и Чончжу наткнулись на японскій разъѣздъ, были встрѣчены его огнемъ, но благополучно отошли. Получилось извѣстіе, что на разсвѣтъ 6-го числа отрядъ японской кавалеріи въ 300 человѣкъ занялъ и Юнгбенъ. Выяснивъ движеніе непріятели изъ Пеняна на Аньчжу—Сенченъ, отрядъ нашъ того же 6-го числа сталъ отходить къ Ялу, все время оставаясь въ соприкосновеніи съ противникомъ. Крайне осторожные, всюду натыкаясь на наши сильныя разъѣзды, японцы медленно подвигались впередъ. Съ цѣлью развѣдать, какія силы непріятели перешли черезъ рѣку Чончонганъ, генераль Мищенко, въ 11 часовъ вечера 10 марта, выслалъ впередъ двѣ сводныхъ сотни, по одной отъ Читинскаго и Аргунскаго полковъ. Одна изъ нихъ въ полутора верстахъ отъ Пакченгана замѣтила непріятельскую конную заставу силою въ 30 человѣкъ, которая съ приближеніемъ нашей сотни стала усиливаться, а затѣмъ прикрывалась пѣхотой. Тогда изъ сотни спѣшились два взвода и от-

крыли огонь по заставѣ и развѣзду, показавшемуся въ 400 шагахъ. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, получивъ донесеніе о наступленіи непріятельской пѣхоты, сотня наша стала отходить. Развѣдка выяснила, что небольшіе головные отряды японцевъ изъ пѣхоты и кавалеріи находятся уже на правомъ берегу Пакченгана, а развѣзды ихъ доходятъ до Касана; что въ Аньчжу—3,000 японцевъ; что въ Цинампо постоянно прибываютъ японскіе военныя суда и транспорты и что войска, высадившись здѣсь, идутъ къ Пенъяну и далѣе на Унсанъ и Канге.

Задачу развѣдки можно было считать исполненной, и на 14 марта назначена была переправа за Ялу, обратно, на манчжурскій берегъ. Но ее пришлось отложить, и вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Отрядъ стоялъ въ Сенчхенѣ, когда генералу Мищенко доставлено было для ознакомленія письмо командовавшаго тогда манчжурскою арміею генераль-лейтенанта Линевича къ сторожившему Ялу генераль-маіору Кашталинскому. Сообщая въ немъ, что главнокомандующій, адм. Алексѣевъ, будучи доволенъ въ общемъ дѣйствіями передового коннаго отряда, находитъ однако, что Мищенко дѣйствуетъ съ чрезмѣрною осторожностью, генераль Линевичъ выражалъ сожалѣніе, что „Мищенко не потрепалъ японцевъ“¹⁾... Рѣшили „потрепать“ ихъ...

13 марта начальникъ отряда собралъ къ себѣ офицеровъ и сказалъ имъ короткую, но вдохновенную рѣчь.

— Мы уходимъ за Ялу. Надо завершить нашъ походъ въ Корею боемъ, чтобы дать урокъ его японцамъ... Японская кавалерія, видимо, отъ него уклоняется... Заставимъ ее принять—и дадимъ ей почувствовать силу нашихъ шашекъ...

¹⁾ Впослѣдствіи полковникъ Павловъ говорилъ мнѣ, что, имѣя одинъ полкъ, нельзя было допустить и мысли, чтобы у него была другая задача, кромѣ доставленія свѣдѣній о пунктахъ высадки противника и путяхъ его наступленія къ Ялу... Полкъ отходилъ, все время держа связь съ противникомъ, и выяснилъ, что онъ идетъ не на Канге, а на Касанъ—Ичжу.

И генераль объявилъ походъ съ боемъ на Чончжу, въ окрестностяхъ котораго, по добытымъ свѣдѣніямъ, стояли четыре эскадрона японской конницы... Самый городъ также былъ занятъ японцами. Рѣшеніе это, конечно, было принято восторженно...

14 марта отрядъ передвинулся къ Носану, а 15-го, съ 6-ти часовъ утра, двинулся къ Чончжу... Разъѣзды, тѣ ушли еще ранѣе.

Какъ и всѣ корейскіе города, Чончжу обнесенъ высокою стѣною изъ сѣраго дикаго камня. Горы съ крутыми, скалистыми скатами, съ иззубренными вершинами, сжали его съ двухъ сторонъ. Къ городу ведутъ три дороги, пролегающія чрезъ неглубокія каменистыя лощины... По всѣмъ имъ и двинулся отрядъ: по средней, главной дорогѣ колонну (3 сотни) велъ самъ Мищенко, лѣвую колонну (2 сотни)—полковникъ Трухинъ; въ правой была всего одна сотня. Еще одна сотня читинцевъ направлена была въ обходъ города, чтобы отрѣзать выходъ изъ него съ юга. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое, праздничное. День былъ ясный, теплый; горный туманъ скоро разсѣялся... Въ чистомъ горномъ воздухѣ далеко было видно... Только не врага... Онъ притаился. Около 10¹/₂ часовъ утра отрядъ подошелъ къ Чончжу. Дозоръ средней колонны вошелъ въ городскія ворота—и вернулся доложить, что никого не видно... Городъ казался вымершимъ. Но едва дозоръ лѣвой колонны вступилъ за ограду, какъ загремѣли выстрѣлы. Сотни лѣвой колонны, наметомъ бросились ему на выручку, ворвались въ ворота, слѣпились за сопкою внутри городской стѣны и въ пѣшемъ строю бросились на ея вершину... Шагахъ въ 600 за западною стѣною лежали японцы. Увидѣли нашихъ—и сейчасъ же открыли огонь пачками. Казаки отвѣчали имъ залпами, дружными, мѣткими. Есауль Красноставовъ послѣ каждаго такого залпа благодарилъ:—„Спасибо, братцы!“ И „братцы“, такъ же дружно, какъ стрѣляли, отвѣчали ему изъ цѣпи: „рады стараться, ваше высокоблагородіе!“

Подоспѣли и остальные колонны и, также спѣшившись, заняли позиціи: правая колонна — на горѣ, подлѣ города, средняя — за горою, за городомъ.

Штабсъ-капитанъ Степановъ (†).

Въ узкой улицѣ, подъ дождемъ нашихъ пуль, происходила невѣроятная суматоха. Метались люди, лошади, повозки... Пылкій, нетерпѣливый штабсъ-капитанъ Степановъ рѣшилъ воспользоваться этою минутою и ударить на врага въ шашки въ пѣшемъ строю...

Скомандовавъ „шашки вонъ“..., онъ поднялся изъ-за стѣны, за которою лежала наша цѣпь...

Выяснилось, что городъ занять ротой пѣхоты и эскадронномъ конницы. Несмотря на столь незначительныя силы и на наше командующее положеніе на высотахъ, противникъ упорно держался за стѣнами города и только послѣ получасового жестокаго огня японцы стали прятаться въ фанзы, надъ которыми въ двухъ мѣстахъ поднялись флаги Краснаго Креста. Когда стоявшимъ въ пяти верстахъ за Чончжу по касанской дорогѣ тремъ эскадронамъ японской кавалеріи стало извѣстно о нашей атакѣ Чончжу, они карьеромъ поехали на выручку своихъ. Двумъ эскадронамъ удалось вскочить въ городъ, третій же попалъ подъ залпы нашихъ сотенъ и въ безпорядкѣ повернулъ назадъ. Видно было, какъ валились и люди и лошади...

— Ваше благородіе, въ васъ цѣлѣть... Берегитесь!.. кричали ему казаки, но было уже поздно... Пуля уложила храбреца... Казаковъ повель корнетъ Базилевичъ, но и онъ тотчасъ же упалъ, пораженный пулею въ животъ, за нимъ упали еще девять казаковъ ранеными и два убитыми. Въ это время на касанской дорогѣ показалось облако пыли... То бѣгомъ бѣжали на подмогу атакованнымъ четыре японскихъ роты. Тогда генераль Мищенко приказалъ коноводамъ подать лошадей спѣшеннымъ сотнямъ, и отрядъ, подъ прикрытіемъ одной сотни, въ полномъ порядкѣ шагомъ прошелъ по лощинѣ и вытянулся за горой въ походную колонну, имѣя впереди своихъ раненыхъ.

Разбитые японскіе эскадроны не были въ состояніи быстро занять оставленныя нами высоты, а пѣхота ихъ опоздала. Отрядъ нашъ, охраняемый сзади полк. Павловымъ съ одною сотнею Читинскаго полка, спокойно дошелъ до Куансана (уѣздный городъ въ 11 верстахъ отъ Чончжу), сдѣлалъ здѣсь на два часа привалъ для перевязки раненыхъ и въ 9 часовъ вечера достигъ Носана.

Подъесаулъ И. Ф.
Шильниковъ.

Въ этомъ бою мы потеряли: штабсъ-капитана Степанова ¹⁾, поручика Андриенко и корнета Базилевича, раненыхъ тяжело, первый — въ грудь, второй—въ животъ. Сотникъ 1-го Читинскаго полка И. Ф. Шильниковъ, серьезно раненый въ руку и подъ лопатку, остался въ строю. Казаковъ убито три, ранено двѣнадцать. Генераль Мищенко, донося объ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствовалъ объ отличномъ поведеніи въ бою начальниковъ, офицеровъ и казаковъ, въ особенности 3-й сотни Аргунскаго полка, подъ командою подъесаула Красноставова, и о выдающейся храбрости раненыхъ офицеровъ. Дѣло это въ официальномъ

¹⁾ Скончался черезъ день.

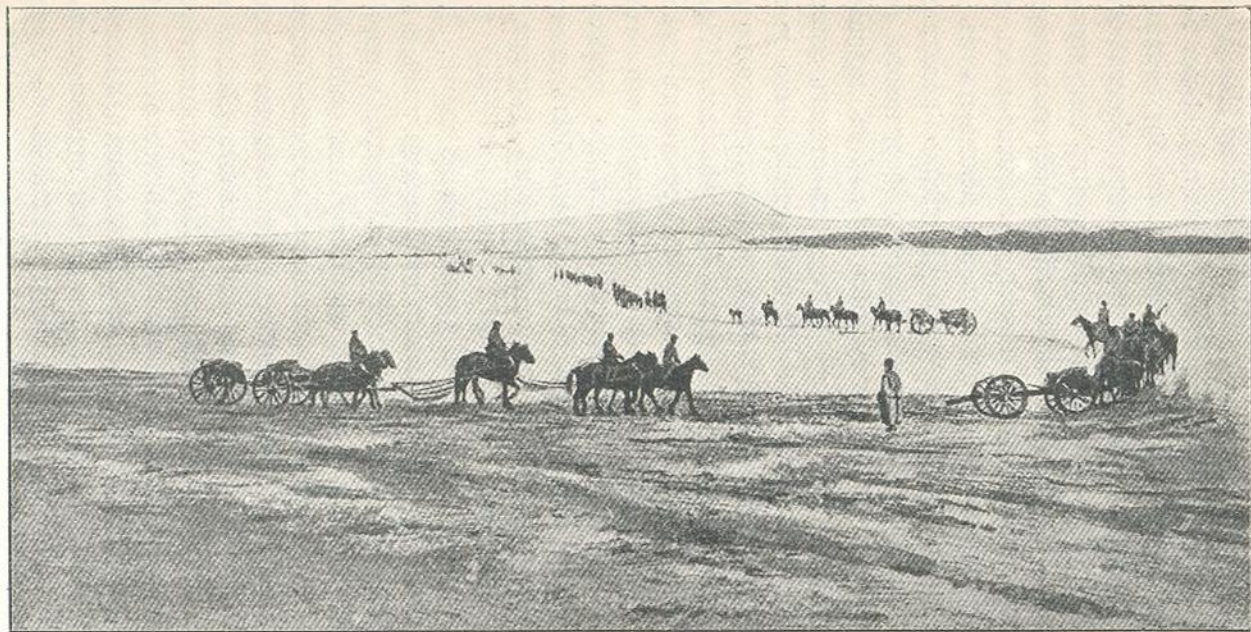
японскомъ донесеніи названо „соприкосновеніемъ съ русскимъ передовымъ отрядомъ“ и потери отъ него опредѣлены очень скромно: въ 3 офицера и 14 нижнихъ чиновъ. Корейцы говорятъ иное. Они сообщали потомъ нашимъ развѣздамъ, что пятьсотъ человѣкъ ихъ наняты были для относа ста двадцати раненыхъ.

Бой этотъ выяснилъ, что въ окрестностяхъ Аньчжу, Чончжу и Пеньяна сосредоточивается 1-я японская армія. Стоять передъ нею, имѣя въ тылу рѣку безъ бродовъ, было рискованно, и потому на другой день послѣ боя отрядъ пошелъ къ Ичжу для переправы черезъ Ялу. Въ Сенчхенѣ онъ раздѣлился на двѣ колонны. Четыре сотни Читинскаго полка, подъ командою полковника Павлова, пошли прямо на переправу, остальные на Кусенъ и оттуда уже на Ичжу. Шли съ сильною охраною обоихъ фланговъ, такъ какъ были получены свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ бухтахъ уже произошла высадка японскихъ войскъ.

18 марта подошли къ Ялу. Даже въ сухое время года, въ октябрѣ и ноябрѣ, она представляетъ серьезное препятствіе; теперь же, въ весеннюю пору, во время ледохода, переправа чрезъ нее была и опасна, и чрезвычайно затруднительна.

Передъ впаденіемъ въ Корейскій заливъ, въ окрестностяхъ города Ичжу, Ялу разбивается на нѣсколько рукавовъ, образуя дельту, шириною до 30-ти верстъ. Каждый изъ рукавовъ дельты течетъ по глубокому руслу, шириною въ самомъ узкомъ мѣстѣ до 80 сажень, а во многихъ мѣстахъ ширина рукавовъ достигаетъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ версты. Во время половодья вся дельта заливается водою. Теченіе 2—3 фута въ секунду, разумѣется внѣ перекатовъ и плесовъ. Китайскій берегъ командующій.

Выборъ пункта переправы чрезъ Ялу вызвалъ нѣкоторое разногласіе между генераломъ Мищенко и сторожившимъ рѣку генераломъ Кашталинскимъ. Послѣдній полагалъ, что лучше всего переправиться чрезъ Ялу въ направленіи Ша-

Переправа 1-й Забайкальской казачьей батареи по льду через Ялу 10 февраля.
(По фотографии Л. Станкевича).

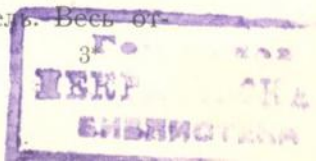
хедзы—Ичжу. Первый же просилъ генерала Кашталинскаго приготовить ему переправу нѣсколько выше Ичжу, противъ Тюренчена. Свой выборъ этого участка переправы генераль Мищенко основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: мѣстность у Ичжу такова, что высоты лѣваго берега отходятъ верстъ на 5—6 на юго-востокъ и образуютъ широкую открытую низину. До Ичжу же высоты лѣваго берега подходятъ къ рѣкѣ очень близко (1—2 версты), въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ почти вплотную. Оцѣнивая эту мѣстность съ тактической точки зрѣнія, генераль Мищенко полагалъ, что японцы, наступая на хвостѣ нашего передового коннаго отряда, не пойдутъ на Ичжу, ибо здѣсь имъ пришлось бы идти довольно долго (5—6 верстъ) подъ огнемъ нашего отряда, прикрывающаго переправу. Выгоднѣе было имъ идти на Тюренченъ, гдѣ по открытой долинѣ предстояло пройти подъ огнемъ только 1—2 версты. Но генераль Кашталинскій упорствовалъ, — и, говорятъ, по причинамъ „мѣстничества“... Послѣдующія событія показали, что генераль Мищенко былъ правъ, но теперь не въ его рукахъ были средства переправы чрезъ Ялу, и онъ былъ вынужденъ направить свой отрядъ согласно указаніямъ генерала Кашталинскаго къ Ичжу.

На переправу пришли въ 3 часа дня 18 марта. Ледъ на Ялу прошелъ только нѣсколько дней передъ тѣмъ, и правый рукавъ рѣки, обычно переходимый въ бродъ, теперь былъ непроходимъ. Остававшійся въ Ичжу для наблюденія за рѣкою сотникъ Сараевъ заготовилъ лодокъ—ботовъ, выдолбленныхъ изъ цѣлаго дерева, и, сколько могъ, шаландъ. Переправа началась съ мѣста по приходѣ. Сѣдла, оружіе, люди переправлялись въ лодкахъ, лошадей погнали въ воду, вплавъ. Но вода была холодна, по рѣкѣ несло еще льдины, правда, небольшія, но онѣ все же били лошадей, кололи ихъ — и лошади шли въ воду неохотно. Стали переправлять ихъ, привязывая по шесть, по восемь лошадей къ боту или шаландѣ. Но и тутъ не обходилось безъ происшествій. Такъ,

на одномъ ботѣ плыли три урядника 6-й сотни Читинскаго полка и тащили за собою въ поводу нѣсколько лошадей. Одна изъ нихъ дернула отъ удара по ней льдины и перевернула ботъ. Казаки упали въ воду, но, уцѣпившись за хвосты лошадей, благополучно добрались до берега.

На переправу одной сотни потребовалось три часа времени. Переправа пошла успѣшнѣе, когда съ главнаго русла рѣки, отъ Матуцео, переправили на первый рукавъ еще нѣсколько большихъ шаландъ. Въ теченіе перваго дня переправили только черезъ первый рукавъ двѣ сотни и весь вьючный обозъ. Но такъ какъ медлить было нельзя, — противникъ шелъ по пятамъ, — то и темная, холодная ночь не прекратила переправы. Утромъ 19 марта переправилась 4-я сотня 1-го Аргунскаго полка, пришедшая изъ Ламбагоу, а къ 3 часамъ дня перешли черезъ первый рукавъ еще двѣ сотни читинцевъ, двѣ сотни уссурійцевъ и одна сотня аргунцевъ, а всего за сутки восемь сотенъ.

Съ 3 часовъ дня начался сильный ледоходъ, и черезъ какихъ-нибудь полчаса вся поверхность рѣки сплошь покрылась льдинами. Переправа стала невозможною ни для людей, ни для лошадей. По словамъ корейцевъ изъ окрестныхъ деревень, такое состояніе рѣки могло продлиться сутокъ двое. Въ 5^{1/2} часовъ вечера на переправу, которую все время руководилъ энергичный и находчивый командиръ 1-го Читинскаго полка, полковникъ Георгій Андреевичъ Павловъ, былъ самъ начальникъ отряда, генералъ Мищенко. Съ нѣсколькими сотнями онъ занималъ позицію на перевалѣ, верстахъ въ семи, и прикрывалъ переправу, готовый дать бой, чтобы задержать противника. Для развѣдки послѣдняго наши развѣзды все время ходили по Ялу, вверхъ и внизъ, и по дорогѣ на Кусень. Около восьми часовъ вечера отъ 1-го Аргунскаго полка вызваны были охотники-казаки для доставки пакета съ важными донесеніями на телеграфную станцію въ деревню Матуцео. Вооружившись топориками и шестами, они пошли, казалось, на вѣрную гибель. Весь от-

рядъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ, какъ они прыгали со льдины на льдину, работая то шестомъ, то топорикомъ. Но молодцы-казаки преодолѣли всѣ трудности, всѣ опасности и доставили пакетъ по назначенію.

Для переправы лошадей приступили къ устройству парома изъ нѣсколькихъ шаландъ, а тутъ, на наше счастье, въ 9 часовъ 50 минутъ вечера вода начала спадать, ледъ посрединѣ прошелъ и только на берегу осталась широкая полоса льда, чрезъ который не безъ труда проложили дорогу къ лодкамъ, шаландамъ и парому. Къ разсвѣту 20 марта переправили только амуницію 2-й и 5-й сотенъ Читинскаго полка, а утромъ—и лошадей этихъ сотенъ. Переправа была трудная и опасная, но къ 3-му часу дня она кончилась. Послѣдняя шаланда перевезла у Тюренчена начальника отряда съ его штабомъ и конвоемъ. И едва она переплыла первый стосаженный рукавъ, какъ ледоходъ возобновился. Но за первымъ рукавомъ предстояло преодолѣть еще два, менѣе широкихъ и глубокихъ. Ихъ перешли вплавь и по острову направились къ деревушкѣ, гдѣ ротою саперъ 2-го сапернаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Атрошенко, организована была переправа чрезъ послѣдній, четвертый, рукавъ на шаландахъ, ведомыхъ паровымъ катеромъ. И только 21 марта, около 2 часовъ дня, отрядъ очутился на манчжурскомъ берегу Ялу.

Корейскій походъ, продолжавшійся 49 дней, былъ оконченъ. За это время отрядомъ произведена была широкая развѣдка въ районѣ Ялу отъ устья его до Пектона и на востокъ чрезъ Аньчжу на Пенъянъ и Нимбенъ до устья рѣки Чончонгана, отъ Сакчжу до Пақчена. Были обнаружены мелкія развѣдочныя партіи, посты и заставы японцевъ; было установлено, что значительныя силы ихъ высадились въ началѣ февраля въ Чемульпо, Хайчжю и Цинампо и двинулись на сѣверо-востокъ къ Пенъяну и Аньчжу. Казаки видѣли ихъ—ихъ обозы, вереницы ихъ кули-носильщиковъ и, наконецъ, помѣрялись съ ними въ бою. Резюмируя труд-

ности похода, полковникъ Павловъ говорилъ мнѣ, что идти въ Корею и воевать въ ней можно только зимою, когда морозъ скуетъ льдомъ болотистыя рисовыя поля, изъ которыхъ состоитъ вся Корея. Въ погонѣ за увеличеніемъ площади этихъ полей, корейцы оставляютъ между ними только тропы на одну лошадь. Дороги же здѣсь крайне рѣдки и плохи.

Нашему передовому конному отряду пришлось, однако, быть въ Корей какъ разъ на грани зимы и весны. И уже тогда онъ ощущалъ трудности поддерживать связь съ базою. Такъ, въ виду дальности и отсутствія колеснаго обоза, сухари доставлять было почти невозможно. Люди кормились только мясомъ, котораго не жалѣли для казачьяго котла, и рисовой кашей. Иногда изъ риса, который сами же казаки мололи въ муку, пекли лепешки. Только изрѣдка изъ Тюренчена, гдѣ организовано было хлѣбопеченіе, привозили „родной русской ржаной хлѣбъ“.

— Онъ былъ у насъ на положеніи пряника, — говорили мнѣ, смѣясь, участники похода, шуткою поминая тяжелое время. Рисомъ же, часто неочищеннымъ, кормили и лошадей. И лошади ѣли съ удовольствіемъ. Неприятно было то, что жители уносили въ горы и тамъ прятали, зарывая въ землю, всѣ продукты, все, что могло и было намъ потребно. Приходилось высылать фуражировъ съ большой дороги въ стороны верстъ на десять, на пятнадцать. И это, конечно, сильно затрудняло и обременяло излишнею службою казаковъ. Она же и безъ того была нелегкая. Ежедневно отъ полка высылалось отъ двухъ до четырехъ офицерскихъ разъѣздовъ, держалась летучая почта отъ Аньчжу до Ичжу (130 верстъ), — до Сакхена и Кусена (90—100 верстъ), — до Пектона и на Ламбогоу.

Несмотря на всѣ эти труды и лишеныя, духъ войскъ отряда былъ превосходный, превосходно было и санитарное ихъ состояніе.

Больныхъ было меньше, чѣмъ въ мирное время, и

Читинскій полкъ, въ теченіе похода въ Корею, отправилъ въ госпиталь не больше десяти человекъ. Такъ свидѣтельствовавъ мнѣ полковой адъютантъ Читинскаго полка, сотникъ И. Ф. Шильниковъ.

21 же марта утромъ Ичжу былъ занятъ японцами, которые, говорятъ, чуть не бѣгомъ бѣжали къ мѣсту переправы нашего отряда. Но онъ спасенъ былъ мужествомъ своего начальника, генерала Мищенко, прикрывавшаго переправу, и энергіею и распорядительностью полковника Павлова, ею руководившаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ Ялу до Сюяна.

Съ переходомъ за Ялу развѣдывательная служба передового коннаго отряда генерала Мищенко кончилась и ему поставлена была новая задача: вмѣстѣ съ восточнымъ отрядомъ генерала Кашталинскаго сторожить эту рѣку и наблюдать за высадкою японскихъ войскъ на берега Ляодуна. Но при этомъ изъ отряда выбыли Аргунскій и Уссурійскій полки, составившіе особый наблюдательный отрядъ сперва подъ командою полковника Трухина, командира аргунцевъ, а потомъ подъ командою полковника Карцева.

Въ распоряженіи генерала Мищенко остались собственно его отдѣльная забайкальская казачья бригада (полки: Верхнеудинскій и Читинскій) и 1-я забайкальская казачья батарея. 1-му Читинскому полку поручено было наблюдать Ялу отъ Кондагоу до Тагунгоу, а отсюда до Бицзыво наблюдалъ рѣку 1-й Верхнеудинскій полкъ. Для связи съ восточнымъ отрядомъ, стоявшимъ у Шахедзы, устроена была на протяженіи 90 верстъ летучая почта. Ее обслуживала 3-я сотня читинцевъ, 5-я и 6-я сотни ихъ держали связь съ верхнеудинцами, а остальные три сотни съ батареею стояли въ резервѣ сперва у Эрлдагоу, а потомъ постепенно перешли въ Чибенсанъ — Мадугу — Молинзу. По рѣкѣ и побережью

1-я Забайкальская казачья батарея на позиции на остр. Матуцео противъ г. Ичжу охраняетъ переправу отряда черезъ Ялу 18—21 марта 1904 года. (Съ фотогр. Л. Станкевича).

вытянулась цѣпь постовъ и заставъ, между которыми безпрерывно сновали дозоры...

Болотистая мѣстность сильно затрудняла службу кавалеріи. Правый берегъ рѣки въ этомъ мѣстѣ представляетъ изъ себя низкую равнину, кажущуюся черною отъ распаханныхъ подъ гаолянъ и воздѣланныхъ подъ рисъ полей. Воздухъ здѣсь влажный, небо сѣро, даль затянута паромъ—туманомъ... Отъ каждаго дождя равнина эта превращается въ невылазную топь, по которой движеніе невозможно... Вязнуть легкія китайскія фудутунки, по брюхо погружаются мулы, люди ходятъ съ трудомъ, какъ жонглеры на канатѣ, по узкимъ гребешкамъ земли, раздѣляющимъ участки полей... И чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ эта топь шире и глубже... Его просторъ закрытъ для глазъ лѣсомъ желтыхъ камышей... Кое-гдѣ на отрогахъ горъ, подходящихъ къ рѣкѣ пологими, но волнистыми скатами, разбросаны отдѣльныя китайскія фанзы—жалкія, грязныя лачуги, окруженныя стоящими на поверхности земли гробами предковъ подъ тощими кривыми деревьями. Въ этихъ фанзахъ, на этомъ черномъ болотѣ, подъ хмурымъ небомъ и отдыхалъ отрядъ.

До 10 апрѣля все было спокойно, хотя на противоположномъ берегу и замѣтно было движеніе небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ и одиночныхъ людей. 10 числа изъ штаба арміи пришло увѣдомленіе, что 2-я японская армія уже отплыла къ берегамъ Ляодуна и что со дня на день надо ждать ея высадки и важныхъ событій.

И дѣйствительно, уже 11 числа къ заставѣ 1-й сотни Читинскаго полка у Тяусынгоу подошелъ японскій катеръ и далъ по часовому залпъ изъ десятка ружей, а 12-го—съ постовъ увидали въ морѣ и японскую эскадру. Она шла мимо Татунгоу въ устье Ялу. Во второмъ часу дня показался японскій пароходъ. Наша забайкальская батарея стояла уже на позиціи и тотчасъ же открыла по пароходу огонь. Но снаряды не долетали. Одинъ взводъ батареи продвинулся впередъ, насколько позволяла мѣстность, но и онъ ничего не могъ

сдѣлать. Съ парохода не отвѣчали и, только дойдя до Ламбогоу и ставъ тамъ на якорѣ, съ него сдѣлали два выстрѣла по коновязи 3-й чигинской сотни. За первымъ пароходомъ прошелъ второй, потомъ — третій, а у Татунгоу въ морѣ видны были и еще пароходы.

Корея—берегъ Ялу.

Наблюденіе за рѣкою и морскимъ берегомъ было усилено.

Высланы были дополнительные посты. Для развѣдки острова Каулигана посланъ былъ штабсъ-капитанъ Потоцкій съ 4-мя казаками. 13-го перешли въ дер. Молинза. Въ 4 часа дня взводъ нашей батареи съ высотъ у Амисана открылъ огонь по японскимъ пароходамъ, стоявшимъ у Ламбогоу, но тѣ засыпали его снарядами крупнаго калибра. Пришлось отойти. Съ тѣхъ поръ японскіе пароходы каждый день стали ходить въ Ламбогоу и послѣ высадки тамъ войскъ уходить обратно въ море. Миноноски, канонерки и паровые катера поднимались по Ялу за Сандагоу и выше, перестрѣливаясь съ нашими постами. Особенно большое, оживленное движеніе японскихъ судовъ замѣчено было 16 апрѣля. Бдительность

нашихъ постовъ была доведена до послѣдней степени, отрядъ занялъ боевое расположеніе, на ночь къ берегу высланы были пѣшія развѣдывательныя партіи, и Амисанская высота занята одною сотнею.

17 апрѣля, съ 8 часовъ утра, японскія суда, стоявшія у Ламбогоу, стали обстрѣливать расположеніе нашего отряда. Крейсера стрѣляли... по чучеламъ, предусмотрительно поставленнымъ забайкальцами-артиллеристами на высотахъ у Амисана и на всѣхъ возвышенностяхъ въ районѣ Амисанъ—Сандагау. А небольшія суда—катера, миноноски стрѣляли по нашимъ постамъ. И достаточно было показаться одному человѣку, чтобы туда сейчасъ же полетѣлъ снарядъ.

На разсвѣтѣ 18 числа взводъ нашей казачьей батареи съ высотъ у Амисана обстрѣлялъ японскія миноноски, при чемъ видно было, какъ одинъ снарядъ разорвался надъ самою миноноскою и осыпалъ ее градомъ пуль и осколковъ. Сдѣлавъ въ отвѣтъ нѣсколько выстрѣловъ, миноноски быстро ушли съ этого мѣста.

Весь день 17 и 18 апрѣля отрядъ тревожно прислушивался къ канонадѣ, гремѣвшей въ сторонѣ Шахедзы. Предъ нею ничтожнымъ казался огонь, который непріятельскія суда, стоявшія у Ламбогоу, открыли по берегу отъ Кованькоу до Сандогоу, осыпая своими снарядами каждую вершинку. Это у Тюренчена шель кровавый бой. Наши войска отходили подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника.

Въ 11 часовъ 30 минутъ утра 18 числа получено было и въ отрядѣ генерала Мищенко приказаніе отступить и идти къ Пьямыню и Фынхуанчену на соединеніе съ восточнымъ отрядомъ. Въ 4 часа дня, собравъ всѣ свои посты и заставы, отрядъ двинулся на Лидяпхузу, Идяпудзы къ Пьямыню. Для установленія связи съ восточнымъ отрядомъ былъ посланъ развѣздъ хорунжаго Петрункевича, а за нимъ направлена и вся 2-я сотня Читинскаго полка; 6-я сотня этого полка осталась для связи съ Верхнеудинскимъ полкомъ, стоявшимъ отъ Бицзыво до Татунгоу и также долженствовавшимъ отхо-

дить на соединеніе съ отрядомъ. На берегу Ялу для наблюденія за противникомъ осталась сѣть разъѣздовъ. Одинъ изъ нихъ открылъ движеніе японской конницы отъ Шахедзы въ Татунгоу, а другой видѣлъ, какъ одна японская рота, переправившись черезъ Ялу у Амисана, утромъ 19 числа атаковала все тѣ же чучела, принявъ ихъ за батарею.

19 числа связи съ восточнымъ отрядомъ установить не удалось и потому въ помощь Петрункевичу былъ посланъ сотникъ Шильниковъ съ тремя казаками. Пройдя ночью верстѣ бо, онъ вошелъ-таки въ связь съ восточнымъ отрядомъ, найдя его уже на Пьямыньской позиціи, и утромъ 20 числа вернулся къ своему отряду, который и провелъ въ Пьямынь ближайшею дорогою. Въ 6 часовъ утра 21-го весь отрядъ отступилъ къ Фынхуанчену. Отдѣльной забайкальской казачьей бригадѣ генерала Мищенко приказано было идти на Шализай и охранять пути къ Сюяню и Хайчену отъ Фынхуанчена, Пьямыня, Шахедзы, Татунгоу и Дагушаня. Путь въ Шализай сдѣлали въ два перехода и, придя сюда, выслали разъѣзды на Фынхуанченъ, Татунгоу и Дагушань. Затѣмъ стали отходить къ Сюяню, дѣлая въ сутки только по двѣ, по три версты, чтобы быть все время въ самой тѣсной связи съ противникомъ, ни на мгновеніе не терять его изъ виду и своимъ медленнымъ движеніемъ и постоянною готовностью принять бой по возможности больше затруднить его движеніе впередъ послѣ успѣха подъ Тюренченомъ. Это былъ едва ли не самый тяжелый періодъ жизни и службы отряда. Разъѣзды, которыхъ отъ одного только Читинскаго полка высылалось ежедневно офицерскихъ—4 или 5 и 3 или 4 урядничныхъ, ежедневно имѣли перестрѣлки и схватки съ японскими разъѣздами, насѣдавшими на наши.

27 апрѣля Верхнеудинскій полкъ соединился съ отрядомъ, который 29 числа и подошелъ къ Сюяню. Однако, подъ давленіемъ японской кавалеріи пришлось отойти и далѣе, до деревни Джалудзядудза.

1 мая вернулся изъ развѣдки сотникъ Сараевъ и доло-

жилъ, что 29 и 30 апрѣля онъ былъ у Седзыхе и Шализая. Въ первомъ пунктѣ японцевъ вовсе нѣтъ, а во второмъ стоятъ два эскадрона. На дорогѣ изъ Дагушаня незамѣтно никакого движенія.

— Японцы, какъ будто, отскочили назадъ,—докладывалъ сотникъ Сараевъ.

Дѣйствительно, наши разѣзды ни 2-го, ни 3 мая никого не встрѣтили вблизи Сюяня. Тогда начальникъ отряда рѣшаетъ двинуться впередъ.

3 числа выступили изъ Джалудзяпудзы и 4-го—прошли въ дер. Пуатзихэ, верстахъ въ 12—15 отъ Шализая; туда сейчасъ же были посланы сильные разѣзды, которые и донесли, что Шализай оставленъ японцами еще наканунѣ и что конница японская ушла на Фынхуанченъ. Баталіонъ японской пѣхоты подходилъ было къ Шализаю, но, не дойдя до него, вернулся въ Фынхуанченъ.

5 мая получена была въ отрядѣ телеграмма отъ командующаго арміей, вслѣдствіе которой собраны были всѣ офицеры и вызваны изъ среды ихъ охотники пробраться въ тылъ противника и дойти до Селоджана, Фынхуанчена, Пьямыня и Тансанчендзы, чтобы опредѣлить силы непріятели, раіонъ его сосредоточенія и степень его готовности, послѣ тяжкаго для обѣихъ сторонъ тюренченскаго боя, къ продолженію военныхъ дѣйствій.

Вызвались, конечно, всѣ наличные офицеры: отъ Читинскаго полка: подбесаулъ Сарычевъ, сотники Шильниковъ и Сараевъ, хорунжій Токмаковъ и прикомандированный къ полку штабсъ-ротмистръ фонъ-Брауншвейгъ, штабсъ-капитанъ Потоцкій и поручикъ Святополкъ-Мирскій; отъ Верхнеудинскаго полка былъ только хорунжій Фищевъ, который и вышелъ.

Начальникъ отряда разрѣшилъ, однако, идти только штабсъ-ротмистру фонъ-Брауншвейгу, штабсъ-капитану

Потоцкому, поручику Святополкъ-Мирскому и хорунжимъ Токмакову и Фищеву ¹⁾).

Потоцкій, Мирскій и Токмаковъ выступили вмѣстѣ, имѣя при себѣ около тридцати казаковъ. Но, наткнувшись сейчасъ же за Шализаемъ на три японскихъ баталіона, наступавшихъ на 4-ю сотню, поняли, что дальше идти съ такимъ числомъ людей нельзя. Ихъ было слишкомъ мало, чтобы прокладывать себѣ дорогу силою, и слишкомъ много, чтобы двигаться скрытно. Рѣшено было отправить казаковъ обратно. Остались только при Святополкъ-Мирскомъ—урядникъ Старицинъ, а при Потоцкомъ и Токмаковѣ—старшій урядникъ Мунгаловъ и приказный Пинигинъ. Но и въ такомъ числѣ пробираться скоро стало трудно. У какой-то деревушки Потоцкій и Токмаковъ разстались съ Святополкъ-Мирскимъ, который вмѣстѣ съ Старицинымъ направился на Фынхуанченъ, а сами они, оставивъ здѣсь своихъ лошадей и казаковъ, пѣшкомъ пошли на Пьямынь. Имъ преграждала путь густая цѣпь сторожевыхъ японскихъ постовъ... Часовой съ подчаскомъ видны были на каждой сопкѣ, а въ каждой лощинкѣ стояла застава, впереди же патрулировали дозоры. Казалось невысказаннымъ пробраться сквозь эту тройную живую изгородь. Но наши храбрецы пробрались и за спиною японскаго часового, съ высокой сопки между Пьямынемъ и Тансанчиндза, въ теченіе всего 8 мая, наблюдали движеніе обозовъ и тысячей кули по дорогѣ изъ Шахедзы въ Фынхуанченъ. Убѣдившись затѣмъ, что сосредоточеніе арміи Куроки въ районѣ Фынхуанченъ—Пьямынь закончено (численность ея взялся развѣдать Мирскій), Потоцкій и Токмаковъ ночью на 9 число пошли обратно. Чтобы выбраться скорѣе къ своимъ, они рѣшили идти не кружнымъ путемъ, а прямымъ, хотя и опаснымъ. По дорогѣ на Шализай—Сюань все время

¹⁾ Сарычева начальникъ отряда не согласился отпустить, какъ командира сотни, а Шильникова — какъ полкового адъютанта. Оба были крайне нужны на своихъ мѣстахъ.

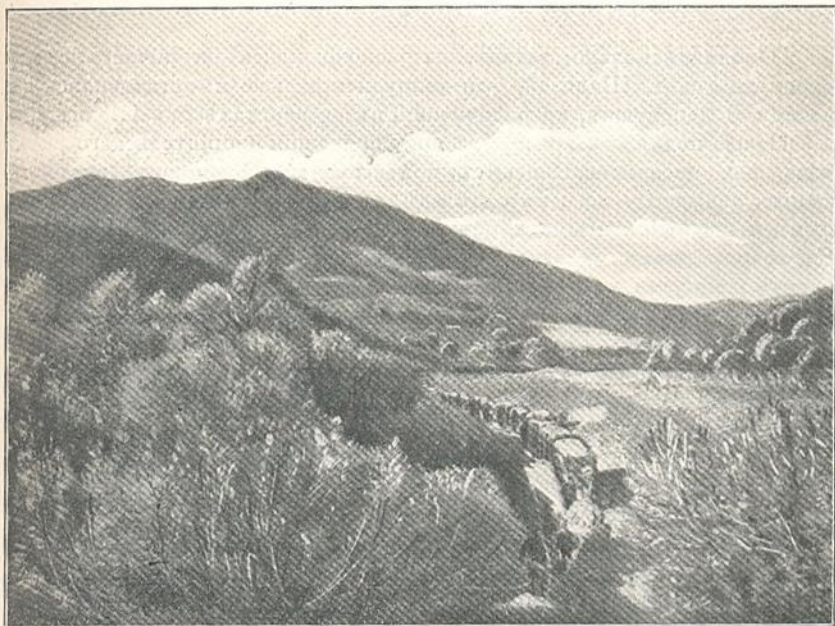
двигались транспорты, шли отряды войск... Нужна была чрезвычайная осторожность и полное самообладание, чтобы себя не обнаружить и не выдать. Каждый шагъ впередъ казался западнею, былъ новою опасностью. На бѣду, тамъ, гдѣ оставлены были казаки съ лошадьми, ихъ не оказалось. Какъ ни прятались отъ глазъ людскихъ Мунгаловъ и Пинигинъ, но ихъ присутствіе было открыто японцами, и имъ пришлось уходить. Но каждый разъ, какъ только преслѣдованіе прекращалось, вѣрные казаки возвращались на то мѣсто, гдѣ они были оставлены, и снова отгонялись отъ него японцами. Убѣдившись, наконецъ, что имъ не соединиться съ своими офицерами, Мунгаловъ и Пинигинъ кружною дорогою пошли на соединеніе съ отрядомъ и 12 мая къ нему прибыли. Такимъ образомъ, Потоцкому и Токмакову пришлось идти сотню верстъ пѣшкомъ. Пробовали было они идти днемъ и ночью, но силъ не хватало и было опасно. Стали тогда днемъ отлеживаться въ укромныхъ мѣстахъ, а идти по ночамъ.

— Весна была въ разгарѣ,—разсказывалъ мнѣ потомъ Потоцкій.—Роскошная, веселая весна... Лежишь въ густой травѣ, дышишь ароматомъ травъ, цвѣтовъ, акацій бѣлыхъ и, глядя въ голубое небо, забываешь про войну, про то, что въ тылу у японцевъ находишься... Мирно, радостно на душѣ... Пѣть захочется... Запоешь... Токмаковъ сейчасъ же въ бокъ толкаетъ: „Что ты?!“ Опомнишься... И въ самомъ дѣлѣ, изъ проходящаго мимо насъ японскаго обоза чужая рѣчь доносится... Вспомнишь тогда, что мы на войнѣ, что вотъ сейчасъ среди ликующей новою жизнью природы грянетъ выстрѣлъ и положитъ обоихъ насъ на мѣстѣ...

— По совѣсти скажу, на такую прогулку можно рѣшаться разъ въ жизни,—говорилъ мнѣ въ заключеніе Потоцкій, котораго я не разъ потомъ видѣлъ рисковавшимъ жизнью.

Только смѣлая фантазія Жюль Верна и Фенимора Купера могла придумывать для нашихъ „слѣдопытовъ“ тѣ положенія, въ которыя ихъ ставила судьба. „Прогулка“ эта продол-

жалась цѣлую недѣлю, и 11 мая Потоцкій и Токмаковъ благополучно вернулись къ отряду.

Въ горахъ Южной Манчуріи.

Не такъ счастливы были Брауншвейгъ и Мирскій. Первый не дошелъ до Селюджана, несмотря на всѣ его усилія, а второй близъ самаго Фынхуанчена попался въ плѣнь ¹⁾.

¹⁾ Вотъ какъ самъ Святополкъ-Мирскій описалъ впоследствии свои злоключенія въ докладной запискѣ, поданной главнокомандующему 22 ноября 1905 г. въ Лошагоу.

„Мнѣ было поручено выйти съ праваго фланга, посмотрѣть расположеніе японцевъ, подвинуться къ центру расположенія японской арміи, опредѣлить численность расположенныхъ тамъ войскъ и затѣмъ, выйдя на лѣвый нашъ флангъ, въ отрядъ генерала Ренненкампа, доложить объ общей картинѣ расположенія и движенія японской арміи.

Вышелъ я 5-го числа утромъ съ урядникомъ 1-й сотни 1 Читинскаго полка Петромъ Старицинымъ и, встрѣтя развѣздъ отъ 4-й сотни нашего полка, шедшій подъ начальствомъ подьесаула Потоцкаго, направляющагося въ указанномъ мнѣ направленіи, присоединился къ нему.

5 же мая, когда всё эти офицеры вышли на развѣдку, высланы были съ той же цѣлью и для наблюденія за противникомъ: 2-я сотня Читинскаго полка къ Хабалину, гдѣ,

Обойдя нѣсколько заставъ, мы расположились на ночлегъ въ 20 верстахъ отъ д. Шализай, 6-го двинулись дальше и остановились къ вечеру въ деревушкѣ, расположенной въ 55 верстахъ отъ Шализая.

Ночью поднялась тревога въ виду появленія неприятельскаго развѣзда, и я, посоветовавшись съ подъесауломъ Потоцкимъ, оставилъ своихъ лошадей у него въ развѣздѣ, а самъ, съ урядникомъ Старицинымъ и проводникомъ-китайцемъ, двинулся къ городу Фынхуанчену. Къ вечеру дошелъ до этого города и, высмотрѣвъ расположеніе этого округа, двинулся въ направленіи Пьямыня.

7-го вышелъ въ 10 верстахъ отъ города Фынхуанчена, былъ замѣченъ японской пѣхотой, но успѣлъ уйти.

8-го числа былъ въ Пьямынѣ, провелъ цѣлый день у дороги Фынхуанченъ—Шахедзы, слѣдя за движеніемъ войскъ въ направленіи Фынхуанчена.

9-го числа утромъ былъ замѣченъ японскими кавалеристами въ трехъ верстахъ восточнѣе Пьямыня, слегка раненъ въ нижнюю треть голени правой ноги, но успѣлъ уйти.

10-го числа утромъ, въ 9 часовъ утра, забравшись въ теченіе ночи въ расположеніе 3-го полка, былъ взятъ въ плѣнъ солдатами этого полка. Полкъ этотъ былъ расположенъ квартиробивакомъ вблизи деревни Тансанчена.

10-го числа вечеромъ приведенъ въ Фынхуанченъ, въ главную квартиру арміи Куроки.

11-го числа былъ представленъ генералу Куроки.

11-го числа сбѣжалъ, воспользовавшись сномъ часового, но былъ задержанъ, когда перелѣзалъ городскую стѣну.

12-го числа переведенъ въ тюремное помѣщеніе г. Шахедзы.

25 мая послалъ главнокомандующему донесеніе о расположеніи и составѣ тыла, движеніяхъ и намѣреніяхъ японцевъ. Донесеніе это было получено въ штабѣ арміи.

2 іюня выпущенъ изъ тюрьмы и отправленъ въ Японію, въ г. Мацуяму, гдѣ и помѣщенъ въ госпиталь.

28 іюня выписался изъ госпиталя, переведенъ въ помѣщеніе „Какайдо“.

6 іюля бѣжалъ изъ этого помѣщенія съ вольноопредѣляющимся 24-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Георгіемъ Пановымъ и рядовыми: 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Василиемъ Поповымъ, казакомъ 2-го Аргунскаго полка Василиемъ Полухинимъ и драгуномъ Приморскаго драгунскаго полка Василиемъ Козыревимъ. Означенные нижніе чины были выбраны мною изъ громаднаго числа

по имѣвшимся свѣдѣніямъ, стоялъ значительный отрядъ японцевъ, 4-я—на Шализай, 6-я—по долину Седзыхе до Моды и Аучилу для связи съ уссурійцами и для рекогносцировки

желающихъ попытать счастья въ побѣгѣ. Мною былъ назначенъ путь на Кобійскій проливъ, а затѣмъ на одно изъ многочисленныхъ иностранныхъ судовъ, выходящихъ ежедневно изъ Кобе. Предстояло пройти болѣе 300 вер. по крайне гористой, густо населенной мѣстности. Уходить пришлось изъ помѣщенія „Какайдо“, охраняемаго 4 постами часовыхъ.

На другой день начала сказываться въ людяхъ усталость, а на третій моя команда созналась, что не въ силахъ выдержать такой длинный путь, и просила измѣненія сухопутнаго маршрута на морской. Вынужденъ былъ повернуть къ морю и на 6 день бѣгства, придя къ берегу, былъ замѣченъ 22 пѣхотнымъ полкомъ, бывшимъ тамъ на практической стрѣльбѣ, схваченъ, раздѣтъ и въ одномъ бѣльѣ препровожденъ въ тюрьму г. Мацуямы. Посажены мы были въ одномъ домѣ, но въ отдѣльныя камеры. Камеры были большія и свѣтлыя, но грязныя. Мебели никакой. Насѣкомыхъ много. Въ теченіе 20 дней намъ ни разу не вывели пола, не вычистили отхожаго мѣста, находившагося въ той же камерѣ, не дали ни одного раза умыться и переѣмнить бѣлье. Благодаря такому положенію и вслѣдствіе укусовъ насѣкомыхъ и комаровъ, въ защиту отъ которыхъ намъ не давали даже сѣтокъ, въ которыхъ не отказываютъ ни одному арестанту-японцу, наше тѣло покрылось лишаями. Благодаря настоянію атташе французскаго посольства, лейтенанта Мартина, видѣвшаго насъ въ такомъ положеніи, намъ, черезъ 20 дней нашего заключенія, дали переѣмнить бѣлье и принесли ведро воды для умыванія. Срокъ заключенія былъ намъ назначенъ 25-дневный. По окончаніи его нижніе чины были переведены въ общее помѣщеніе военноплѣнныхъ, а мнѣ и вольноопредѣляющемуся Панову объявлено, что выпускаютъ насъ тотчасъ же, какъ мы дадимъ слово не повторять побѣга. Находя, что подобное слово несомнѣнимо со смысломъ присяги, повелѣвающей „переносить голодь, и холодъ, и всякую нужду и не щадить живота своего до послѣдней капли крови“, мы отказались дать требуемое слово и были оставлены въ тюрьмѣ еще на три мѣсяца, въ теченіе которыхъ насъ неоднократно сговаривали дать слово, обѣщая немедленно же выпустить. Я, ссылаясь на приведенный текстъ присяги, отказывался. Завѣдывающій плѣнными г. Мацуямы, японской службы полковникъ Кооно, призвалъ меня къ себѣ, хвалилъ за твердое исполненіе долга и написалъ обо мнѣ японскому военному министру.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ и 20 дней заключенія я былъ взятъ на поруки прапорщикомъ запаса Тагѣвымъ и поручикомъ Лазаревымъ, которые предупредили меня, что ни въ чемъ меня не связываютъ, но, наоборотъ, даже помогутъ мнѣ въ слѣдующей попыткѣ къ побѣгу.

пути Шализай—Фынхуанченть; 3-я сотня держала летучую почту: Далинскій переваль—Падзахе; 3-я сотня Верхнеудинскаго полка была выдвинута на Лаунмяо, Хандухань и Дагу-

21 декабря 1904 года я вновь повторилъ попытку побѣга въ составѣ партіи изъ 6 человекъ, а именно: я, матросъ 1 степени съ крейсера „Рюрикъ“ Алексѣй Цыганцевъ, казакъ 4-й сотни 5-го Уральскаго казачьяго полка Евграфъ Мурашкинцевъ, казакъ 5-й сотни 1-го Читинскаго казачьяго полка Михаилъ Жаркой, казакъ 1-го Читинскаго полка Алексѣй Крикуновъ и казакъ 4-й сотни 1-го Верхнеудинскаго полка Михаилъ Измайловъ.

Рѣшено было идти вдоль берега за косу, закрывающую выходъ изъ Средиземнаго моря, тамъ предполагалось взять трехмачтовую торговую шкуну и взять направленіе на Шанхай. Благодаря большимъ усилямъ, удалось застаться въ изобиліи всѣмъ необходимымъ: были заготовлены маршруты, меркаторскія карты, необходимые инструменты, тридцатидневный запасъ продовольствія. Неосторожность одного изъ русскихъ, сообщившаго нашъ маршрутъ сестрѣ милосердія—японкѣ, и несчастное паденіе мое, стоившее мнѣ тяжелыхъ поврежденій, привели на этотъ разъ къ неудачѣ. Мы были захвачены 26 декабря въ 6 верстахъ отъ берега и отъ шкуны, на которой мы рассчитывали бѣжать.

Насъ посадили сначала въ тюрьму г. Мацуюмы, потомъ перевели въ тюрьму г. Маругамы и начали производить дознаніе, закончившееся 21 января судомъ, собраннымъ въ г. Вентутзы, куда мы были для этого переведены. Судъ приговорилъ меня сначала къ повѣшенію, потомъ, по ходатайству моихъ товарищей и французскихъ властей, къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, которыя были потомъ замѣнены 15-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ; Алексѣй Цыганцевъ былъ приговоренъ къ 11-лѣтнему тюремному заключенію, а остальные участники побѣга къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ. Послѣ суда мы были переведены въ гор. Такараму и рассажены по отдѣльнымъ камерамъ тюрьмы этого города.

Черезъ нѣсколько дней по переводѣ въ означенный городъ, ко мнѣ начали приставать, чтобы я надѣлъ японское арестантское платье. Не считая возможнымъ совмѣстить понятіе о достоинствѣ офицера съ арестантскимъ отдѣленіемъ, я категорически отказался исполнить это требованіе. Въ это же время, благо даря скудной, непитательной пищѣ и холоду въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ, я заболѣлъ цынгой, которая начала быстро развиваться. Мнѣ прекратили выдачу пищи, а черезъ три дня повезли въ баню и, когда я вошелъ въ ванну, у меня украли мое платье. Изъ ванны меня вывели на морозъ наружу и предложили надѣть арестантское платье, но я отказался. Тогда мнѣ объявили, что если черезъ 15 минутъ я не одѣну, то на меня одѣнутъ силой; дѣйствительно, по истеченіи упомянутаго срока, на меня набросились 6

шань; 2-я и 6-я сотни того же полка были верстахъ въ ста, въ дер. Санадаолинъ и шли на соединеніе съ отрядомъ. Подъ рукой у начальника отряда оставались только 1-я и 5-я сотни читинцевъ.

Вечеромъ 6 мая обѣ эти сотни подъ начальствомъ командира Читинскаго полка полковника Павлова были посланы въ Тадензу, гдѣ была 2-я сотня, чтобы вмѣстѣ съ нею от-

или 7 человекъ и послѣ долгой борьбы имъ удалось закинуть мнѣ на шею петлю и затянуть такъ, что я потерялъ сознание. Очнулся я отъ сильной боли въ лѣвой рукѣ, это японцы выкручивали пальцы руки, раненой еще въ 1901 году. Замѣтивъ, что я пришелъ въ себя, они закинули мнѣ руку (правую) за спину, привязали ее той же веревкой, которая была накинута на шею, и потянули за веревку вверхъ. Я вновь потерялъ сознание, а плечо выскочило изъ плечевого сустава. Когда я очнулся, у меня уже были надорваны связки въ правомъ колѣнѣ, вывихнуто правое плечо, я былъ одѣтъ въ арестантское платье, когда меня привели обратно въ камеру и сняли съ рукъ желѣзные поручни, я сбросилъ вонъ арестантскій костюмъ и остался совершенно нагимъ въ холодной нетопленной камерѣ, отказавшись принимать пищу и питье до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена моя одежда. Къ вечеру слѣдующаго дня докторъ объявилъ, что не ручается за мою жизнь, тогда явилась комиссія изъ тюремнаго начальства и просила меня надѣтъ вновь мое собственное платье, давъ предварительно слово не принуждать меня переодѣваться въ арестантскій костюмъ. Но черезъ три или четыре дня пришедшій навѣстить меня американскій миссіонеръ г. Бухананъ и расположенный ко мнѣ переводчикъ г. Судзюки предупредили меня, что на-дняхъ надо мной хотятъ повторить исторію переодѣванія. Я поблагодарилъ ихъ за сообщеніе и тотчасъ же подалъ просьбу о замѣнѣ мнѣ тюремнаго заключенія смертной казнью. Результатомъ этой просьбы былъ переводъ меня въ тюрьму г. Токио, откуда я былъ выпущенъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.⁴

Въ заключеніе разсказа о своихъ злоключеніяхъ Святополкъ-Мирскій писалъ:

„Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, угодно было спросить меня, нѣтъ ли у меня какой-нибудь просьбы. Я не нашелся какъ отвѣтить Вашему Высокопревосходительству, но теперь рѣшаюсъ просить объ одной только милости: я люблю военную службу, отдался ей весь и мнѣ тяжело будетъ продолжать ее, если мой послужной списокъ будетъ замаранъ отмѣткой о бытности моей въ плѣну.

Потому я осмѣливаюсъ просить Ваше Высокопревосходительство о разрѣшеніи не вносить въ мой послужной списокъ бытности моей въ плѣну.

Думаю, что страдапія, мною вынесенныя, даютъ мнѣ право на такую просьбу.“

тѣснить японцевъ, занимавшихъ пѣхотою и эскадрономъ кавалеріи переваль Хуанчи, въ 2 верстахъ отъ Хабалина.

А въ это время 2-я сотня уже отходила назадъ на Таинзу.

Дѣло въ томъ, что, производя развѣдку раннимъ утромъ 6 мая на дер. Пынуза и не доходя до нея двухъ, трехъ верстъ, эта сотня столкнулась съ японскимъ развѣздомъ силою человѣкъ въ пятьдесятъ. Два взвода тотчасъ же были направлены въ обходъ развѣзда слѣва, но японцы замѣтили этотъ маневръ, повернули коней и поскакали. Вся сотня кинулась за ними — и нарвалась на засаду, устроенную японскою пѣхотою въ лѣсистыхъ скатахъ и извилинахъ горъ. Ея залпъ остановилъ казаковъ, заставилъ ихъ спѣшиться, залечь за камни и въ свою очередь открыть огонь. Перестрѣлка продолжалась до сумерекъ, когда сотня начала отходить на Дзюдзьяпудзы. Здѣсь остановились было на ночлегъ, подсчитали за день потери (2 казака убито, 1 раненъ), разбили уже коновязь, разложили костры и заварили чай, который у казаковъ-забайкальцевъ, большихъ любителей этого напитка, поспѣваетъ быстро, какъ вдругъ прискакали дозоры съ донесеніемъ, что три эскадрона японцевъ двигаются на деревню. Пришлось уйти съ бивака и идти назадъ, на Таинзу... По дорогѣ встрѣтили свою 6-ю сотню, которая, слышавъ выстрѣлы, спѣшила на подмогу. Только на другой день, 7-го, эти сотни соединились съ полковникомъ Павловымъ, двигавшимся чрезъ долины Тодагоу и Тонхогоу, гдѣ его обстрѣляли японцы.

7 мая же вечеромъ получено было отъ 4-й сотни донесеніе, что на нее, изъ Хабалина въ Шализай, идетъ эскадронъ японцевъ, поддерживаемый пѣхотой.

Предполагая на основаніи данныхъ, добытыхъ развѣдчиками предшествующихъ дней, и обстоятельствъ, въ теченіе ихъ происшедшихъ, что въ окрестностяхъ Хабалина стоитъ вся гвардейская дивизія противника съ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, передвинутая сюда съ Фынхуанченской дороги для обезпеченія тыла и въ то же время для уком-

плектованія и приведенія въ порядокъ послѣ жестокаго тюренченскаго боя,—генераль Мищенко рѣшилъ подкрѣпить 4-ю сотню двумя сотнями верхнеудинцевъ (1-ю и 5-ю), подъ начальствомъ полковника Маціевскаго, и принять бой. Расчетъ на успѣшный исходъ послѣдняго основывался на внезапномъ налетѣ четырехъ сотенъ Читинскаго полка, стоявшихъ подъ командою полковника Павлова на лѣвомъ нашемъ флангѣ,—во флангъ противнику.

Не дождавшись, однако, подхода сотенъ полковника Маціевскаго, 4-я читинская сотня, подъ напоромъ японской пѣхоты, стрѣлявшей пачками, начала отходить, соединилась, наконецъ, съ спѣшившимися къ ней на подмогу верхнеудинцами—и тогда весь отрядъ полковника Маціевскаго сталъ на ночлегъ у д. Маухэ.

Поздно ночью пришло печальное извѣстіе о томъ, что 3-я сотня Верхнеудинскаго полка наткнулась на японскую заставу и разбѣяна.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Читателямъ уже извѣстно, что она была выдвинута на Лаунмяо, Хандухань и Дагушань. Когда рѣшено было дать бой въ районѣ Хабалинъ—Шализай, ей послано было приказаніе отходить на бивакъ отряда у Поутзихе. Выполняя это распоряженіе, командиръ сотни, подьесаулъ Беклемишевъ, по дорогѣ узналъ отъ китайцевъ, что въ попутной деревнѣ Сетхучензы есть японцы. Утверждали, что ихъ всего 70 человекъ. Беклемишевъ рѣшилъ ночной атакой захватить ихъ или истребить. Пошли на Сетхучензы, соблюдая всѣ мѣры предосторожности... Офицеры сотни ѣхали впереди. Это были: самъ командиръ ея, Беклемишевъ, штабсъ-ротмистръ Геништа (Владимиръ) и сотникъ Лѣсковъ (Михаиль). Когда подходили къ деревнѣ, было уже совершенно темно, и японскій часовой, укрытый кустами, окутанный мракомъ, остался незамѣченнымъ. Пропустивъ мимо себя сотню, онъ выстрѣлилъ по ней и поднялъ тревогу. Не успѣла сотня опомниться отъ недоумѣнія и неожиданности, какъ спереди по ней грянулъ

залпъ... Не теряя присутствія духа, Беклемишевъ скомандовалъ сотнѣ въ атаку и во главѣ ея бросился туда, гдѣ блеснулъ огонь залпа. А ему навстрѣчу уже гремѣлъ второй, третій...

На бѣду, путь пересѣкала канава. Передъ нею Беклемишевъ былъ раненъ, но, падая съ коня, онъ думалъ еще о своихъ и крикнулъ имъ, какъ нѣкогда кричалъ Тарасъ Бульба своимъ казакамъ сквозь дымъ и пламень сжигавшаго его костра: „Держи правѣе, братцы!.. Сотня—врозь!..“

И сотня разсыпалась. Но она еще не уходила съ поля битвы. На немъ лежало тѣло ея начальника, и возвращаться безъ него было зазорно, да и начальникъ отряда не простилъ бы такого грѣха, что оставили его въ рукахъ японцевъ. Три раза подбирались къ нему казаки и три раза были отбрасываемы жестокимъ огнемъ противника. Дѣлать нечего; потерявъ въ темнотѣ и остальныхъ двухъ офицеровъ сотни, судьба которыхъ долго оставалась неизвѣстною, казаки стали по одиночкѣ прорываться въ горы, а оттуда пробираться въ отрядъ... Эта ночь дорого обошлась 3-й сотнѣ Верхнеудинскаго полка: безъ вѣсти пропали командиръ сотни, подесаулъ Николай Беклемишевъ, офицеры ея: шт.-ротмистръ Владиміръ Геништа, сотникъ Михаилъ Лѣсковъ и 27 казаковъ. Позже генералъ Мищенко доносилъ официально, что по свѣдѣніямъ отъ китайцевъ 16 казаковъ убито, два офицера и 7 казаковъ въ плѣну, изъ нихъ одинъ офицеръ и 4 казака ранены. „Про третьяго офицера былъ слухъ, что онъ шелъ съ двумя казаками къ Сюяню. Собрать болѣе точныя свѣдѣнія, несмотря на высланные для этой цѣли сильныя развѣзды, я не могъ“, признается начальникъ отряда ¹⁾.

Извѣстіе объ этомъ прискорбномъ эпизодѣ пришло въ отрядъ поздно ночью, почти на разсвѣтѣ. Генералъ Мищенко тотчасъ же выслалъ полусотню къ Сетхучензы для

¹⁾ Раненый Беклемишевъ, Геништа и Лѣсковъ были взяты въ плѣнъ; въ плѣну Беклемишевъ умеръ.

прикрытія отступавшихъ. Но въ своемъ движеніи впередъ она скоро наткнулась на японцевъ, начинавшихъ наступленіе... Последнее велось энергично, съ попыткою обойти нашъ лѣвый флангъ. Полковникъ Маціевскій, опасаясь этого обхода, крайне, однако, желательнаго съ точки зрѣнія начальника отряда, такъ какъ онъ подводилъ самихъ японцевъ подъ ударъ во флангъ имъ сотенъ полковника Павлова, сталъ медленно отходить по долину рѣки Данихэ и къ 8 часамъ утра 8 мая былъ уже въ виду нашего бивака у д. Паутзихэ. Тогда и полковнику Павлову приказано было отходить сюда же подъ прикрытіемъ спѣшенной 2-й сотни Верхнеудинскаго полка, разсыпанной вдоль Данихэ.

Около 11 часовъ утра японцы заняли высоты лѣваго берега восточнѣе дер. Паутзихэ и тотчасъ же открыли частый залповый огонь по казачьей цѣпи, рельефно выдѣлявшейся на фонѣ бѣлой песчаной отмели праваго берега. Японцы сдѣлали было попытку перебраться на него, переправивъ конный разъѣздъ и взводъ пѣхоты. Но полусотня 2-й чинтской сотни мигомъ сбросила ихъ своей лихой атакой въ рѣку. До 10 часовъ вечера удерживала эта сотня японцевъ на лѣвомъ берегу Данихэ и отошла, когда весь отрядъ сосредоточился на бивакѣ у дер. Сендзянь.

Это маленькое дѣло, хотя и не дало тѣхъ результатовъ, на которые рассчитывалъ генералъ Мищенко, но, заставивъ японцевъ развернуть два баталіона, подтвердило существовавшее предположеніе, что у Хабалина—Хуанчи—Шализия стоятъ гвардейскія части противника.

На 9 мая назначена была дневка. Но вечеромъ, отъ разъѣздовъ, посланныхъ на Уулаасу и на Паутзихэ, получены были донесенія, что на Ляолинскомъ перевалѣ стоитъ цѣпь японскихъ часовыхъ, а японскіе разъѣзды подходятъ къ Сюяню на четыре, на пять верстъ.

Положеніе нашего отряда на бивакѣ у Сендзяня признано было вслѣдствіе этого опаснымъ: деревня лежитъ въ небольшой лощинѣ, замкнутой отовсюду горами, а въ тылу

у него было два трудныхъ перевала. Къ тому же на одномъ изъ нихъ былъ уже замѣченъ наканунѣ сильный японскій развѣздъ. Для отступленія отряда, генераль Мищенко выбралъ дорогу черезъ другой переваль—на Сюянь и рѣшилъ, не теряя времени, въ этотъ же вечеръ, 9 мая, перевести отрядъ на Далинскую дорогу за первый отъ Сюяня переваль. Отсюда можно было легко наблюдать обѣ дороги: и на Шализай, и на Дагушань чрезъ Уулаасу. Выступили поздно вечеромъ въ полной тишинѣ. Шли не большою дорогою, а правѣе ея, боковою тропою, проложенною по краю гранитныхъ утесовъ и скалъ, вздымавшихся изъ темной бездны. Переходъ этотъ, по общему отзыву, былъ тяжелый и опасный. Неровный свѣтъ мѣсяца то освѣщалъ извивы тропинки, ея подъемы и спуски, то скрывалъ ихъ отъ взора утомленныхъ всадниковъ и лошадей. Отрядъ сильно растянулся. Его движеніе охранялось боковымъ авангардомъ (полусотня 5-й сотни Верхнеудинскаго полка), высланнымъ на большой переваль, и арьергардомъ изъ двухъ Верхнеудинскихъ сотенъ, 2-й и 6-й.

Было далеко за полночь, когда отрядъ стянулся на бивакъ. Казаки, вѣрные своей привычкѣ чаевать на каждой остановкѣ, сейчасъ же обогрѣлись у костровъ, на которыхъ въ котелкахъ и закопченныхъ чайникахъ варился чай, но лошади остались на ночь безъ фуража.

10-го—дневали. Отдыхъ былъ необходимъ отряду, утомленному непрерывнымъ движеніемъ, частыми столкновениями съ противникомъ и постоянною службою, сторожевою и развѣдочною.

Больше дня, однако, отдохнуть не приходилось. Развѣзды, высланные по дорогѣ на Дагушань къ Уулаасѣ, донесли о появленіи вблизи этой деревни непріятельскихъ развѣздовъ. Оставалось неизвѣстнымъ, какія силы находились за ними. Для выясненія этого вопроса генераль Мищенко, на другой же день, 11 мая, оставивъ на бивакъ три сотни, съ остальными силами пошелъ горами на деревни Ундятынъ и Шито-

санъ. У послѣдней сдѣлали большой привалъ, во время котораго выслали семь офицерскихъ разъѣздовъ, должноствовавшихъ кольцомъ охватить Уулаасскую котловину. Одинъ изъ нихъ, разъѣздъ хорунжаго Тонкихъ, въ долину Шаухо, наткнулся на японскій, разъѣздъ, сейчасъ же отошедшій къ Уулаасъ. Тонкихъ его не преслѣдовалъ, а отошелъ на свой авангардъ, занявшій въ это время крутой и трудно проходимый Ляолинскій перевалъ. Главныя силы отряда остановились на другомъ перевалѣ, за рѣкою Шаухо, въ одной верстѣ.

Хорунжий Тонкихъ.

Ночь и день 12 мая прошли спокойно. Только авангардныя сотни не расчлѣдывали лошадей.

Противникъ былъ близко. Къ тому же изъ донесеній нѣкоторыхъ разъѣздовъ можно было заключить, что японцы затѣваютъ обходъ нашего праваго фланга. Видѣли два неприятельскихъ эскадрона, шедшихъ рысью по лоцинѣ вправо отъ Уулаасы. Сама эта деревня была, однако, японцами не занята. Тогда авангарду—2-й и 6-й сотнямъ Верхнеудинскаго полка подъ командою войскового старшины Ловцова приказано было продвинуться впередъ, перевалъ же, гдѣ стоялъ авангардъ, былъ занятъ 4-ю сотнею читинцевъ.

Ловцовъ, однако, далеко впередъ не пошелъ, опасаясь обхода съ праваго фланга, и скоро отошелъ на перевалъ къ читинской сотнѣ. Но здѣсь онъ получилъ второе, настойчивое приказаніе начальника отряда идти впередъ—до соприкосновенія съ противникомъ.

Подъ проливнымъ дождемъ сотни выступили въ 5 часовъ вечера 13 мая. Широкииъ вѣромъ разсыпались впередъ

дозоры и разъезды. Дошли до Уулаасы... Впереди гдѣ-то затрещали сухіе выстрѣлы японскихъ магазинокъ. Это японцы, занявъ большую фанзу, оказавшуюся послѣ постоялымъ дворомъ, обстрѣливали нашъ разъездъ и всю лощину. Выбить ихъ оттуда приказано было 6-й верхнеудинской сотнѣ подъесаула Семенова. Крупной рысью пошли казаки по вязкой, размытой ливнемъ дорогѣ на выстрѣлы непріятеля, карьеромъ подскакали къ нему тысячи на двѣ шаговъ, спѣшились и открыли дружный залповый огонь.

Противникъ не выдержалъ—и послѣ третьяго же залпа очистилъ фанзу и въ безпорядкѣ бросился въ горы въ направленіи на д. Хадзяпудза. Преслѣдовать ихъ не рѣшились, такъ какъ на помощь отступавшимъ шла оттуда же пѣхота. Японскія цѣпи показались уже на окрестныхъ высотахъ. Сотня вернулась на перевалъ и въ 3 часа дня въ составѣ всего авангарда отошла на главныя силы отряда, который черезъ часъ пошелъ назадъ, черезъ Сюянь, на старый свой бивакъ у Кіулунсы.

Шли весело, съ музыкой и пѣснями. Послѣ долгихъ, тяжелыхъ трудовъ предстояло нѣсколько дней отдыха. Противникъ, видимо, уклонялся отъ боя. Его истинныя намѣренія обнаружались чрезъ нѣсколько дней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ Сюяня до Сахотана.

Въ исторіи службы передового коннаго отряда генерала Мищенко мы подходимъ теперь къ самому интересному и эффектному ея эпизоду—сюяньскому бою 26 мая. До этого дня, со времени развѣдки на Уулаасу, не произошло ничего замѣчательнаго.

14 мая отрядъ дневалъ и готовился къ параду, который состоялся на другой день послѣ раздачи знаковъ отличія

Военнаго Ордена, присланныхъ въ отрядъ командующимъ арміей: 23—на Верхнеудинскій полкъ и 21—на Читинскій.

16 мая вернулся изъ развѣдки на Селючжанъ отправленный въ нее сотникъ Читинскаго полка Сараевъ. Онъ подошелъ къ Селючжану, занятому японцами, на три версты и путемъ личныхъ наблюдений и разспросовъ жителей узналъ, что большихъ силъ противника нѣтъ въ Селючжанѣ и что движеніе его отъ Фынхуанчена прекратилось.

Полковникъ Старковъ.

19 мая пришелъ на усиленіе отряда 7-й сибирскій казачій полкъ подъ командой полковника Старкова. На другой же день утромъ (20 мая) Мищенко повелъ отрядъ на Уулаасу для усиленной развѣдки силъ противника, ибо въ теченіе послѣднихъ дней тамъ замѣчено были оживленное движеніе японцевъ. Нѣсколько японскихъ баталіоновъ заняло позицію на перевалахъ у Хадзяпудзы. Ночью на 21

мая 7-й сибирскій полкъ направлень былъ въ обходъ расположенія непріятели.

— Покажемъ, братцы, какъ сибирскіе казаки умѣютъ умирать за Царя и Родину,—сказалъ Старковъ своимъ казакамъ передъ выступленіемъ.

И эти слова оказались для него роковыми. Первая же пуля досталась ему. Раненый смертельно, зная, что ему осталось жить нѣсколько минутъ, Старковъ попытался самъ написать донесеніе... Но рука его ослабѣла—и послѣднія минуты своей жизни онъ отдалъ на словесныя распоряженія по полку и по своимъ семейнымъ дѣламъ.

„Показъ“, какъ умираютъ русскіе люди, сибирскіе казаки, былъ образцовый. Смерть командира, конечно, повредила дѣлу, и только артиллерійскимъ огнемъ удалось заставить японцевъ бросить перевалы. Но продвинуться впередъ не удалось. Справа отъ Потайзы, въ долину Панцыйсу, обнаружена была обходная японская колонна, вслѣдствіе чего отрядъ нашъ отступилъ за Ляолинскій перевалъ, на которомъ остались только 1-я и 6-я читинскія сотни. Два дня перестрѣливались онѣ съ противникомъ. Тѣмъ временемъ разъѣзды донесли, что японцы идутъ изъ Шализая и Дагушаня на Сюянь. Но Павелъ Ивановичъ Мищенко не такой генералъ, чтобы безъ боя отдавать противнику такіе пункты, какъ Сюянь,—гдѣ узломъ связались дороги на Фынхуанченъ, Дагушань, Артуръ, Гайчжоу, Хайченъ и Ляоянь.

24 мая онъ перевелъ свой отрядъ на позицію у Сюяня и рѣшилъ принять здѣсь бой. У Кіулунсы остался на бивакѣ подъ прикрытіемъ полусотни отрядный обозъ—250 повозокъ. Думается, что этого только и надо было японцамъ. Нашъ передовой конный отрядъ, четыре мѣсяца непрерывно сторожившій и тормозившій каждый ихъ шагъ, долженъ былъ быть уничтоженъ; эта злая, неотвязчивая муха должна была быть, наконецъ, раздавлена. Такъ думали японцы и, изучивъ характеръ нашего генерала—мужественный и рѣшительный, но и запальчивый, горячій—вели его въ ловушку, какъ можно

назвать ту мѣстность, на которой японцы приняли, наконецъ, давно желанный нашимъ генераломъ бой. На всякомъ другомъ мѣстѣ они отъ него уклонялись.

— Представьте себѣ блюдечко съ высокими краями,— говорилъ мнѣ участникъ этого боя, штабсъ-капитанъ Потоцкій, чертя въ мою записную книжку его схему... И онъ нарисовалъ два концентрическихъ круга — Центръ его дна, это—городъ Сюянь. Трещинами кажутся на этомъ огромномъ блюдечкѣ дороги: одна идетъ на сѣверъ, черезъ Кіулунсы, другая, кружная, пошла на сѣверо-западъ черезъ Мандзяпудзу и вышла на первую у Вандзяпудзы; третья сперва легла прямо на югъ, а потомъ свернула на юго-западъ и, наконецъ, четвертая сразу отъ Сюяня направилась на юго-востокъ. Въ углу между второю и третьею дорогами есть возвышенность—ровное и голое плато, почти четырехугольной формы,— „столъ“, какъ называли ее нѣкоторые, „кусочекъ сахара на блюдечкѣ“, какъ говорили другіе. Громадные горные хребты, кольцомъ окружающіе сюяньскую долину, выше этого плато, но оно командуетъ надъ всей этой широкой долиной, и потому на немъ расположилась наша забайкальская казачья батарея. Вдоль фронта нашей позиціи и ея лѣваго фланга протекаетъ мелководная рѣчка; правый флангъ упирается въ узкую ложину, спускъ въ которую очень крутъ, почти отвѣсенъ. Съ ранняго утра 26 мая стали получаться донесенія отъ разъѣздовъ о наступленіи японцевъ. Они шли колоннами съ юга и съ востока: отъ Мудеанфу и отъ Санзелью. Раньше всего ихъ цѣпи показались на гребняхъ высотъ со стороны дер. Панянзы, вправо и влѣво отъ юго-западной дороги. Наша батарея тотчасъ же открыла по нимъ огонь, быстро пристрѣлялась, осыпала ихъ своей шрапнелью—и японцы скрылись. Зато они появились въ другомъ мѣстѣ. Ихъ колонны поднимались теперь на Тахулинскій перевалъ, занятый шестыми сотнями Верхнеудинскаго и Читинскаго полковъ... Два часа стойко, держались эти сотни отстрѣливаясь отъ превосходнаго числомъ врага. Но дольше не могли и въ два

часа дня, поражаемая съ 800 шаговъ, стали отходить. На помощь имъ пришла все та же батарея. Она повернула жерла своихъ пушекъ на 90°, сбила своимъ огнемъ съ гребня японцевъ и дала сотнямъ возможность спокойно и въ порядкѣ отойти къ Сюяню. Отбили японцевъ тутъ, они появились снова на югъ. И снова наша батарея повернула свои орудія на 90°. Японцы опять были отброшены за горы.

И по мѣрѣ того, какъ поднималось солнце и развивался бой, наша батарея передвигала стволы своихъ орудій словно стрѣлки часовъ. Бой же развивался методически. Вводя въ дѣло все новыя части, японцы все полнѣе замыкали кругъ, внутри котораго бился нашъ отрядъ... Гребни окружающихъ сюяньскую долину горъ все больше покрывались японскими цѣпями. Около 2-хъ часовъ дня къ сторонѣ Панянзы, на югъ, выслана была 3-я сотня Читинскаго полка съ приказаніемъ „достать японца“—живого или мертваго, все равно. Начальникъ отряда желалъ черезъ опросъ плѣннаго или по мундиру убитаго врага опредѣлить, какія части японской арміи съ нимъ дерутся. Сотня лихо, на рысяхъ, пошла лавою къ Панянзы, но изъ фанзъ и дворовъ ея была встрѣчена частымъ огнемъ и вынуждена къ отступленію. Отступила она въ полномъ порядкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій фактъ. Подъ казакомъ Паригинымъ была убита лошадь. Тогда вахмистръ Дулеповъ и казакъ Надѣляевъ вернулись къ отставшему товарищу, подхватили его подъ руки и съ нимъ ускакали.

За спиною отступавшихъ казаковъ на позицію выѣхала горная японская батарея. Но она успѣла сдѣлать только двѣнадцать выстрѣловъ и смолкла подъ огнемъ нашей батареи, которая успѣвала откликнуться во всѣ стороны, и подъ искуснымъ руководствомъ какъ своего командира, войскового старшины Гаврилова (нынѣ флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества), такъ и самого начальника отряда, артиллериста по старой своей службѣ, одна успѣшно отбивалась отъ насѣдавшаго отовсюду врага. А онъ росъ

численно, ширился и распространялся по окружающимъ Сюяня высотамъ. Западня становилась съ каждой минутой все-

тѣснѣе. Нашъ правый флангъ уже охватился шестью японскими ротами и эскадрономъ. Противъ лѣваго — шли двѣ колонны. Одна скоро вышла сѣверо-восточнѣ Сюяня и, поставивъ на высотахъ свою батарею, открыла огонь почти въ тылъ. Нашимъ орудіямъ пришлось повернуться чуть не на 180°, чтобы ей отвѣтить. Японская батарея стояла, однако, далеко и наши снаряды ея не достигали; все же они не-

позволяли ей подѣхать ближе, чтобы поражать вѣрнѣе. Пришлось ограничиться стрѣльбою по впереди лежащей цѣпи, что вышло удачно. Со „стола“ ясно было видно, какъ вразсыпную бѣжали японцы подъ дождемъ нашей шрапнели. Другая колонна (8 ротъ) дѣлала болѣе глубокой обходъ нашего фланга. Она шла на Кіулунсы, надѣясь захватить тамъ врасплохъ нашъ обозъ и встать на пути нашего отступления.

Развѣздъ прикомандированнаго къ 1-му Читинскому полку подпоручика 21-й конно-артиллерійской батареи Выграна своевременно обнаружилъ это движеніе и подъ огнемъ противника прорвался въ Кіулунсы, чтобы предупредить обозъ о грозящей опасности.

Флигель-адъютантъ полковникъ
В. Т. Гавриловъ.

Спокойно, безъ всякой суеты стали запрягаться арбы и повозки и подъ командой сотника Попова въ полномъ порядкѣ отошли за Кіулунсы на сѣверъ. Едва прошли онѣ двѣ версты, какъ Кіулунсы заняли японцы. Такимъ образомъ, путь отступленія былъ намъ отрѣзанъ. Небольшія части противника заняли уже городъ Сюань, находившійся въ 3—4 верстахъ въ тылу нашей позиціи. Для выхода изъ западни оставалась одна только узкая щель—лощина, по которой черезъ Пумягоу, Мандзяпудзы шла кружная дорога на сѣверъ, въ Вандзяпудзу. Но, чтобы обезпечить себѣ этотъ путь, надо было спѣшить занять лежащую впереди ея высоту, командующую надъ этою лощиною настолько, что достанься она въ руки японцевъ, никто не вышелъ бы живымъ изъ сюаньской котловины. Японцы прекрасно понимали важное значеніе этой сопки и, чтобы сомкнуть кольцо послѣднимъ звеномъ, направили на нее отъ Кіулунсы цѣлый баталіонъ. Подъ палящими лучами солнца, измученные долгимъ кружнымъ движеніемъ по горнымъ тропамъ, люди этого баталіона все же не шли, а бѣжали.

Крупной рысью двигались къ ней съ другой стороны четыре сотни чининцевъ и взводъ казачьей батареи, подъ общимъ начальствомъ полковника Павлова. Въ 3^{1/2} часа дня генералъ Мищенко рѣшилъ начать отступленіе и, выславъ этотъ отрядъ, самъ остался на позиціи съ другимъ взводомъ и двумя сотнями казаковъ.

Всѣ въ отрядѣ понимали опасность своего положенія и съ замираніемъ сердца слѣдили за состязаніемъ японскаго баталіона съ отрядомъ Павлова. Оно рѣшилось, наконецъ, въ нашу пользу. Всѣ вздохнули свободно. Японцы, видя, что они опоздали, добѣжали еще до какой-то сопки и, окончательно выбившись изъ силъ, бросились на землю, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, весь батальонъ. Въ теченіе доброй четверти часа они не въ состояніи были поднять ружья для выстрѣла и лежали, какъ мертвые. Между тѣмъ, взводъ подьесаула Станкевича карьеромъ вынесся на позицію и съ разстоянія

800—900 сажень сталь обдавать ихъ шрапнелью. Подъ прикрытіемъ этого огня сотни спѣшились и разсыпали цѣпь.

За ихъ спиною, сотня за сотнею, сталь нашъ отрядъ отходить по лощинѣ. Шли флангомъ къ противнику на протяженіи пяти верстѣ, въ разстояніи отъ 2,500 до 1,200 шаговъ, но шли какъ на церемоніальномъ маршѣ: спокойно, шагомъ, подъ огнемъ равнясь по рядамъ. Шли такъ, что начальникъ отряда не удержался и, пропуская сотни мимо себя, крикнулъ имъ свое „Спасибо, молодцы!“

— Рады стараться, ваше превосходительство,—слышалось въ отвѣтъ перекатною волною и сливалось съ грохотомъ ружейной перестрѣлки и стрѣльбы молодецкаго взвода Станкевича.

Японцы, видя, что добыча ускользаетъ изъ ихъ рукъ, подводили сюда все новыя части. Они лѣзли впередъ прямо на орудія, которыя били по нимъ теперь уже съ 450 сажень.

Чтобы дать возможность отойти и взводу Станкевича, выше его, т. е. ближе къ ущелью,—воротамъ лощины, ведущимъ въ горы,—въ цѣпи спѣшенныхъ казачьихъ сотенъ снялся съ передковъ другой взводъ батареи.

Станкевичъ же взялъ свои орудія въ передки и отошелъ. И такъ одинъ взводъ смѣнялъ другой, и батарея вмѣстѣ съ аріергардными сотнями отходила перекатами.

Въ 6 часовъ вечера послѣднее орудіе втянулось въ ущелье. Только еще четвертая сотня читинцевъ, подъ командою лихого подьесаула Сарычева, одна сдерживала своимъ огнемъ непріятеля. Вотъ и она отошла.

— Старая лисица ускользнула-таки изъ нашей западни,—сказаль, будто бы, Куроки по адресу своего противника и его молодецкаго отряда, когда ему донесли, что русскіе пробились у Сюня.

И если принять во вниманіе, что противъ нашего отряда въ 1200 сабель дѣйствовала цѣлая японская дивизія, что не только численность, но и мѣстность давала японцамъ пере-

вѣсь для успѣха, то станетъ понятнымъ, что онъ не дался имъ въ руки только потому, что во главѣ нашего передового коннаго отряда стоялъ нетеряющійся ни въ какой обстановкѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ генералъ Мищенко.

Куроки

— Ему всецѣло мы обязаны своимъ спасеніемъ подъ Сюнемъ, — говорили мнѣ всѣ, съ которыми пришлось бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ.

— Его хладнокровіе, полное спокойствіе духа, съ которымъ онъ выслушивалъ самыя неприятныя, нерадостныя донесенія, ясность его мысли, умѣнье распутывать самыя сложные узлы — были поразительны... Мы любовались имъ... Да и вообще весь сюньскій бой, это — красивый и эффектный бой. Онъ развивался постепенно, систематично, словно клубокъ нитокъ разматывался. Каждому шагу японцевъ соответство-

вать нашъ шагъ, такой же цѣлесообразный и систематичный. Въ самыя тяжелыя минуты приходилось забывать объ опасности и просто любоваться съ своего „стола“ картиной боя, сконцентрировавшагося на небольшой сравнительно площади, въ рамкѣ горъ, кольцомъ охватившихъ Сюнь.

Выйдя изъ сферы огня и пройдя всего 7 верстъ, отрядъ заночевалъ у Пумягоу. Генералу попробовали было сказать, что это, пожалуй, и близко, что противникъ можетъ помѣшать ночлегу, но онъ отвѣтилъ:—„Пустяки, японцы такъ устали, что больше насъ нуждаются въ отдыхѣ“—и онъ, дѣйствительно, чаевалъ и ночевалъ спокойно. Противникъ пробовалъ было гнаться за отрядомъ по прямой дорогѣ на Вандзяпудзу, думая пересѣчь ему выходъ на нее, но, видя, что мы на нее не выходимъ, вернулся обратно къ Сюяню.

Бой 26 мая далъ въ своемъ результатѣ не только спасеніе нашего передового коннаго отряда изъ западни, которую ему устроили японцы, но и обнаружилъ тяготѣніе арміи Куроки къ Гайчжоу, а не къ Хайчену, не къ Ляояну, не къ Мукдену, какъ это предполагалось *à priori*. Опредѣленіе же истинной операціонной линіи противника, это—заслуга крупная, и она всецѣло должна быть поставлена на счетъ передового коннаго отряда генерала Мищенко.

Первымъ слѣдствіемъ сюяньскаго боя было то, что 29 мая передовому конному отряду приказано было идти изъ Вандзяпудзы къ Сахотану и сторожить тамъ пути на Гайчжоу. Въ виду важности этой задачи отрядъ былъ усиленъ бригадою оренбургскихъ казаковъ подъ командою ген.-маіора Толмачева (11-й и 12-й полки) и частью 12-го Барнаульскаго сибирскаго пѣхотнаго полка ¹⁾.

30 мая отрядъ подошелъ къ Сахотану и занялъ здѣсь на высотахъ сильную позицію, чтобы, если нужно, боемъ возможно дольше задержать противника въ его движеніи къ Гайчжоу. Отдѣльныя сотни сторожили перевалы Уйдалинскій, Папалинскій и Чапанлинскій.

Произведенная 4 іюня усиленная рекогносцировка Нигулинскаго перевала (за Чапанлинскимъ) установила непреложность факта движенія Куроки къ Гайчжоу. Такъ какъ въ отношеніи нашего передового коннаго отряда движеніе

¹⁾ 7-й Сибирскій казачій полкъ остался въ Вандзяпудзѣ.

это являлось фланговымъ маршемъ, то для охраны его высланъ былъ японцами головной авангардъ, которому и было, повидимому, поставлено задачею выбить насъ съ сахотанской позиціи и занятіемъ Танчи не только обезпечить маршъ, но и угрожать Дашичао. Движеніе этого авангарда по промежуточному горному пути, отдѣляющемуся отъ д. Кханза на сѣверъ и выходящему къ Сахотану, обнаружено было 8 іюня.

9 іюня японцы заняли деревню Сяньдяю въ 2-хъ верстахъ отъ Сахотана, но къ вечеру ее очистили и сосредоточили у Мадявайзы (на 3 версты юго-восточнѣе Сяньдяю) три баталіона пѣхоты, шесть орудій и четыре эскадрона конницы.

Но тутъ мы подошли въ своемъ разсказѣ къ тому моменту, на которомъ оставили своихъ читателей, отходя ко сну въ китайской фанзѣ въ деревнѣ Кутятзы, верстахъ въ двѣнадцать отъ Сяньдяю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

10 іюня 1904 г.—Катастрофа въ Сяньдяю.

Новизна обстановки, сила впечатлѣній, пережитыхъ за день и предстоящихъ завтра, тяжелый воздухъ китайской фанзы и жесткое ложе *кана* гнали сонъ—и я не проспалъ, а подремалъ эту короткую лѣтнюю ночь, завидуя сну И. Ф. Шильникова, который, какъ легъ, такъ и уснулъ сномъ человѣка, для котораго и чудесная лунная ночь въ горахъ Манчжуріи, и жесткій канъ фанзы, и отрядъ, и завтрашній бой—все старо, все знакомо и привычно.

Подъ широкимъ окномъ съ узорчатой рамой, привалившись снаружи къ стѣнѣ фанзы, на кучѣ гаоляна также сладко спали казаки, и ихъ богатырскій храпъ мѣшался съ фырканьемъ лошадей, жевавшихъ чумизу, съ гуломъ, несшимся изъ низины за деревней, съ бивака транспорта, и съ громкимъ кваканьемъ лягушекъ въ сосѣдней лужѣ.

Мы проснулись позже пяти часовъ и, досадуя на себя и на казаковъ, что проспали лишнихъ полчаса, умывшись на-

скоро мутною водою изъ котелка, которую мы не рискнули даже вскипятить для чая, быстро собрались и выѣхали.

Утро было розовое, ясное, обѣщавшее чудесный день. Проѣхали версты три и, поднявшись на переваль, вдругъ услышали громъ орудійныхъ выстрѣловъ. Было очевидно, что впереди шелъ бой.

По мѣрѣ того, какъ извилюю, узкою дорожкой мы спускались внизъ въ широкую долину къ Мугуи, канонада росла, а вмѣстѣ съ нею росло и въ насъ нѣкоторое возбужденіе первымъ боемъ и сообщалось лошадямъ, которыя то и дѣло рысили и, видимо, не прочь были понести насъ навстрѣчу тянувшимся отъ мѣста боя повозкамъ военного транспорта и длинной беспорядочной вереницѣ коней, тонкой ниткой вытянувшихся по долинѣ.

Это шелъ вьючный обозъ Читинскаго полка. За нимъ шла полусотня со знаменемъ. Шильниковъ поскакалъ навстрѣчу ведшему ее офицеру.

— Гдѣ полкъ?

— На позиціи.

— Далеко?

— На высотахъ противъ Сахотана, версты три отсюда.

Не стоило терять времени на дальнѣйшіе разспросы и, пожавъ ему руку, мы поскакали впередъ, гдѣ на фонѣ бирюзоваго неба то и дѣло показывались клубки бѣлаго дыма. Это рвалась шрапнель, чтобы пролить на землю дождь пуль и осколковъ и обагрить алою кровью зеленую листву травы, на которой еще дрожали слезинки росы, сверкая на солнцѣ.

Свернувъ съ дороги, мы поѣхали напрямикъ полемъ, хранившимъ ясные слѣды большого кавалерійскаго бивака. Вытопанная трава, разбросанная всюду солома, рассыпанная кое-гдѣ зерна овса, ячменя, гаоляна, остатки обуви, обрывки веревокъ, пепель костровъ—все это казалось въ это утро поруганіемъ красоты Божьяго міра.

Впереди, въ складкѣ мѣстности, чернѣлась сотня, стоявшая, очевидно, въ резервѣ. Обогнувъ ее, мы подѣхали къ

подошвѣ высотъ, на вершинѣ которыхъ ясно были видны орудія нашей батареи. Поднявшись наверхъ по довольно крутому скату горы, поросшему кустарникомъ, и спѣшившись, мы стали отыскивать глазами знаменитаго генерала, „этого самаго Мищенко“, въ группѣ офицеровъ, стоявшихъ на флангѣ батареи.

Вотъ эта толпа разступилась—и высокій, худошавый генералъ съ загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ, небольшою сѣдою бородкою, отросшею за время Корейскаго похода (обычно генералъ ея не носитъ), тонкими сѣдыми усами, въ сѣромъ кителѣ съ орденомъ св. Георгія въ петлицѣ, отрывая бинокль отъ карихъ, юношески живыхъ смѣлыхъ глазъ, сбѣжалъ нѣсколько шаговъ въ сторону батареи и крикнулъ ей командиру:

— Василий Тимофѣевичъ, дайте еще одну очередь!..

И, разставивъ широко ноги и приложивъ опять бинокль къ глазамъ, онъ сталъ слѣдить, какъ тамъ, надъ этимъ хаосомъ горъ—ущелій, сопокъ, переваловъ и долинъ, въ голубомъ ясномъ небѣ, одинъ за другимъ стали вспыхивать опять бѣлые клубки дыма.

— Трубка хороша. Еще очередь!—сказалъ генералъ, круто поворачиваясь на каблукахъ. И, заложивъ руки за спину, онъ сталъ быстро ходить взадъ и впередъ. Мы воспользовались этою минутою и подошли къ нему представиться.

Онъ принялъ насъ просто, сердечно, радушно.

— Оставайтесь сегодня при мнѣ ординарцемъ, сказалъ генералъ корнету Шнеуру,—и вотъ вамъ первое порученіе. Разуштите вашего полкового командира, полковника Павлова, онъ влѣво отъ насъ, вонъ тамъ,—бросилъ генералъ жестъ рукою въ сторону Уйдалинскаго перевала,—и передайте ему мое приказаніе занять любой изъ этихъ трехъ гребней, находящихся между нами и Сахотаномъ, обстрѣлять деревню ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ—у него тамъ есть конногорныя орудія—и выбить изъ нея японцевъ, если они уже заняли Сахотанъ.

— Слушаю-съ,—коротко отвѣтилъ корнетъ.

Я подошелъ къ нему и пожелалъ благополучно и скорѣе вернуться. Это простое порученіе казалось мнѣ рискованнымъ для человѣка, совершенно незнакомаго съ мѣстностью, въ первый разъ слышащаго имя „Сахотанъ“ и не имѣющаго подъ рукою карты. Казалось, что такъ легко заблудиться въ этомъ горномъ лабиринтѣ, что и я недоумѣвалъ, хорошо ли посылать неоріентировавшагося въ обстановкѣ человѣка съ отвѣтственнымъ и важнымъ порученіемъ, и опасался за его судьбу.

Но у генерала, какъ я потомъ замѣтилъ, это—обыкновеніе: и новыя части, и новыхъ людей сразу ставить къ дѣлу, сразу окунать ихъ въ боевую жизнь и давать боевое крещеніе.

То, что случилось въ тотъ ранній часъ разсвѣта, на зарѣ этого яснаго лѣтняго дня, когда мы такъ мирно спали подъ кровлей китайской фанзы въ деревнѣ Кутятцзы, и что послужило завязкой сегодняшняго боя, я позволяю себѣ отнести именно на это обыкновеніе генерала, склоннаго мѣрять людей на свой аршинъ мужества, находчивости и пониманія обстановки.

А случилось вотъ что, какъ рассказалъ мнѣ потомъ одинъ изъ пережившихъ эту страшную ночь офицеровъ.

— Часовъ въ 6 вечера 9 іюня генеральъ призвалъ къ себѣ сотника Зимина и сказалъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, японцы ночевали въ деревнѣ Сяньдею въ ночь съ 8 на 9 іюня. — „Возьмите взводъ 4-й сотни Читинскаго полка,—сказалъ Зимину генеральъ,—ступайте съ нимъ въ сторону Сяньдею и соберите отъ жителей свѣдѣнія, правда ли это, сколько тамъ было японцевъ и куда они теперь дѣвались“. Прикрывать Зимина должны были остальные три взвода той же сотни. Зиминъ пошелъ и, не дойдя еще до Сяньдею, узналъ отъ китайцевъ, что японцы въ ней не ночевали, а приходили только покупать фуражъ и провіантъ. Все-таки онъ побывалъ въ самой деревнѣ и на мѣстѣ

провѣрилъ эти свѣдѣнія. Въ деревнѣ сотня однако не осталась, а командиръ ея, подъесаулъ Н. С. Сарычевъ, отвелъ ее въ сторону нашихъ силъ и поставилъ бивакомъ на привалѣ. Отсюда Сарычевъ послалъ генералу донесеніе о результатахъ развѣдки и получилъ въ отвѣтъ, что въ Сяньдею посылается баталіонъ 12-го Барнаульскаго полка съ двумя сотнями оренбургскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ, здѣсь собирався отрядъ, въ составъ котораго входили барнаульцы, оренбуржцы и забайкальцы.

Въ приказаніи генерала было сказано, между прочимъ, что въ виду крайняго утомленія людей 4-й сотни они могутъ не выставлять на ночь сторожевого охраненія, такъ какъ сонъ ихъ будутъ охранять баталіонъ и оренбургскіе казаки.

Было уже совсѣмъ темно, когда къ Сяньдею подошелъ съ этими частями полковникъ В. А. Карцовъ, но подошелъ другой дорогой отъ отряда, болѣе кружной, а не черезъ переваль. Сарычевъ сейчасъ же явился начальнику отряда, бывшему въ самой деревнѣ, и получилъ отъ него указаніе сойти съ перевала и стать съ сотнею бивакомъ шагахъ въ двухстахъ отъ пѣхоты.

Сошли съ перевала, разсѣдлали лошадей и улеглись спать возлѣ коновязи, разбитой на небольшой, хорошо утопанной, площадкѣ.

Деревня Сяньдею лежитъ на днѣ тѣснаго мрачнаго ущелья, съ почти отвѣсными стѣнами горъ, лишенныхъ всякой растительности. Казаки, ходившіе сюда неоднократно на развѣдку, инстинктивно не любили этой деревушки и этого ущелья и называли его „чортовой дырой“.

Офицеры сотни, Сарычевъ, Токмаковъ (тотъ самый, что ходилъ съ Потоцкимъ въ развѣдку къ Пьямыню), Краснопольскій и Зиминъ, улеглись на ночь тутъ же подлѣ коновязи, подъ открытымъ небомъ. Какъ ни велико было ихъ утомленіе, но и имъ не спалось въ эту чудную лунную ночь. Эти звѣзды сіяли такъ кротко, эта луна лила такой тихій и нѣжашій свѣтъ, пологъ неба былъ такъ свѣтелъ и ясенъ,

что ночь рождала мечты и уносила мысль изъ мрачнаго ущелья въ мѣста, святаго для памяти сердца.

— Ночь хороша,—сказаль кто-то, возвращаясь къ тяжелой дѣйствительности,—но я боюсь, что вмѣстѣ съ первыми лучами солнца брызнуть въ насъ пули японцевъ, засѣвшихъ вонь тамъ, на Черной горѣ, за этими камнями на скатѣ.

— Да, конечно, они сторожатъ Синьдею. Недаромъ встрѣтили они огнемъ сегодня нашу сотню.

И всѣ задумались о томъ, что дастъ имъ утро. Смутная тревога закрадывалась въ душу. А казаки храпѣли сладко, подложивъ подъ головы сѣдла, и кони фыркали и жевали сухой гаолянъ. Вдругъ изъ-за темной фанзы показалась фигура. Вышла—и остановилась. Осмотрѣлась и, услышавъ голоса бесѣдовавшихъ офицеровъ, направилась въ ихъ сторону. При свѣтѣ луны разглядѣли, что это китаецъ.

Зиминъ, участникъ перваго похода для занятія Квантуна, умѣющій говорить по-китайски, обратился къ нему съ вопросомъ: „Что надо“?

— Неужели русскіе хотятъ тутъ ночевать?—спросилъ китаецъ.

— Какъ видишь,—отвѣтили ему.

Тогда китаецъ быстро упалъ на колѣни и взволнованнымъ голосомъ сталъ умолять уйти изъ деревни.

— Вамъ плохо тутъ будетъ, шанго капитанъ, очень плохо,—шепталъ онъ прерывисто.—Всѣ окрестныя горы заняты японцами. Они стрѣляютъ будутъ и васъ убивать будутъ.

— Но у насъ тамъ дозоры стоятъ. Мы не боимся; они все видятъ и слышатъ...—говорили китайцу.

Но онъ не унимался.

— Все равно ваши солдаты не замѣтятъ японцевъ, они вѣдь ползаютъ какъ змѣи между камнями этихъ горъ.

Волненіе китайца было такъ искренно и такъ отвѣчало собственнымъ опасеніямъ, только что высказаннымъ, что сотникъ Зиминъ всталъ и пошелъ доложить начальнику отряда о разговорѣ съ китайцемъ.

— Но вѣдь у насъ тамъ и секреты, и дозоры! Они предупредятъ... Пустое!

Все осталось по-старому, и сонъ вступилъ въ свои права надъ всѣмъ бивакомъ. А когда поблѣднѣли луна и звѣзды и подъ лучами восходящаго солнца разсѣялся по ущельямъ ночной туманъ, съ горъ, дѣйствительно, „брызнули“ пули и понесли на мирно спящій бивакъ ужасную смерть.

Пробужденіе было жестокое, „неизгладимое въ памяти“, по словамъ очевидца.

Залпы гремѣли одинъ за другимъ. Все ближе подходили японцы и вотъ уже хлынули на самый бивакъ.

Казачи стали уходить въ горы, карабкаясь по крутымъ скатамъ съ лошадьми, таща раненыхъ товарищей. Нельзя ихъ бросить, хоть и молятъ они не мучать ихъ, оставить умереть спокойно. Нельзя! Оттуда, съ бивака, со дна этой могилы-ущелья, слышатся страшные крики.

— Я оглянулся назадъ,—разсказывалъ потомъ Зиминъ,—и видѣлъ, какъ японскіе солдаты хозяйничали на бивакѣ. Они разбивали и таскали наши вещи, наши сѣдла, наше оружіе. Ловили нашихъ лошадей. И кого-то кололи и рубили.

— Гдѣ же наша пѣхота?! Гдѣ оренбуржцы?! Гдѣ нашъ отрядъ?!—въ недоумѣніи спрашивали всѣ другъ друга, карабкаясь на перевалъ.

Оказалось потомъ, что въ 3 часа ночи онъ былъ поднятъ съ бивака и шелъ теперь старой дорогой, которой пришелъ, на соединеніе съ главными силами.

— А читинцы?—спросить читатель.—Какъ могло случиться что они остались на бивакѣ одни, безъ сторожевого охраненія?

Съ ними произошло что-то фатальное, что-то непредвидимое, неотвратимое на войнѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо,—какая-то роковая случайность, какое-то печальное недоразумѣніе.

Я спрашивалъ потомъ полковника Карцова, какъ это случилось, и онъ объяснилъ это такъ:

— Сяньдею, это—яма, въ которой охранять и которую оборонять нельзя... Можно только погибать... Я не послушался китайца и не снялъ отряда съ бивака не потому, чтобы ему не повѣрилъ, а потому, что куда же идти было ночью. Люди уже спали. Будить ихъ, вести, искать мѣста— все это было неудобно. Я рѣшилъ поступить иначе: поднять отрядъ до разсвѣта и вывести его изъ деревни, которую и въ самомъ дѣлѣ могли японцы обстрѣлять. Въ три часа пополудни барнаульцы и оренбуржцы были подняты, а поднять читинскую сотню, стоявшую отдѣльно, былъ посланъ мною офицеръ, который, вѣроятно, не нашелъ ея бивака въ темнотѣ. Но это порученіе было такъ просто, что я былъ добросовѣстно убѣжденъ, что читинцы идутъ въ хвостѣ колонны. Вы понимаете, конечно, какъ я потрясенъ всѣмъ случившимся,—говорилъ почтенный старый полковникъ.

Получивъ извѣстіе о нападеніи японцевъ на бивакъ 4-й сотни въ Сяньдею, Мищенко сейчасъ же поднялъ отрядъ. Командиръ Читинскаго полка полковникъ Павловъ съ нѣсколькими сотнями и 6-й конно-горной батареей Заамурскаго округа пограничной стражи былъ посланъ занять переваль, лежащій противъ Сахотана, и двинуться затѣмъ въ охватъ праваго фланга японцевъ. Отрядъ полковника Карцова составилъ правый боевой участокъ и ему было поставлено задачею занять Черную гору и выйти къ деревнѣ Сяньдею съ другой стороны. Въ центрѣ, на высотѣ, впереди бивака отряда, стала 1-я забайкальская казачья батарея войскового старшины Гаврилова.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первый день Сахотанскаго боя.

Къ тому времени, когда мы, въ началѣ 9 часа утра 10 іюня, прибыли къ отряду, положеніе дѣлъ было таково: сотни Павлова, двинувшись къ перевалу, были встрѣчены сильнымъ огнемъ непріятеля, занимавшаго гребни сопокъ. Прикоман-

дированный къ Читинскому полку 21-й конно-артиллерійской батареи подпоручикъ Выгранъ подъ градомъ пуль дошелъ со своимъ разѣздомъ до перевала и, убѣдившись, что

Командиръ 6-й конно-горной батареи подполк. Стрижевъ.

онъ занятъ японцами, отошелъ назадъ и донесъ объ этомъ Павлову. Тогда на позицію была вызвана конно-горная батарея, мѣткій огонь которой и заставилъ японцевъ очистить перевалъ, и онъ былъ занятъ охотниками, державшимися на немъ до подхода баталіона пѣхоты. Зато батарея лишилась своего командира, подполковника Стрижева. Только накануне онъ прибылъ къ ней, одновременно, можно сказать, вступилъ въ командованіе ею и въ бой и былъ раненъ въ плечо одной изъ первыхъ пуль.

На правомъ флангѣ Карцовъ мало продвинулся впередъ и теперь доносилъ генералу, что ему трудно держаться, что солдаты утомлены и что они давно не ѣли.

— Не смѣть отступить! Держаться!—вырывается у генерала. Напишите Карцову,—говоритъ онъ,—чтобъ не смѣлъ отступить, а держался бы. Напишите такъ: „Покорнѣйше прошу больше не доносить мнѣ ни о томъ, что у солдатъ нѣтъ чаю и сухарей, ни объ утомленіи, а исполнить порученіе и не отдавать перевалъ японцамъ“. Барнаульцамъ же напишите отъ меня *спасибо*... Надо ихъ подбодрить.

На горѣ, гдѣ была батарея и гдѣ находился начальникъ отряда, показалась высокая, плотная фигура Сарычева. Рядомъ съ нимъ шелъ Зиминъ. Появленіе ихъ произвело сенсацию. Взоры всѣхъ устремились на командира злополучной

сотни, иные привстали и пошли къ нему навстрѣчу. Онъ былъ блѣденъ теперь, этотъ пышущій здоровьемъ человѣкъ; онъ весь согнулся какъ-то за одну эту ночь, осунулся и въ голосъ его дрожали слезы...

Генераль сидѣлъ на буркѣ и пилъ чай изъ походнаго чернаго пузатаго чайника, когда ему доложили, что прибылъ Сарычевъ.

— Николай Степановичъ!—крикнулъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались ноты участія и расположенія. — Идите сюда! Садитесь, успокойтесь, выпейте кружку чаю и расскажите... Ну, ну, не волнуйтесь,—совсѣмъ уже ласково и съ улыбкой сказалъ генераль, замѣтивъ, что при одномъ воспоминаніи у Сарычева навернулись слезы на глаза.—Потери, кажется, вовсе не такъ велики, какъ можно было думать сначала и ожидать отъ такого нападенія. Японцы, знаете, храбрый народъ, но не выдержанный. Сами первые, знаете, испугались своей смѣлости напасть на нашъ бивакъ и начали палить по немъ, какъ мнѣ докладывали, чуть ли не съ полторы тысячи шаговъ. Ну, и разбудили рано. А надо было — безъ выстрѣла, знаете, одними штыками работать. Не такъ ли?—спрашивалъ генераль окружающихъ съ легкой усмѣшкой, пользуясь, очевидно, этимъ случаемъ для поученія своихъ офицеровъ, какъ надо нападать на японскіе биваки.— И потомъ, говорятъ, они васъ почти не преслѣдовали?

— Такъ точно, немного пострѣляли вслѣдъ одиночнымъ огнемъ.

— Ну, вотъ видите, и тутъ не додержали. Даже такой, знаете, легкой успѣхъ ихъ опьянилъ. А надо было, занявъ бивакъ, провожать васъ оттуда хорошими залпами...

— Они прежде всего бросились грабить сѣдла. Раненыхъ рубили и кололи,—съ дрожью волненія въ голосъ произнесъ Сарычевъ.

— Что хорунжіи Токмаковъ взять раненый японцами?—спросилъ генераль, мѣняя тонъ на болѣе дѣловой.

— Такъ точно.

— А корнетъ Краснопольскій?

— Его было сперва понесли, но нести въ гору было тяжело и мучительно для самого Краснопольскаго, а когда одного изъ несшихъ его казаковъ ранило восемью пулями, онъ приказалъ имъ его оставить. И его оставили, ваше превосходительство.

— Чтобъ доставить мнѣ сюда раненаго офицера!—крикнулъ вдругъ генераль, вскакивая на ноги.—Нельзя, господа, оставлять въ рукахъ японцевъ нашихъ раненыхъ, да еще офицеровъ! Нести ихъ во что бы то ни стало и не слушать приказаній бросить. Сотникъ Зиминъ, извольте отправиться въ Сяньдею и разыскать Краснопольскаго. Возьмите изъ моего конвоя десять человекъ и принесите мнѣ сюда корнета. Знаете, гдѣ онъ оставленъ?

— Такъ точно.

— Такъ вотъ, безъ него, знаете, не возвращайтесь.

Хорунжій Вейсбергъ.

Зиминъ, приложивъ руку къ козырьку фуражки, молча и спокойно поклонился генералу, повернулся и пошелъ къ конвою вызывать изъ него охотниковъ идти съ нимъ на явную гибель. А она казалась тогда таковой, ибо Сяньдею была занята японцами, и Краснопольскій долженъ былъ теперь лежать позади японской боевой линіи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новой утраты, понесенной отрядомъ въ офицерскомъ составѣ, по уходѣ Зимина стали вспоминать тѣхъ, кто выбылъ изъ рядовъ его. Помянули Степанова, Андриенко, Базилевича, Беклемишева, Вейс-

берга ¹⁾... Генераль особенно жалѣль Святополкъ-Мирскаго... Онъ вспомнилъ всю службу его въ отрядѣ, отмѣченную рядомъ смѣлыхъ охотничьихъ поисковъ и рекогносцировокъ... Черезъ два дня послѣ начала войны Мирскій первымъ изъ русскихъ перешелъ Ялу и водворилъ порядокъ въ лѣсо-промышленномъ товариществѣ, вывезя оттуда 15,000 руб. серебромъ, ружья, патроны... Это онъ захватилъ въ Шахедзы маіора Того Тозипуро съ пятью жандармами... Онъ первый сообщилъ изъ Аньчжу о боѣ „Варяга“ и „Корейца“. Произведя рекогносцировки бухты Куэнпу и Нимбена, онъ уничтожилъ телеграфное сообщеніе этого города съ городами Вензань, Пукченъ, Унзань, Кайченъ и Аньчжу... А этотъ послѣдній въ свою очередь разобшилъ съ Пеньяномъ, Ичжу и Цинампо... Наконецъ, за нѣсколько дней до плѣна (1 мая) онъ произвелъ съ своей сотней усиленную рекогносцировку на Ляомяо... Ничто не было упущено—и это давало каждому офицеру отряда увѣренность, что служба его не будетъ забыта, что его подвиги не пройдутъ безслѣдно... Теперь всѣхъ сокрушала мысль о тяжелой участи Мирскаго въ плѣну... Отрядъ зналъ объ его неудачной попыткѣ бѣжать и восхищался той энергіей, съ которой Мирскій и въ японской неволѣ продолжалъ служить своей арміи... И плѣнный, онъ оставался *развѣдчикомъ*... Рассказывали, что онъ подкупилъ китайца отнести въ штабъ манчжурской арміи письмо съ добытыми имъ свѣдѣніями, прося Куропаткина заплатить китайцу 500 рублей... Мирскій доносилъ, что наступленіе японцевъ задерживается трудностями подвоза продовольствія, что японскіе солдаты сильно болѣютъ, что планъ японцевъ: занять и укрѣпить линію Шахедзы—Фынхуанченъ, Хайченъ—Инкоу. „Если одна Плевна стоила

¹⁾ Хорунжій Вейсбергъ, во время одной развѣдки, наведенъ былъ отступавшимъ японскимъ развѣздомъ на японскую пѣхоту въ засадѣ, раненъ и взятъ въ плѣнъ. Въ отрядѣ долго были убѣждены, что Вейсбергъ погибъ, такъ какъ видѣли, что, раненый, онъ упалъ въ горную рѣчку.

вамъ сто тысячъ человѣкъ, сказалъ будто бы начальникъ Фынхуанченскаго отряда Мирскому, — то каждое изъ нашихъ укрѣпленій будетъ стоить вамъ вдвое...“

Въ этихъ воспоминаніяхъ, въ этихъ разсказахъ сказывалось крѣпкое боевое товарищество въ отрядѣ и большое идейное одушевленіе войной каждаго участника. Въ центрѣ его стоялъ самъ Мищенко.

Между тѣмъ бой постепенно росъ и ширился, но глазу давалъ очень мало въ смыслѣ картинности. При дальности разстоянія, на которомъ онъ велся, при пересѣченности поля сраженія, при бездымности современнаго пороха трудно было объять глазомъ боевой порядокъ не только врага, но и свой. Люди казались муравьями, ползшими по желтымъ скаламъ, и въ этомъ лабиринтѣ горъ трудно было разобраться, гдѣ свои, гдѣ японцы.

— Если вась, знаете, слушаться, такъ по японцамъ ни одного выстрѣла не сдѣлаешь, — сказалъ, смѣясь, Мищенко начальнику своего штаба, ген. шт. подполковнику Г. А. Мандрыкѣ, человѣку храброму, но осторожному и осмотрительному, замѣтившему генералу по поводу его приказанія стрѣлять батареѣ по одной изъ сопокъ, что тамъ, кажется, наши, а не японцы.

Замѣчаніе это, однако, подѣйствовало и, чтобы провѣрить себя, генералъ снова приложилъ бинокль къ глазамъ и сталъ разсматривать невысокую продолговатую гору, гребень которой былъ почти перпендикуляренъ къ линіи нашей позиціи.

— Нѣтъ, то японцы, то японцы, — увѣренно сказалъ генералу старикъ съ короткою, но окладистою сѣдою бородою, окаймлявшею смуглое лицо, освѣщенное изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей пронизательными живыми, добрыми глазами. Это общій „дѣдушка“ въ отрядѣ генерала Мищенко, его другъ, его тѣлохранитель, старый борецъ за свободу Черногоріи, Филиппъ Марковичъ Пламенацъ.

Безъ бинокля, безъ зрительной трубы, зоркимъ глазомъ

горца онъ отлично различаетъ, гдѣ наши, гдѣ японцы. Эти манчжурскія сопки, по его признанію, напоминали ему горы родной Черногоріи.

Онъ безстрастно сидитъ теперь на батарее, возлѣ своего генерала и смотритъ на сопки, изъ-за которыхъ то и дѣло взлетаютъ въ голубое небо красивые бѣлые клубы дыма рвущейся шрапнели.

Доброволецъ Ф. М. Пламенацъ.

Послѣ китайскаго похода, отбытаго вмѣстѣ съ Мищенко, „дѣдушка“ поселился въ Портъ-Артурѣ, гдѣ у него была своя фанза. Но едва грянула война съ Японіей, онъ продалъ ее, отдалъ всѣ свои скромныя сбереженія на Красный Крестъ и ушелъ къ Мищенко.

— Пока живъ, я не разстанусь съ моимъ генераломъ,— говорилъ онъ впослѣдствіи, когда его не хотѣли брать въ набѣгъ къ Инкоу во вниманіе къ его 76 годамъ и трудностямъ похода.— „Вы не хотите брать съ собою Пламенаца, сказалъ я генералу,— передавалъ мнѣ старикъ,— Пламенацъ самъ себя возьметъ...“

— Вы знаете, каковъ унасъ дѣдушка?—говорилъ мнѣ генералъ, знакомя меня съ Пламенацемъ.—Недавно одинъ снарядъ разорвался отъ насъ недалеко, и я вздрогнулъ. Онъ хладнокровно вынулъ изъ кармана клочокъ ваты и, подавая мнѣ, сказалъ: „На, генералъ, заткни себѣ уши, чтобъ не пугаться“. Каковъ? Меня сконфузилъ!

Они отбываютъ вмѣстѣ уже вторую кампанію и теперь порою мечтаютъ о томъ, какъ послѣ войны заживутъ на покоѣ въ деревнѣ.

И онъ „взялъ себя“,—пошелъ и думалъ одну думу:

— Держись, Пламенацъ, крѣпись, тянись, старый, во что бы то ни стало.

И вытянулъ.

Потомъ, подъ Сандепу, онъ вынесъ на своихъ рукахъ изъ боевой цѣпи своего раненаго въ ногу генерала.

Я спрашивалъ потомъ Пламенаца: когда онъ началъ сражаться?

— О, давно, давно,—отвѣтилъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ, уходя, видимо, мыслью въ свое прошлое... И онъ сталъ мнѣ отсчитывать по пальцамъ:

— Въ первый разъ пошелъ я на войну съ турками въ 1849 году. Потомъ въ 1851 году, потомъ въ 1853, 1854, 1855, 1857, 1859, 1860, 1861...

— Довольно, довольно,—перебилъ я его.—Коротко сказать, вы всю жизнь провоевали.

— А да, да!—сказалъ онъ, смѣясь.—Только наши войны вѣдь какія были: сегодня перестрѣлка, а завтра все тихо и мирно... А потомъ убьютъ гдѣ-нибудь турки нашего юнака или скотъ заберутъ, или нашъ юнакъ убьетъ гдѣ-нибудь по дорогѣ турка,—и опять пошла война... Вотъ въ 1862 году война была настоящая. Турки заняли всю Черногорію: жгли деревни, топтали жатвы и виноградники... А у насъ чуть не по пяти патроновъ на ружье было... Плохо было—врасплохъ насъ захватили.

И онъ задумался о своей Черногоріи, гдѣ „воздухъ такой легкой, легкой, что человекъ спитъ недолго и онъ встаетъ бодрый, веселый и свѣжій,—о какой-то птицѣ—*леверицъ*, которая такъ хорошо, тонко по ночамъ поетъ и которую никто не видалъ...”

„Дѣдушка“—*славянинъ* убѣжденный, гордый своимъ славянствомъ, вѣрящій въ его силу и готовый всюду за него биться... Вотъ и тѣперь онъ пріѣхалъ сюда, чтобы не умереть въ постели, а въ полѣ, на войнѣ, какъ слѣдуетъ доброму юнаку. — „Только вотъ что плохо, — помолчавъ, добавилъ онъ

съ отгѣнкомъ печали,—смерти бояться пересталь. Прежде все боялся, а теперъ пересталь. Плохо, плохо“...

Теперъ онъ сидѣлъ на пригоркѣ возлѣ зрительной трубы, поставленной на флангѣ батареи, и смотрѣлъ на этотъ горный пейзажъ, долженствовавшій ему напоминать его родную Черногорію, тѣмъ болѣе, что и одну изъ этихъ сопокъ, самую высокую и мрачную, здѣсь также называли Черною горою.

Къ генералу одинъ за другимъ являлись ординарцы со словесными и письменными донесеніями.

Съ праваго фланга, отъ полковника Карцова, пріѣхаль хорунжій Ланшаковъ, невысокій, крѣпко сложенный человекъ съ умнымъ, широкимъ лицомъ бурятскаго типа, одинъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ арміи. Карцовъ прислаль его доложить, что ему попрежнему трудно держаться на занятой позиціи, которую японцы обходятъ справа и слѣва.

— Слова „обходъ“, „отрѣзали“ не употреблять!—строго говоритъ Мищенко Ланшакову, прочитавъ это донесеніе.— „Идутъ справа...“ „Идутъ слѣва“—еще пожалуй...

И онъ сталъ диктовать штабсъ-капитану Потоцкому содержаніе записки на имя полковника Карцова:

—„Поблагодарите молодцовъ барнаульцевъ. Выставьте отъ себя наблюдательные конные посты въ предупрежденіе обхода справа. Дайте схематическій чертежъ вашего расположенія. Держитесь упорно; не вижу основанія отдавать свои позиціи. Противъ насъ противникъ на фронтѣ сбитъ. Если отступите, то займите правую высоту, которая выступаетъ при устьѣ вашей долины и откуда отступленія быть не можетъ“.

Подписавъ это приказаніе, Мищенко добавилъ post-scriptum: „Буду удерживать позицію цѣлый день. Безъ надобности не отступайте“.

Уѣхаль Ланшаковъ, явился корнетъ Шнеуръ. Онъ не потерялся въ новой обстановкѣ, быстро разыскалъ полковника Павлова и привезъ отъ него извѣстіе, что японская

пѣхота занимаетъ Сахотанъ и ея огнемъ обстрѣливается правый гребень высотъ, занять который генераль приказывалъ.

Но послѣдній настойчивъ въ своихъ намѣреніяхъ.

— „Нужно, чтобы наши солдаты ступали на то мѣсто, гдѣ стоялъ японецъ“ — таково правило генерала, и потому корнетъ снова посылается на лѣвый флангъ съ подтвержденіемъ приказанія „занять правый гребень и вышибить японцевъ изъ Сяньдею и Сахотана“.

Въ то же время навстрѣчу двумъ баталіонамъ 12-го сибир. пѣх. Барнаульскаго полка помчался другой ординарецъ съ приказаніемъ спѣшить. Они шли съ барабаннымъ боемъ и, услыжавъ его, генераль послалъ Павлову записку слѣдующаго содержанія:

„Взявъ двѣ сотни, конно-горную батарею и тѣ 4 роты, которыя къ вамъ подойдутъ, рѣшительно наступайте черезъ Саньхотанскій перевалъ на Сяньдею и непременно отгѣсните оттуда японцевъ. *Надо выручить* раненыхъ вашей 4-й сотни. Справа, съ Черной горы на Сяньдею наступаетъ полковникъ Карцовъ также съ четырьмя ротами“.

На этотъ разъ въ post-scriptum'ѣ стояло: „Донесите почаще“.

— Я приказывалъ начальникамъ колоннъ, разъѣздовъ, боевыхъ участковъ,—поясняетъ генераль окружающимъ его лицамъ, которыхъ онъ всегда держитъ въ курсѣ своихъ соображеній, словно читаетъ имъ прикладной курсъ тактики,— доносить мнѣ не только тогда, когда у нихъ что-нибудь случится, но и тогда, когда ничего не случается, а все обстоитъ благополучно. Мнѣ важно знать и то, что противника нѣтъ въ данной мѣстности, въ данное время...

Баталіоны подходятъ. Вотъ одинъ изъ нихъ остался внизу, въ лощинѣ и усилить нашъ резервъ, а другой карабкается уже къ намъ на гору, лѣвѣе батареи. Запыхавшіеся, раскраснѣвшіеся отъ жары и быстрого движенія люди спѣшно, толкая другъ друга, выстраиваютъ фронтъ своихъ

ротъ. Они впервые идутъ въ бой и передъ тѣмъ, какъ имъ скомандуютъ „смирно!“ и къ нимъ подойдетъ генераль, они торопятся снять фуражку и перекреститься.

Генераль идетъ къ баталіону, разспрашивая командира полка, полковника Добротина, о числѣ рядовъ въ ротахъ, о числѣ офицеровъ, кто командуетъ баталіономъ и надежный ли это штабъ-офицеръ.

— Полкъ молодой,—говоритъ Добротинъ, пожилой, довольно грузный полковникъ, типичный служака, „пѣхотный офицеръ“,—но я увѣренъ, что всѣ исполнять свой долгъ.

Вся послѣдующая служба полка на театрѣ войны доказала, что въ устахъ его командира это было не пустою фразою. Барнаульцы стяжали себѣ въ арміи громадную славу, а своему командиру заслужили георгіевскій крестъ.

По дорогѣ генераль задерживается, увидавъ молодого пѣхотнаго офицера.

— Вы ко мнѣ? Откуда? Кто такой?— бросаетъ онъ ему на ходу.

Тотъ называетъ свой чинъ и фамилію. Это начальникъ военнаго транспорта.

— Ну, что же, доставили намъ продовольствіе?

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство.

— Это беспокоюсь не я, а солдатскій желудокъ,—вдругъ сурово обрываетъ его генераль, недовольный, видимо, дѣйствительно странной формулировкой отвѣта. И прибавляетъ:

— Угодно вамъ въ этакое тонѣ?

Командиръ
12-го Сиб. пѣх. Барнаульскаго
полка, полков. Добротинъ.

А черезъ минуту уже попрежнему весело и ласково звучали его слова:

— Здорово, молодцы барнаульцы!

— Здравія желаемъ, ваше ство!

— Спасибо, что постарались и во-время пришли! Съ такими молодцами намъ никакой врагъ не страшень будетъ.

— Постараемся, ваше ство.

— Поздравляю васъ съ первымъ боемъ!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше ство! — неумолчно гремитъ по горамъ.

— Съ Богомъ, братцы!

И генераль снимаетъ фуражку.

Солдаты еще разъ торопливо крестятъ грудь.

Раздается команда. Роты заходятъ отдѣленіями правыя плечи впередъ и идутъ.

— Барабанщикамъ бить! — кричитъ генераль, пропуская мимо себя баталіонъ.

Роты идутъ, отбивая ногу, — идутъ спѣшно, почти бѣгомъ спускаются внизъ по крутому скату, змѣйкой вытянулись по немъ, переползли на другой, поднимаются снова, переваливаютъ черезъ гребень и вдругъ пропадаютъ, словно падаютъ за нимъ въ какую-то бездну.

6-й конно-горной батар. штабсъротмистръ Ковальскій.

Мы слѣдимъ за ихъ наступленіемъ. Но ихъ почему-то долго нѣтъ, не видать на скатѣ. Это баталіонъ, очевидно, устраивается въ лошинѣ, передъ тѣмъ, какъ разсыпать стрѣлковую цѣпь.

Такъ и есть. Цѣпь распалась и поднимается на гору. Открыли огонь. И затрещала перестрѣлка.

Проводивъ баталіонъ, генераль спѣшно диктуетъ приказаніе командующему конно-горной батареею за раною подполковника Стрижева, штабсъ-ротмистру Ковальскому:

„Слѣдуйте за баталіономъ, который идетъ занимать Саньхотанскій переваль. Вы будете содѣйствовать этому баталіону занять Сяньдею“.

Батарея стоитъ отъ насъ недалеко. Приказаніе быстро ей отвезено, и она быстро снимается съ одной позиціи и ѣдетъ на другую,—туда, гдѣ, смѣнивъ охотниковъ, залегли цѣпи барнаульцевъ.

Подъ прикрытіемъ ихъ, за этой стѣной изъ человѣческихъ грудей, два взвода конно-горной батареи выѣзжаютъ на переваль. Видно въ бинокль, какъ устанавливаютъ пушки, отыскивая каждой удобное мѣстечко, съ хорошимъ обстрѣломъ и по возможности укрытое.

Забайкальская казачья батарея, для поддержки горной въ эту трудную для каждой батареи минуту, открываетъ бѣглый огонь. Выстрѣлы гремятъ неумолчно, и нѣкоторое время надъ высотой, гдѣ обнаружена японская артиллерія, не разсѣивается дымъ шрапнели.

Сама батарея задернулась завѣсой пыли, поднятой на гребнѣ высоты, гдѣ она стоитъ, колебаніемъ воздуха при выстрѣлѣ, и могущей сыграть ту же предательскую роль, которую игралъ прежде дымъ черного пороха.

Загрѣмѣли и горныя пушки. Лихо работаютъ онѣ, подобравшись версты на двѣ къ противнику. Генераль ими очень доволенъ и теперь съ восторгомъ слѣдитъ за стрѣльбой съ перевала.

— Надо намъ прійти на помощь славной конно-горной батарее, говоритъ онъ,—и дать ей для зарядныхъ ящиковъ по парѣ лошадей, а то у нихъ только по четыре лошади...

И онъ идетъ къ орудіямъ Забайкальской батареи, отыскивая ея командира.

— Жарко тамъ теперь, на батарее, — говоритъ кто-то.

Да, переваль съ батареей окутанъ дымомъ рвущейся надъ нимъ шрапнели. Японцы, видимо, хотятъ сбить насъ оттуда. Но мы держимся за переваль, какъ говорится, зубами и скоро изъ состязанія за него выходимъ побѣдителями. Все рѣже стрѣляетъ японская батарея и, наконецъ, замолкаетъ совсѣмъ.

Пользуясь этимъ, полковникъ Павловъ ведетъ энергичное наступленіе баталіономъ и сотнями на Сяньдею.

Японцы бросаютъ свои позиціи и уходятъ черезъ д. Мадзювайзы на Эрдагоу.

Такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ послѣднемъ пунктѣ сосредоточены значительныя силы противника, то мы его не преслѣдуемъ.

Въ 2^{1/2} часа дня генераль посылаетъ полковнику Павлову приказаніе:

„Покончивъ съ развѣдкой и уборкой раненыхъ и имущества, сейчасъ же возвратитесь на бивакъ. Батарею пришлите теперь же. Не посылайте ее далеко. Непремѣнно надо достать отличія японцевъ, дабы видно было, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Надо обшарить Черную гору“.

Бой на сегодня конченъ. Попытка японцевъ продвинуться впередъ и открыть себѣ путь въ долину Танчи-Дашичао имъ не удалась.

Надо ждать, конечно, что они ее возобновятъ. И генераль Мищенко тутъ же на горѣ, на только что умолкнувшей батарее, отдаетъ распоряженія на завтра, назначаетъ части въ составъ сторожевого охраненія на ночь и наказываетъ начальнику его беречь Саньхотанскій переваль и ни за что не отдавать его японцамъ.

Покончивъ съ этимъ, генераль благодаритъ Забайкальскую батарею за мѣткую стрѣльбу, благодаритъ Барнаульцевъ, возвращающихся на бивакъ, за первую боевую службу, и весело, оживленно болтая, радостные отъ сегодняшняго успѣха, всѣ мы шумной гурьбой спускаемся въ лоци-

ну, гдѣ разбить бивакъ. Слѣдомъ за нами казаки ведутъ лошадей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На бивакѣ.

Зеленый шатерь генерала Мищенко разбитъ на пригоркѣ подѣ сѣнью деревьевъ небольшого китайскаго кладбища.

Эта купа деревьевъ у подошвы высокой и голой горы была оазисомъ, манившимъ въ свою тѣнь, среди вытопаннаго поля со слѣдами вчерашняго бивака. Вокругъ зеленоватаго шатра начальника отряда разбиты были палатки офицеровъ его штаба и Читинскаго полка. Впрочемъ, многіе изъ нихъ устроились и безъ нихъ, прямо постлавъ на землю подѣ деревомъ свои спальные мѣшки, пальто и бурки. Возлѣ клали сѣдло, небольшой вьючный чемоданъ, тутъ же бросали какую-нибудь мелочь офицерскаго походнаго обихода—чайникъ, кружку, флягу, коробку папиросъ, два-три газетныхъ номера и т. п. На сучья дерева, служившаго единственной стѣной этого жилища, въ которомъ потолокомъ была его листва, его вѣтви, вѣшали шашку, кобуръ съ револьверомъ, бинокль, планшетъ съ картой и офицерскую сумку. Тутъ же неподалеку, обыкновенно по другую сторону дерева, устраивался и офицерскій вѣстовой. Нѣсколько стеблей гаоляна и сѣрая шинель служили ему ложемъ, возлѣ котораго можно было найти металлическую кружку и сѣрый мѣшочекъ съ сухарями, съ нѣсколькими кусками сахару и щепотками чаю и соли, завернутыми въ разныя тряпочки. Тутъ же иногда помѣщались табакъ и спички. Также на сучкѣ висѣли шашка, винтовка и торба. Тамъ и сямъ между этими логовищами людей лежали сѣрыя надгробныя плиты, разбитыя, поросшія мохомъ, и, покосившись, торчали невысокіе могильные столбики, къ которымъ теперь были привязаны казачьи лошади.

Среди этихъ памятниковъ чуждаго намъ быта, такого своеобразнаго, таинственнаго въ своей тысячелѣтней „недвиж-

ности“, теперь кипѣла другая жизнь, ничего не имѣвшая дотолѣ общаго съ этими полями, могилами и посаженными надъ ними руками почтительныхъ потомковъ деревьями.

На бивакѣ Читинскаго полка, находившемся тутъ же впереди, на равнинѣ, стоялъ смутный шумъ отъ тысячи голосовъ, тысячи ногъ, людскихъ и конскихъ, шуршавшихъ по валявшейся всюду соломѣ гаоляна. Кучи его снова несли на бивакъ на кормъ лошадямъ, на подстилку людямъ. Стучалъ топоръ по коновязнымъ кольямъ... Грызлись, фыркали и бились лошади. Перекликались между собою казаки. Вахмистра звали къ командиру сотни, выкликали куда-то запропастившагося казака Харькова. Тамъ спорили, а тамъ бранились, тамъ пѣли, тамъ смѣялись, отдавали приказанія... Дымились костры, и на нихъ, въ плоскихъ китайскихъ котлахъ, варились щи, похлебка, чумизная каша.

И вдругъ всѣ эти сотни людей бросили свои дѣла-дѣлишки и хлынули навстрѣчу печальной процессіи, вытянувшейся изъ ущелья слѣва. Несли убитыхъ и раненыхъ, преимущественно злополучной 4-й сотни, пострадавшей въ Сяньдею. Высоко поднятыя на плечи дюжихъ забайкальцевъ, носилки плавно колыхались на ходу. Казаки шли медленно, бережно неся своихъ товарищей и едва успѣвая отвѣчать на вопросы толпы, кого несутъ, кто убитъ и кто раненъ...

... „Убитъ“, „раненъ“, „померъ“, „помретъ“,—эти слова кружились теперь въ воздухѣ, словно черныя мухи, и заставляли сердце сжиматься болью.

На ходу подстегивая шашку и оправляя китель, шелъ туда же, за этой толпой, и начальникъ отряда. Предъ нимъ толпа почтительно разступалась. Казачьи глаза доврчиво, пытливо и любовно смотрѣли въ лицо любимаго вождя. Оно было спокойно и сосредоточенно, какъ всегда. Безъ затаенной думы я его не видалъ. И она, эта дума, вырывалась иногда наружу среди простой шутиливой рѣчи, обрывая какой-нибудь анекдотъ, рассказъ, воспоминанье дѣльнымъ, своевременнымъ.

распоряженіемъ начальнику штаба, приказаніемъ или напомианіемъ кому-либо изъ ординарцевъ.

Генераль подошелъ къ стоявшимъ на землѣ носилкамъ. Смоченныя кровью шинели, ихъ покрывавшія, были замѣнены теперь брезентами. Перекрестился, откинулъ покрывало и съ устъ его сорвалось: „Ишь, подлецы, что надѣлали!“ Закинутыя за голову руки ничкомъ лежавшаго въ носилкахъ человѣка были отрублены въ плечѣ и держались не то на кускахъ кожи, не то на лоскутѣ рубашечной ткани. Все было залито черною кровью, и въ огромныхъ, зіяющихъ ранахъ ползали черныя мухи. Вдоль спины тянулся длинной темно-красной лентой слѣдъ другого сабельнаго удара. Остальные трупы носили такіе же слѣды безцѣльной, безсмысленно жестокой рубки.

Долго стоялъ надъ ними генераль, взволнованный, но молчаливый. И молча же стояли кругомъ казаки.

— Перекреститесь, братцы, и идите съ Богомъ!—сказалъ, наконецъ, генераль. Повернулся и пошелъ.

Его догналъ Зиминъ.

— А, радъ васъ видѣть!—говорить ему Мищенко.—Принесли Краснопольскаго?

— Такъ точно, ваше превосходительство, отвѣчаетъ Зиминъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ.—И Токмаковъ, и Краснопольскій оба доставлены на перевязочный пунктъ Краснаго Креста.

— Благодарю васъ, дорогой мой, благодарю сердечно.

Генераль жметъ ему руку и, видя по осунувшемуся, сѣрому лицу Зимина съ потускнѣвшими глазами, что онъ страшно усталъ, посылаетъ его идти скорѣй обѣдать и отдыхать.

Да, испытано и пережито Зиминымъ не мало за этотъ день. Это страшное пробужденіе отъ залповъ японцевъ, это безпорядочное отступленіе захваченныхъ врасплохъ людей въ горы, эти крики добиваемыхъ, это зрѣлище ихъ избіенія и, наконецъ, порученіе генерала добыть хоть мертвое тѣло

товарища, добыть во что бы то ни стало, гдѣ бы оно ни лежало впереди или въ тылу у японцевъ... Зиминъ зналъ, что, не выполнивъ этого порученія, онъ не смѣетъ явиться къ Мищенко. Но тамъ, гдѣ былъ оставленъ Краснопольскій, уже лежала японская цѣпь. Выбора не было.

— Что если бы японцы не очистили Сяньдею?—спрашиваю я его.

— Я уже рѣшилъ остаться тамъ до ночи. Днемъ добраться было невозможно. Не исполнить приказанія генерала—также...

И онъ показалъ мнѣ рукавъ своей рубахи, пронизанный японскою пулею.

— Мы долго лежали за камнями, въ какой-то водомоинѣ, пока японцы не ушли изъ Сяньдею. Это было спасеніемъ и для насъ, и для Токмакова съ Краснопольскимъ. Изъ деревни принесены были китайскія одѣяла, пришли носильщики-китайцы и раненые офицеры были снесены ими внизъ, въ Сяньдею, и тамъ перевязаны.

Теперь ихъ перевязывали заново, начисто. И когда мы съ генераломъ пришли на дворъ фанзы, занятой шестымъ летучимъ отрядомъ Краснаго Креста, Краснопольскаго, легко сравнительно раненаго, тамъ уже не было. Его перевязали и отправили въ Танчи, гдѣ былъ госпиталь.

Токмакова еще перевязывали, и пока это дѣлали, онъ рассказывалъ генералу, что, будучи уже раненъ двумя пулями въ ногу во время нападенія на бивакъ и лежа на скатѣ съ полуоткрытыми глазами, онъ видѣлъ, какъ на него бѣжала японская стрѣлковая цѣпь, и слышалъ, какъ кто-то сказалъ въ ней по-русски: „это убитый казакъ“. Но одинъ изъ японскихъ стрѣлковъ, пробѣгая мимо, все же пріостановился и съ трехъ шаговъ разстоянія трижды выстрѣлилъ въ него. И этими выстрѣлами Токмакову раздробленъ былъ локоть лѣвой руки и слегка поранена шея. Японецъ, видимо, цѣлилъ ему въ голову.

Копаясь надъ ногою Токмакова, докторъ проситъ насъ

напоить раненаго чаемъ съ виномъ. Мы поимъ его вмѣстѣ съ Потоцкимъ съ ложечки, какъ безпомощнаго ребенка, этого еще недавно цвѣтущаго, сильнаго, здороваго человѣка. Только духъ его силенъ еще и теперь. Переживъ переходъ отъ мечтаній чудесною лунною ночью къ свисту пуль потру, стомамъ раненыхъ, виду убитыхъ, виду озвѣрѣлаго врага, стрѣляющаго въ него, безпомощнаго, Токмаковъ пытается шутить, и перевязка не вырываетъ у него ни одной гримасы боли, ни одного болѣзненнаго стога.

— Нужна чистая рубаха,—говоритъ докторъ 6-го летучаго отряда.—Нѣтъ ли у кого, господа?

— Давайте мою!—сейчасъ же, откликается начальникъ отряда и посылаетъ въ свой шатеръ казака.

Пока тотъ бѣгаетъ за нею, Мищенко задумчиво ходитъ по двору фанзы и, подойдя ко мнѣ, говоритъ:

— Я назначаю комиссію изъ врачей отряда; вы войдете въ нее, какъ представитель печати, и штабсъ-капитанъ Потоцкій, какъ представитель отъ войскъ. Осмотрите трупы убитыхъ и изувѣченныхъ японцами казаковъ и составьте актъ, который я представлю по командѣ, и пусть знаютъ друзья японскаго солдата, что онъ себѣ позволяетъ. Такихъ вещей замалчивать нельзя!

Простившись съ Токмаковымъ и пожелавъ ему скорѣйшаго исцѣленія ранъ, Мищенко идетъ черезъ бивакъ полка обратно въ свой шатеръ. Но на пути онъ еще много разъ остановится, заглянетъ въ котель, попробуетъ пищу, посмотритъ лошадей, поговоритъ съ казакомъ... Для всѣхъ у него есть простое, но отъ сердца идущее, слово, и никто не пройдетъ незамѣченнымъ.

Проходитъ онъ мимо ряда транспортныхъ повозокъ и, увидавъ группу обозныхъ солдатъ, кричитъ имъ привѣтливо:

— Здорово, ребята! Спасибо, что намъ хлѣбъ поставяете!

И тѣ весело и дружно кричатъ ему въ отвѣтъ!— „Рады стараться“... Они понимаютъ, что хотя и не видна ихъ работа, но важна и цѣнится начальствомъ.

— Спасибо еще разъ, сибирская пѣхота,—говоритъ онъ группѣ солдатъ-барнаульцевъ,—что во-время подошли.. Съ вами теперь мы спокойны.. Устоимъ. Казакамъ однимъ-то трудно было—и лошадь, и винтовка—за всѣмъ усмотри..

— Молодцы казаки!—хвалитъ онъ и этихъ.

Но, надо пользоваться послѣдними лучами солнца и, пока этотъ день догораетъ, осмотрѣть трупы добытыхъ казаковъ и описать ихъ раны. Врачъ батареи Станкевичъ сдѣлалъ уже съ нихъ фотографическіе снимки.

Эта тягостная работа занимаетъ довольно много времени и заканчивается составленіемъ акта, изъ содержанія котораго я привожу здѣсь описаніе поврежденій, найденныхъ нами на трупахъ семи казаковъ, убитыхъ утромъ 10 іюня въ д. Сяньдею при нападеніи на 4-ю сотню 1-го Читинскаго полка:

„1) Приказный Никифоръ Васильевъ,—раненъ навзлетъ двумя ружейными пулями въ мягкія части спины; сверхъ сего имѣются: сабельная рубленая рана по наружной части праваго бедра съ разсѣченіемъ мышцъ; спереди по шеѣ—глубокая, проникающая до позвоночника рубленая рана, черезъ всю толщю шеи; разсѣчена до кости нижняя губа, разсѣчена правая щека и прилегающая къ ней часть правой верхней челюсти; правое ухо отрублено.

„2) Казакъ Иванъ Мурзинъ,—раненъ навзлетъ ружейною пулею въ лѣвое плечо съ раздробленіемъ правой плечевой кости. Сверхъ того, у него имѣется рубленая сабельная рана, проникающая до мозга головы. Изъ раны часть мозга выпала. На шеѣ другая, глубокая, зіяющая рана, проникающая до позвоночника. Лѣвое плечо въ области сочлененія все разрушено, такъ что рука держится на одной только кожѣ.

„3) Казакъ Иванъ Кондратьевъ,—раненъ въ правую руку, въ верхней части плеча, съ переломомъ кости. Сверхъ того, въ затылочной части головы имѣется нѣсколько рубленыхъ ранъ, проникающихъ до кости.

„4) Казакъ Александръ Голобоковъ,—раненъ ружейною пулею въ лѣвое подреберье около восьмого ребра; сверхъ того, имѣетъ въ нижней части живота зіяющую штыковую рану. Верхняя часть лѣваго бедра имѣетъ также нѣсколько рѣзанныхъ и колотыхъ ранъ, проникающихъ вглубь мышцъ и причиненныхъ тѣмъ же оружіемъ.

„5) Казакъ Иванъ Даниловъ,—раненъ ружейною пулею навзлетъ въ правый бокъ. Лѣвый бокъ имѣетъ колотую, зіяющую рану.

„6) Казакъ Василій Пинюгинъ,—раненъ навзлетъ подъ обѣ лопатки двумя ружейными пулями. У него четыре пулевыхъ отверстія. Сверхъ того, оба плеча разрублены нѣсколькими сабельными ударами, такъ что руки висятъ только на кускахъ кожи.

„7) Казаку Павлу Трухину нѣсколькими сабельными ударами перерублена шея, при чемъ разрушены всѣ мышцы, пищеводъ, дыхательное горло и самый позвоночникъ. Голова держится только на кускѣ кожи.

„На этомъ основаніи, говорилось въ заключительной части акта, комиссія пришла къ заключенію, что казаки, подвергшіеся нападенію и получившіе поврежденія огнестрѣльнымъ оружіемъ, лишавшія ихъ возможности бѣжать или защищаться, — были звѣрски добиваемы японцами холоднымъ оружіемъ.

„Фактъ нанесенія японцами ранъ уже лежащимъ нашимъ раненымъ подтверждается показаніями раненаго хорунжаго Токмакова и сотника Зимина. Первый заявилъ на перевязочномъ пунктѣ, что, получивъ двумя пулями рану въ правую ногу, онъ упалъ въ ровъ и потерялъ сознание; когда же очнулся, увидѣлъ бѣгущаго японскаго солдата, который произвелъ въ него съ трехъ шаговъ три выстрѣла, раздробившіе лѣвую руку въ плечѣ и поранившіе шею. Сотникъ Зиминъ, случайно находившійся на бивакѣ 4-й сотни, видѣлъ во время своего отступленія, какъ японцы рубили лежавшихъ, оставшихся на бивакѣ, раненыхъ саблями и слышалъ крики послѣднихъ о помощи ¹⁾“.

*
* * *

Теплая лѣтняя ночь опускалась на землю, когда мы разошлись, окончивъ эту тягостную работу. Я поспѣшилъ уйти подъ свое дерево, гдѣ разостлана была моя бурка. Усталый и потрясенный всѣмъ, что видѣлъ, слышалъ и пережилъ за день, я сталъ смотрѣть въ далекое, тихое, ясное небо, что сіяло надо мною сквозь листву вѣтвей мириадами звѣздъ. Такимъ оно было вчера, такимъ, можетъ быть, будетъ завтра, но не всѣ, кто имъ любитъ сегодня, будутъ любоваться

¹⁾ Актъ этотъ подписали: отрядный врачъ, ст. сов. Зороастровъ; старшій врачъ 1-го Верхнеудинскаго полка Гнилосыровъ; старшій врачъ 1-го Читинскаго полка лекаръ Варламовъ; врачъ 1-й Забайкальской казачьей батареи Станкевичъ; старшій врачъ № 6-й летучаго отряда Краснаго Креста д-ръ медицины Лебедевъ; старшій врачъ 12-го сибирскаго Барнаульскаго полка Валицкій; военный корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника“ подполковникъ Апушкинъ, штабсъ-капитанъ 3-й конно-артиллерійской батареи Потоцкій и, какъ очевидно, сотникъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка Зиминъ.

завтра. Мнѣ вспомнились убитые, изрубленные люди. Уже сейчасъ, сегодня нѣтъ никого возлѣ ихъ труповъ... Ночь, какъ могильная тьма, уже окутала ихъ своимъ мракомъ и скрыла изъ глазъ тѣхъ, кто еще вчера хлебаль съ ними вмѣстѣ изъ походнаго котелка горячую кашицу, чаеваль, смѣялся, печаловался и вспоминалъ о станицѣ, о домѣ. Теперь у этого котла заняли мѣсто другіе...

Съ пригорка, на которомъ я лежалъ, внизу, въ лощинѣ виднѣлись огни костровъ бивака, то тянувшихся къ облитому луннымъ сіяніемъ небу длинными красными языками, то бросавшихъ въ него столбы дыма или снопы искръ. Вокругъ костровъ виднѣлись силуэты людей и слышался смутный шумъ отъ жизни тысячей людей и лошадей.

Несмотря на боевой, тревожный день, жизнь затихала медленно.

Мой *vis-à-vis*, генераль Толмачевъ, командиръ бригады оренбургскихъ казаковъ, все еще о чемъ-то тревожился. Подъ навѣсомъ листвы его дерева вспыхиваетъ огонекъ, онъ зажигаетъ свѣчу и зоветъ своего ординарца, хорунжаго Медвѣдева.

— Доносятъ, что на Далинскомъ перевалѣ слышны орудійные выстрѣлы...— говоритъ генераль Толмачевъ.— Поѣзжайте и къ утру разузнайте, въ чемъ дѣло. Съ пути донесите, если что узнаете отъ встрѣчныхъ разъѣздовъ, отъ постовъ летучей почты...

Медвѣдевъ исчезаетъ во тьмѣ. Слышно, какъ онъ расталкиваетъ своего заснувшаго вѣстового, зоветъ вахмистра конвойной сотни, какъ сѣдлають лошадей... Сонныя лошади, сонныя люди... Словно какое-то чудовище ворошится за спиною, за деревомъ... Наконецъ, все готово, всѣ сѣли на коней, захрустѣли вѣтви подъ конскими ногами, зашелестѣли прошлогодніе сухіе листья, звякнуло стремя о стремя—и я вижу, какъ на скатѣ одинъ за другимъ вырисовываются силуэты всадниковъ... Они ѣдутъ гуськомъ, медленно, осторожно—и постепенно исчезаютъ во тьмѣ лощины, словно

скатываются внизъ... Топотъ коней замираетъ, теряется въ общемъ смутномъ шумѣ бивака...

Тихо у насъ на пригоркѣ, подъ сѣнью деревьевъ, среди могилъ чужого намъ народа. Все спитъ—и только шатеръ генерала свѣтится слабымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

— Когда онъ спитъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

11 іюня.— День отдыха.

Я проснулся въ 5½ часовъ чуднаго лѣтняго утра съ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ заснулъ: „когда онъ спитъ?“

У наскоро и грубо сколоченнаго стола сидѣлъ уже подъ деревомъ близъ своего шатра генералъ Мищенко и что-то писалъ.

Въ 9 час. утра назначены были похороны жертвъ боя, все казаковъ 4-й сотни, изрубленныхъ въ Сяндею. Подъ горою, за бивакомъ, выстроился въ пѣшемъ строю развернутымъ фронтомъ Читинскій полкъ. Передъ фронтомъ его поставили убогий деревянный столикъ, взятый изъ брошенной китайской фанзы. На столъ поставили чей-то походный небольшой образокъ и передъ нимъ затеплили одинокую тонкую восковую свѣчу. Но самый храмъ, гдѣ должна была совершаться печальная служба отпѣванія на полѣ брани убитенныхъ воиновъ, былъ величественъ и великолѣпенъ. Его стѣнами были горы, ихъ живописью былъ уборъ природы, куполами—высившіяся сопки и сводомъ—небо, голубое, все пронизанное лучами золотого солнца.

Тѣла убитыхъ лежали теперь въ рядъ передъ столомъ, завернутыя въ цыновки изъ соломы, долженствовавшія замѣнять имъ гробъ.

Пришелъ священникъ Барнаульскаго полка, пришелъ самъ Мищенко и весь его штабъ, раздалась команда—„Шапки долой, на молитву!“—и хоръ трубачей заигралъ „Коль славенъ...“

Полились торжественные, величаво-спокойные звуки этого гимна. И жизнь всего бивака замерла, пока они лились и уносились въ голубое небо, туманя взоры слезами умиления и скорби, волнуя сердце и щемя его неясной болью.

Отзвучали они—началась литія. Вотъ и „вѣчную память“ пропѣли три-четыре любителя-пѣвчихъ. Священникъ благословилъ тѣла, къ нимъ приблизились товарищи-казаки, положили ихъ на носилки, украсили ихъ домовины зеленою травою, сорванною на поляхъ Манчжуріи, подняли на плечи и вынесли впередъ, вытянувшись въ нитку. Впереди становятся пѣвчіе... Процессія готова уже тронуться. Еще разъ звучитъ гимнъ „Коль славенъ“ и за послѣднимъ аккордомъ его раздается команда полковника Павлова—„Шагомъ маршь!..“

Мы идемъ: пѣвчіе, носилки, священникъ, генераль со штабомъ, полкъ. Чередуюсь, музыка играетъ похоронный маршь, пѣвчіе поютъ „вѣчную память“.

Навстрѣчу процессіи бѣгутъ съ бивака и становятся шпалерами оренбуржцы, барнаульцы, артиллеристы-забайкальцы и пограничники. Мы идемъ мимо бивака и поднимаемся на крутую, высокую гору, у подножія которой онъ раскинулся. На скатѣ ея ждетъ хоръ музыки Барнаульскаго полка, и звуки его марша сливаются, перебиваютъ трубачей-читинцевъ.

Мищенко тутъ же благодарно жметъ руку командиру барнаульцевъ, полковнику Добротину, за этотъ знакъ вниманія къ его казакамъ, за проявленіе со стороны молодыхъ барнаульцевъ „старыхъ товарищескихъ отношеній“, существующихъ между войсковыми частями нашей арміи и составляющихъ ея силу.

Солнце жжетъ все сильнѣй. Медленно, съ трудомъ поднимаемся мы въ гору подъ его палящими лучами. Тамъ, на вершинѣ ея, вырыта одна для всѣхъ, общая, братская могила.

Подожли къ ней — и остановились.

— Эхъ, не догадались захватить съ собой верѣвки,—съ

укоризной говоритъ Мищенко, которому, видимо, хочется, чтобы все было чинно и благолѣпно.

Но четыре казака уже соскочили въ могилу и готовятся принимать на свои руки трупы товарищей.

Священникъ въ послѣдній разъ кадитъ надъ трупами, послѣдній разъ звучитъ „вѣчная память“—и ихъ начинаютъ бережно спускать въ могилу съ носилокъ. Но не хотятъ они, мертвые, разставаться съ этимъ Божьимъ міромъ и отъ этого свѣтлаго, ликующаго дня уходить въ тьму могилы въ далекой, чужой сторонѣ. Кровь изъ ранъ просочилась сквозь соломенные цыновки, прилипли они своими изрубленными спинами, головами и проколотыми животами къ полотну носилокъ—отдирать приходится. И молча дѣлаютъ казаки это тяжелое дѣло—и вотъ всѣ мертвые опущены въ могилу. Вылѣзли изъ нея живые, генераль беретъ горсть земли и бросаетъ ее въ яму.

— Да будетъ вамъ манчжурская земля своею и легкою,—говоритъ онъ вполголоса.

Его примѣру слѣдуютъ всѣ, кто толпою собрался вокругъ могилы,—и комья сухой земли глухо стучатъ тамъ, внизу, по соломеннымъ гробамъ-цыновкамъ.

Пока надъ братскою казачьею могилою насыпаютъ холмъ могильный, Мищенко, стоя передъ фронтомъ полка, держитъ рѣчь казакамъ:

— Ребята,—говоритъ онъ,—гнусный врагъ вчерашняго числа дозволил себѣ надругаться надъ трупами нашихъ убитыхъ и раненыхъ. Это гнусно, это подло—но я увѣренъ, что вы не поддадитесь чувству злобы и мести и не станете дѣлать того же надъ японскими ранеными. Вы будете помнить, что врагъ, который уже лежитъ, убитый или раненый, на землѣ, не воинъ, котораго надо бить, съ которымъ надо сражаться, а человѣкъ, котораго надо лечить. И потому платите имъ за зло добромъ.

И, сдѣлавъ паузу и оглянувшись на могильный холмъ,

выставшій за его спиною, генераль закончилъ свою благородную рѣчь:

— Теперь, когда мы похоронили честно нашихъ несчастныхъ товарищей, скажемъ—вѣчная память имъ, мертвымъ, и слава живымъ!

Музыка покрыла слова эти тушемъ.

— Ведите полкъ домой, да съ хорошимъ бодрымъ, веселящимъ маршемъ,—скомандовалъ Мищенко Павлову, когда умолкли звуки туша.

— На войнѣ горевать, унывать долго не слѣдуетъ... Бодрость духа нужна. Бодрить людей надобно...—говорилъ онъ мнѣ, когда мы спускались съ горы внизъ на бивакъ, уловивъ на моемъ лицѣ выраженіе нѣкотораго изумленія такой быстрой смѣнѣ настроеній.

И Мищенко постоянно бодритъ свои войска. Онъ въ постоянной заботѣ о нихъ и ихъ нуждѣ, и все интересы дѣла онъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и обо всемъ подумаетъ раньше всѣхъ.

Замѣтивъ войскового старшину Пѣшкова, генераль подо-звалъ его къ себѣ.

— Прикажете,—распорядился онъ,—этимъ четыремъ казакамъ, что укладывали трупы въ могилу, сейчасъ же идти на рѣку вымыться и переѣхать бѣлье. Присмотрите за этимъ.—И чтобы приказаніе это было крѣпче, онъ повторяетъ его командиру полка, а затѣмъ и самимъ казакамъ.

Спустившись внизъ, въ долину, гдѣ бивакъ, мы все бросаемъ прощальный взглядъ на гору, на вершинѣ которой одиноко бѣлѣется надъ казачьею могилою наскоро сколоченный крестъ.

Полдень. Къ палаткѣ полковника Павлова собираются офицеры его полка на обѣдъ. Командиру полка и мнѣ, какъ гостю, предоставлены лучшія мѣста. Мы сидимъ на ящикахъ передъ столомъ, которымъ служить также ящикъ. Остальные возлежатъ на буркахъ, на травѣ, на цыновкахъ. Обѣдъ простой, но сытный, вкусный. Жирныя щи, баранина съ ка-

шей. Есть и сладкое — шоколадъ, карамель. Приправую къ обѣду служатъ смѣхъ, шутки и воспоминанія о пережитомъ.

Г. А. Павловъ рассказываетъ мнѣ о походѣ въ Корею, о боѣ подъ Чончжю, который онъ называетъ „вымученнымъ“, — подъ Сюняемъ, сообщаетъ свои наблюденія о тактикѣ японскихъ разъѣздовъ.

— Они выпускаютъ впередъ трехъ всадниковъ. При встрѣчѣ съ нашимъ разъѣздомъ эта „тройка“ отступаетъ. Нашъ разъѣздъ идетъ за нею и натывается уже на „семерку“, т.-е. на идущихъ за тремя отходящими всадниками еще семерыхъ. Образовавшийся десятокъ также начинаетъ отступать — на „десятку“. Боже сохрани увлечься за ними. Эти два десятка конныхъ людей наведутъ на скрытую гдѣ-нибудь пѣхотную часть, которая и обдастъ васъ залпами изъ засады.

— Словомъ, это какъ въ „Пиковой дамѣ“, — японцы играютъ на „тройку, семерку, туза“.

— Да, и этотъ „тузъ“ — пѣхота — сперва частенько билъ нашъ разъѣздъ... Такъ погибъ хорунжій Вейсбергъ. Но потомъ мы разгадали ихъ карты и стали срывать ихъ игру на „семеркѣ“.

Обѣдъ уже кончался, когда со стороны зеленого шатра генерала зазвучала гитара и послышались слова лермонтовскаго романса. Пѣлъ молодой, красивый докторъ Акинфиевъ.

Вокругъ начальника отряда, на коврѣ, собралось большое общество, беззавѣтно работающее съ нимъ въ бою, дружно и весело живущее въ дни мира, въ рѣдкіе дни отдыха отъ боевой страды.

Оно увеличилось читинцами. Стало шумнѣе, веселѣе. Явились пѣсенники изъ конно-горной батареи, пришелъ хоръ музыки Барнаульскаго полка.

На середину круга вышелъ хорунжій въ черкескѣ, на козыряхъ которой болтался „солдатскій Георгій“. Это былъ Макаровъ, симпатичный молодой казакъ, съ выразительными карими глазами... Онъ лихо сплясалъ „казачка“.

Генераль, простой и веселый, подбивавшій то на пѣсню, то на пляску, былъ и тутъ вождемъ веселья, кончавшаго день, начатый похоронами. Но какъ всегда онъ пользуется случаемъ говорить съ войсками, такъ и тутъ, замѣтивъ, что вокругъ его ковра встала стѣна казаковъ и барнаульцевъ, пришедшихъ „посмотрѣть на Мищенко“, послушать музыку и пѣсни,—генераль, когда появилось скромное „удѣльное вино“, сталъ поднимать здравицу одну за другою. Въ нихъ онъ хвалилъ казаковъ забайкальскихъ, оренбургскихъ, хвалилъ барнаульцевъ, пограничниковъ, всѣхъ благодарилъ за боевую службу, пилъ за здоровье хорунжихъ, сотниковъ и есауловъ, оказавшихъ когда-либо услугу отряду, какъ, напримеръ, подпоручикъ Выгранъ подъ Сюянемъ, говорилъ объ единеніи духа въ арміи, о взаимной выручкѣ, о томъ, что японцы хотя и храбрый народъ, но противникъ не страшный,—и говорилъ все это простымъ, яснымъ и понятнымъ солдату языкомъ. Онъ шелъ къ солдатскому и казачьему сердцу, волновалъ его, а когда генераль Толмачевъ провозгласилъ здравицу за начальника отряда, „лихого, мужественнаго человѣка, вдохновляющаго и ободряющаго всѣхъ на подвиги и труды“, стѣна вдругъ рухнула. Десятки рукъ подняли при несмолкаемомъ „ура“ на воздухъ любимаго вождя-героя и отца-командира.

Кто-то напомнилъ объ японцахъ.

— Поди, у нихъ слышно, какъ мы кричимъ?...

— Ну, это мелочные люди, они не посмѣютъ беспокоить отрядъ,—спокойно возразилъ другой.

И широкое веселье продолжалось. Опять пѣлись пѣсни, говорились рѣчи, звучалъ тушь или маршъ.

— У насъ и поэты есть,—сказалъ Мищенко, съ гордостью отца, у котораго дѣти на всѣ руки мастера.—Ну-те-ка, Съченовъ, скажите намъ свои стихи про войну... Еще во время китайскаго похода сочинилъ ихъ,—пояснилъ мнѣ генераль.

Высокій, грузный подьесауль-артиллеристъ не заставилъ себя упрашивать...

Засинѣлися струйки тумана,
 Начинается солнца восходъ...
 Золотятся поля гаоляна—
 Вѣтеръ съ ними бесѣду ведетъ.
 Чуть сѣрѣютъ манчжурскія горы.
 Обгорѣлая фанза видна...
 И куда вы ни кинете взора,
 Всюду васъ ужасаетъ война.
 Тамъ, вдали гдѣ-то, слышны удары,
 Орудійный огонь, трескотня...
 Еще дальше—дымятся пожары,—
 Безпошадно ведется рѣзня!
 Вотъ казаки везутъ донесенье,
 На носилкахъ кого-то несутъ,
 вмѣсто жизни лишь смерть и смятенье,
 Да полки за полками идутъ.
 Всѣ идутъ они бодро и смѣло,
 Позабывши завѣтъ—„не убей“!
 Для чего жъ это страшное дѣло,
 Для чего эти сотни смертей?

— Правда, хорошо?—проговорилъ тихо Мищенко, глядя задумчиво вдаль, гдѣ виднѣлись „манчжурскія горы“, „поля гаоляна“, китайскія фанзы, гдѣ дымились бивачные огни и суетились казаки вокругъ лошадей...

— Въ этомъ *воинѣ*, подумалось мнѣ, живая, очевидно, чуткая, не безразличная къ ужасамъ войны душа *человѣка*, но сильная, крѣпкая сознаниемъ *долга*.

И послѣ дня боя, послѣ вида изуродованныхъ казачьихъ тѣлъ, этотъ „проклятый вопросъ“—

Для чего жъ это страшное дѣло?

Для чего эти сотни смертей?—

звучалъ неотвязчиво, властно. Но странно и чудесно было то, что онъ прозвучалъ именно здѣсь, въ отрядѣ Мищенко, среди прославленныхъ на всю армію беззавѣтно храбрыхъ воиновъ... Впрочемъ, гдѣ же и было звучать ему, какъ не тамъ, куда посылали видѣть „настоящую войну“!...

Мучительный, проклятый, но вѣчно живой вопросъ!

Становилось уже темно, когда генералу доложили, что на бивакъ пришелъ считавшійся безъ вѣсти пропавшимъ

казакъ 1-й сотни 12-го Оренбургскаго полка Степанъ Шиселовъ.

Казакъ.

Сейчасъ же казака позвали къ генералу, и онъ разсказалъ ему о своихъ злословіяхъ.

8 іюня Шиселовъ былъ въ разъѣздѣ, высланномъ отъ сотни, подъ командою подъесаула Осипова въ сторону Мадзявайды — Эрдагоу. Получивъ отъ китайцевъ свѣдѣнія, что за переваломъ въ лощинѣ находится бивакъ японцевъ, Осиповъ выслалъ на гору посмотреть на бивакъ урядника Рожкова и двухъ казаковъ.

— Спѣшились мы и поползли на гору, — разсказывалъ Шиселовъ генералу, словно конфузясь своей страшно грязной, порванной рубахи и выцвѣтшихъ шароваръ. — Я выползъ

впередъ товарищей, оглянулся, вижу — они съ полугоры назадъ ворочаются. Я подумалъ, что они позабыли что-либо или ихъ назадъ позвалъ его благородіе, подъесаулъ Осиповъ, — и поползъ дальше. Долгъ до вершины сопки, залегъ тамъ и глянулъ внизъ. Вижу тамъ, въ лощинѣ, японскій бивакъ и есть. Виденъ только край его, гдѣ конница ихъ стоитъ...

Сотенъ шесть. Въ это время, смотрю, подъ горою нашъ разъѣздъ сѣлъ на лошадей и пошелъ дальше, прямо на японскій бивакъ. Его встрѣтили оттуда огнемъ и навстрѣчу ему вышла рота. Тогда разъѣздъ нашъ сталъ отходить... Все дальше отъ меня, дальше, а я и крикнуть ему не могу, и догнать его не успѣю... Такъ и остался одинъ на горѣ. Залегъ я тогда въ ямку, снялъ съ себя шашку и винтовку, связалъ ихъ вмѣстѣ, чтобы не мѣшали ползти, и полѣзъ по горамъ, въ обходъ японскаго бивака. Днемъ лежу гдѣ-нибудь на сопкѣ, притаившись, а ночью ползу. Разъ стрѣляли по мнѣ, должно быть шорохъ выдалъ...

Другой разъ на своемъ пути Шишеловъ попалъ въ китайскую деревню. Она притаилась въ глубокомъ ущельѣ и въ каждой фанзѣ тамъ ютилось по 30—50 человекъ китайцевъ, скрывавшихся отъ ужасовъ войны. Завидѣвъ казака, олицетворявшаго для нихъ эти ужасы, они стали на него кричать, свистать, плевать и бросать въ него камнями.

— Я было взялъ уже винтовку на изготовку,—разсказывалъ Шишеловъ,—да на счастье мое выскочилъ изъ фанзы старикъ-китаецъ, прикрикнулъ на другихъ, и я ушелъ благополучно.

Въ этомъ скитаніи прошли для Шишелова дни 9 и 10 іюня, а 11-го къ вечеру онъ встрѣтился съ китайцемъ, который взялся провести его на наши сторожевыя заставы. Этотъ добрый китаецъ далъ ему свою соломенную шляпу и свою широкую куртку, подъ которую можно было спрятать и винтовку и шашку,—самъ онъ шелъ впереди и остерегалъ казака отъ всего подозрительнаго, встрѣчавшагося на пути. Благодаря ему, Шишеловъ прошелъ незамѣченнымъ мимо партіи хунхузозъ,—какъ сказалъ ему потомъ китаецъ,—человѣкъ въ пятьдесятъ, сидѣвшей въ засадѣ. Не доходя верстъ четырехъ до линіи нашего сторожевого охраненія, встрѣтили они другого китайца, которому первый и поручилъ вести казака дальше. Признательный Шишеловъ, прощаясь со

своимъ спасителемъ-проводникомъ, отдавалъ ему все, что имѣлъ—десять копѣекъ. Но китаецъ не взялъ ихъ.

Отъ нихъ не отказался потомъ второй проводникъ-китаецъ, который скоро вывелъ Шишелова на посты охотничьей команды. Начальникъ послѣдней далъ этому китайцу и отъ себя серебряный рубль за услугу, оказанную Шишелову. Такъ благополучно кончились его странствования.

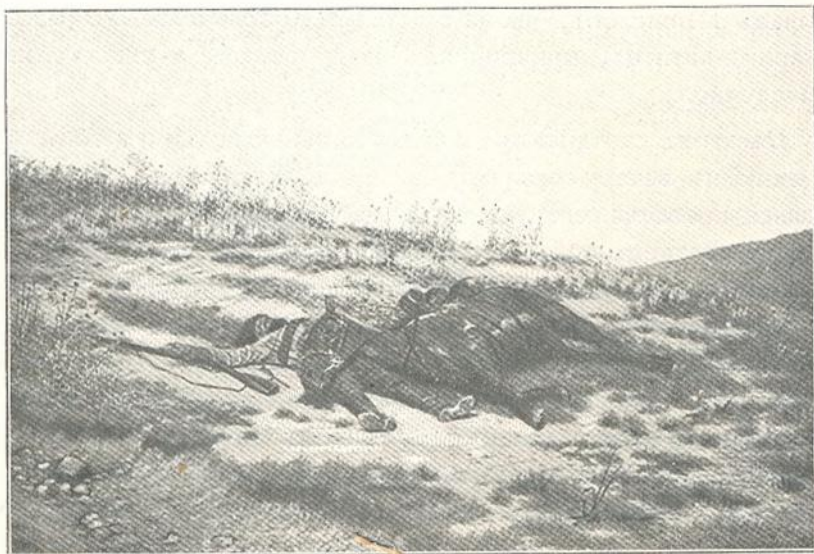
— Ну, что же, казачокъ, помаялся?—видимо довольный толковымъ рассказомъ казака, ласково спросилъ его Мищенко, глядя въ осунувшееся лицо Шишелова съ побѣлѣвшими, сухими губами.

— Такъ точно, ваше превосходительство,—просто отвѣтилъ тотъ.

— А ты что-нибудь ѣлъ за эти дни?

— Траву жевалъ, ваше превосходительство. А сегодня утромъ китаецъ меня покормилъ.

— Вотъ судьба казака,—говорилъ генералъ, обращаясь къ намъ, его окружавшимъ,—то густо, то пусто. Ну, слу-

Жертва долга.

шай, казакъ: мнѣ не жалко дать тебѣ десять рублей, а мнѣ жалко вашу казачью доблесть оцѣнивать на деньги. Начальство пусть тебя представитъ къ Егорію, а я сейчасъ хочу чѣмъ-нибудь тебя отблагодарить за то, что ты—добрый казакъ, въ трудную минуту не потерялся, бивакъ японскій высмотрѣлъ, ружье и шашку свои не бросилъ. Ты рядовой казакъ?

— Такъ точно.

— Ну, поздравляю тебя приказнымъ. Прикажите нашить ему немедленно нашивку,—распорядился Мищенко, обращаясь къ генералу Толмачеву.

Исторія странствованій Шишелова наталкиваетъ насъ на интересный и важный вопросъ объ отношеніяхъ къ намъ китайцевъ. Трудно, конечно, проникнуть въ душу этого народа и сказать, что думаетъ онъ о насъ и объ японцахъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи. Трудно разрѣшить его и по фактамъ жизни, столь противорѣчивымъ. Такъ, вслѣдъ за Шишеловымъ къ начальнику отряда фуражиры доставили китайца, у котораго на всѣ вопросы, есть ли гаолянъ, есть ли чумиза, былъ одинъ отвѣтъ: „ми-ю“, т.-е. „нѣтъ“, „не имѣю“. А когда все это нашли и вытащили на свѣтъ Божій изъ темноты подваловъ, онъ поджегъ запасы и фанзу и бросился бѣжать. Его, конечно, поймали и привели на бивакъ.

Генераль приказалъ переводчику сказать этому китайцу, что русскіе, вынужденные войною, начатою японцами, брать запасы продовольствія для себя и лошадей, за все щедро платятъ. Китайцу отдали сколько-то рублей и отпустили.

Это разрѣшеніе вопроса, что дѣлать съ этимъ поджигателемъ своего имущества, вызвало, конечно, оживленные споры въ офицерской средѣ. Самое вѣрное, пожалуй, то, что въ своихъ отношеніяхъ къ намъ и къ японцамъ китайцы руководятся единственно желаніемъ сбыть съ рукъ тѣхъ, кто ближе. Тѣмъ болѣе, что у насъ вообще нѣтъ системы въ отношеніи къ китайцамъ: мы съ ними то гуманничаемъ,

то звѣрствуемъ. Одинъ изъ участниковъ китайскаго похода 1900 года рассказалъ, между прочимъ, случай съ однимъ тифангуанемъ, котораго то чаемъ поили, то сѣкли, допытываясь, гдѣ боксеры.

День приходилъ къ концу, и начальникъ отряда, оставивъ развеселившуюся молодежь пѣть и плясать, сѣлъ за свой столикъ возлѣ палатки подводить итоги той невидной, но опасной и важной работѣ, которую дѣлали въ теченіе этого дня тамъ, въ этихъ горахъ, долинахъ и ущельяхъ, на сопкахъ и на перевалахъ, высланные съ ранняго утра развѣзды.

Въ горахъ, подъ деревьями быстро темнѣло. Опять зажигались костры на землѣ и звѣзды на небѣ.

Котеневъ

Корнетъ Шнеуръ, хорунжій Котеневъ,—тогда красивый, жизнерадостный юноша, а въ то время, когда писались эти строки, уже прикованный къ одру полученною имъ 29 сентября подъ Силуходзою пулею, зашѣвшею около спинного хребта,—немошный, безсильный, недвижимый,—и я ужинали подъ навѣсомъ изъ соломенныхъ цыновокъ у гостепріимнаго, хлѣбосольнаго генерала Толмачева, когда къ намъ подошелъ генералъ Мищенко и присѣлъ „поболтать“.

Говорили, конечно, о томъ, чѣмъ всѣ жили,—о войнѣ. Генералъ крайне отрицательно относился къ импровизациіи арміи изъ только что сформированныхъ частей.

— Сюда, знаете, слѣдовало бы двинуть готовые корпуса, а новые формировать и оставлять въ Россіи. Это дало бы, знаете, на войнѣ большой нравственный плюсъ: сплоченный корпусъ офицеровъ, знакомыхъ съ своими людьми,—полковья традиции, большее благоустройство, готовый механизмъ...

А то, знаете, укомплектовали полки третьими батальонами, взятыми из других частей, которые кажутся чужими; понадергали отовсюду офицеров, которые сами тут новички, ничего не знают в совершенно новой для них обстановке... И их никто не знает: ни подчиненные, ни начальники... Къ тому же знаете нашу привычку: пользуясь каждым случаемъ, сбывать из полка худшіе элементы?.. Поди и теперь то же самое... Ну, знаете, косо и смотрятъ на нихъ: какіе они? что имъ можно поручить и доверитъ? А война-то будетъ нешуточная... Японцы къ ней готовились, а мы нѣтъ... Нужны лучшіе люди, отборные... Нравственный элементъ, духъ арміи надо всемерно поддерживать, потому что сама война въ ея поводахъ не даетъ для того матеріала.—„Изъ-за концессій, говорятъ, воюемъ, а не за отечество, какъ прежде,—въ двѣнадцатомъ году, что ли,—не за братьевъ-славянъ, какъ въ турецкую...“

Теперь всѣ эти мысли кажутся уже банальными, общеизвестными, но тогда, въ началѣ войны, онѣ были характерны.

Прощаясь съ нами, генералъ конфиденціально намъ шепнулъ, что ночью можетъ быть тревога.

— Японцы усилились за день, подошли ближе. Можно ждать нападенія ночью.

Съ тревожною мыслью о немъ мы и заснули.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

12 іюня. На биваеѣ у Мугуи.

Наши опасенія, что японцы потревожатъ биваеѣ, не оправдались. Ночь прошла спокойно. И я проспалъ бы подъ буркою на землѣ, можетъ быть, и дольше, если бы не какой-то казакъ, разбудившій меня, чтобы сунуть мнѣ въ руки листъ бумаги. Это было приказаніе по отряду. Имъ предписывалось командиру 2-й бригады 3-й оренбургской казачьей дивизіи выслать офицерскій разъѣздъ за Эрдагоу. Писано

оно было все рукою генерала Мищенко и къ нему была приложена сдѣланная имъ же схема района развѣдки.

Очевидно, генераль уже бодрствовалъ.

— Я всегда на ногахъ уже къ 5 часамъ утра,—говорилъ онъ мнѣ, здороваясь.—Японцы, если собираются воевать въ теченіе дня, то всегда открываютъ огонь въ 5—5½ часовъ. Къ этому времени и изготавляешься...

— Но вы мало спите. Это дурно.

— Старики вообще мало спятъ,—улыбаясь, сказалъ генераль.—А я, если бы и хотѣлъ считать себя молодымъ, не могу. Я начальникъ отряда. Меня разбудятъ ночью разъ шесть разными донесеніями и приказаніями. Послѣ каждаго изъ нихъ нескоро уснешь. Ихъ надо продумать, поставить новыя свѣдѣнія въ связь со старыми, взвѣсить ихъ правильность, ихъ основательность, сообразить, чего можно ждать далѣе, и отдать соотвѣтствующія распоряженія. Покончилъ съ однимъ, усталъ взяла свое, пересилила мозговое возбужденіе, мѣшающее спать, задремалъ,— снова тянуть за ногу, толкаютъ въ бокъ, суютъ новый пакетъ. И опять пошла та же работа. Слава Богу, что до сихъ поръ еще крѣплюсь. Да вотъ и японцы отъ времени до времени отдыхъ даютъ. Вотъ уже шесть часовъ,—добавилъ генераль, взглядывая на часы,—а они молчатъ... Должно быть, и сегодня день пройдетъ тихо и мирно.

Бивакъ просыпался и начиналъ, дѣйствительно, мирную жизнь. Пользуясь вторымъ днемъ отдыха, додѣлывали то, что упущено было въ дни боевыхъ столкновений. Казаки чистили лошадей, винтовки, чинили платье, конское снаряженіе, пополняли израсходованные запасы сухарей, чаю, сахару, патроновъ и разбирались въ своемъ несложномъ хозяйствѣ, выворачивая на свѣтъ Божій содержимое своихъ кармановъ и переметныхъ сумъ.

Возлѣ офицерскихъ палатокъ и „логовищъ“ — выразиться иначе не умѣю про тѣ три аршина земли, которые занимались нами, расположившимися прямо на землѣ, подъ навѣсомъ древесной листвы,—также толпились казаки. У однѣхъ

Группа офицеровъ 1-й Забайкальской казачьей батареи
(въ центрѣ сидитъ фл.-ад. полк. Гавриловъ).

палатокъ они стоятъ вереницею: это получаютъ жалованье; у другихъ—ихъ небольшая группа: тамъ выдаются письма; у третьихъ—одиноко стоятъ артельщики и фуражиры, а офицеры, сидя на ящикахъ или на землѣ, подсчитываютъ ихъ книжки. У командирской палатки адъютантъ ведетъ подсчетъ по сотнямъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. И если бы не эти зловѣщія слова, казалось бы, что дѣло происходитъ въ лѣтнемъ лагерѣ, а не на войнѣ.

Война была тамъ, за этими гребнями горъ, вставшими на горизонтѣ. Туда, въ ихъ ущелья, долины и на перевалы, ушли наши разѣзды и тамъ нащупывали непріятеля. А онъ дѣлалъ то же самое въ отношеніи насъ—и обѣ стороны то сходились, то расходились, обмѣниваясь выстрѣлами, бросаясь на отставшаго всадника въ шашки и сабли; выслѣживали другъ друга, заманивая одинъ другого въ засаду; ползкомъ взбирались на крутя сопки, таились между камнями—и въ этомъ состязаніи „на хитрость, ловкость, смѣлость и рѣзвость“ проходилъ цѣлый день.

Донесенія, оттуда приходившія, говорили о новомъ наступательномъ движеніи японцевъ со стороны Кханцзы и Эрагоу. Одновременно они наступали и на Далинскій переваль со стороны деревень Вандзяпудзы и Мандзяпудзы. Было очевидно, что противникъ возобновить свою попытку сбить нашъ передовой отрядъ съ позиціи у Сахотана и отбросить его на свою правофланговую колонну, шедшую на Далинъ, отрѣзавъ, такимъ образомъ, отъ желѣзной дороги и главныхъ силъ, стоявшихъ у Дашичао. На это ясно указывало стремленіе японцевъ обойти нашъ правый флангъ въ бою 10 іюня. Перерывъ въ наступленіи на два дня давалъ основаніе думать, что японцы хотятъ возобновить его сразу съ значительными силами, чтобы достигнуть рѣшительнаго успѣха.

Получено было также извѣстіе, что двѣ японскія роты скрываются разсыпанными въ складкахъ горъ передъ нашимъ бивакомъ съ очевиднымъ намѣреніемъ дожидаться тамъ ночи и обстрѣлять его, какъ это удалось имъ подъ Сяньдею.

Начальникъ отряда рѣшилъ прогнать ихъ оттуда. Съ этою цѣлью въ 2 часа дня съ бивака выступилъ отрядъ въ составѣ одного баталіона 12-го Барнаульскаго полка, 1-й Забайкальской казачьей батареи и сотни 1-го Читинскаго полка.

Предполагалось сначала, что поведетъ его полковникъ Павловъ, командиръ читинцевъ, и я получилъ уже отъ него предложеніе ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Осѣдлали лошадей, но поѣхать не пришлось. Генералъ Мищенко прислалъ сказать Павлову, что онъ ему понадобится здѣсь, такъ какъ отрядъ мѣняетъ стоянку. Поѣздка наша разстроилась, и объ этомъ, какъ показали событія, приходится, пожалуй, пожалѣть.

Командиръ баталіона Барнаульскаго полка, совершенно новый въ здѣшнихъ мѣстахъ человекъ, не усвоилъ себѣ данныхъ ему указаній относительно мѣстности, гдѣ засѣли японскія роты, и ихъ не нашель.

Батарея безмолвно простояла до вечера на позиціи, которую ей указали, а сотня и баталіонъ въ боевомъ порядкѣ напрасно лазали по сопкамъ.

Въ 5 часовъ вечера отрядъ снялся съ бивака и отошелъ назадъ версты на двѣ, на три. Генераль Мищенко сдѣлалъ это изъ мудрой осторожности, оправданной, какъ увидимъ, событіями.

Направляясь во главѣ отряда къ новому биваку у д. Мугую, встрѣтили только что пришедшій къ намъ на подкрѣпленіе 7-й сибирскій пѣхотный Красноярскій полкъ подъ командою полковника Редько. Онъ стоялъ въ ротной колоннѣ вправо отъ дороги, на гаолянномъ полѣ, подъ откосомъ горы, окаймляющихъ долину съ востока. Только что сформированный (развернуть по мобилизаціи изъ Красноярскаго резервнаго баталіона), не обстрѣленный, не успѣвшій еще выработать внутреннюю спайку нижнихъ чиновъ между собою и съ офицерами, онъ напомнилъ мнѣ вдругъ чело-вѣка, попавшаго въ большое, незнакомое ему, но внутренне сплоченное общество, и потому жавшагося къ стѣнкѣ. Надо было ободрить его, познакомить,—и генераль Мищенко, какъ хорошій радушный хозяинъ, какъ опытный психологъ, какъ вождь, знающій цѣну нравственнаго элемента на войнѣ, сейчасъ же почувалъ это и, подскакавъ къ полку, привѣтствовалъ его радостно, весело, оживленно, какъ давно жданнаго, желаннаго гостя.

— Здравствуйте, молодцы красноярцы! Добро пожаловать! Ваши товарищи, барнаульцы, успѣли уже поработать и помогли мнѣ отбросить японцевъ, которые хотѣли выбить насъ отсюда. Врагъ бѣжалъ передъ нашимъ отрядомъ. Увѣренъ, что и вы не отстанете въ общей нашей работѣ.

— Постараемся, ваше превосходительство!—кричали въ отвѣтъ красноярцы, и лица ихъ ожили.

— Хочу я васъ теперь предупредить вотъ насчетъ чего: первое, это—послушаніе и строгое исполненіе требованій службы. Не забывайте, что мы имѣемъ дѣло съ противни-

комъ, который всѣ эти мѣста хорошо знаетъ, который хорошо обученъ, ловокъ и хитеръ. Съ такимъ противникомъ ни спать, ни дремать нельзя, всегда надо быть начеку. Это не значить, что его нельзя побѣдить. Я увѣренъ, что съ такими молодцами, какъ русскіе солдаты, всѣ враги побѣдимы. Надо только свою солдатскую должность исполнять по совѣсти, по присягѣ, не щадя живота для славы и пользы Царя и Отечества, и покорно переносить всѣ нужды и лишения. Ихъ всѣ мы терпимъ ради дѣла. Второе мое слово о томъ, что къ врагу, когда онъ раненъ, безоруженъ и не можетъ больше вамъ вредить, надо быть ласковымъ, жалостливымъ. Японцы вонъ третьяго дня нашихъ раненыхъ казаковъ добивали. Это гнусно съ ихъ стороны. Но мстить имъ за это тѣмъ же вы не должны. Мы христіане, а они язычники. Наконецъ, третье мое слово о китайцахъ, въ странѣ которыхъ намъ приходится воевать. Мы жили съ ними всегда въ ладу, землю у нихъ арендовали, а пришли сюда японцы, начали съ нами воевать—и китайцамъ теперь достается въ чужомъ пиру похмѣлье. Не смѣйте ихъ обижать. Они народъ тихій, миролюбивый и услужливый. Не разъ они спасали отъ японцевъ нашихъ солдатъ и казаковъ, отбившихся отъ своихъ. Вчера еще одного такого привели къ намъ на бивакъ, да и денегъ въ благодарность отъ него не брали. Знаю случай, когда китайка платьемъ своимъ прикрыла нашего развѣдчика-офицера, когда въ фанзу пришли искать его японцы. Будете съ ними хороши, и они будутъ вамъ все доставлять: и фуражъ, и провіантъ, и живность всякую, и будутъ всячески служить намъ противъ японцевъ, которые нарушили нашъ общій миръ. Поняли, братцы?!

— Такъ точно, ваше превосходительство!... Поняли!... Понимаемъ!...—раздались изъ рядовъ голоса.

— Ну, а къ вамъ, господа офицеры,—продолжалъ генералъ,—моя рѣчь коротка. Вы должны быть примѣромъ во всемъ своимъ подчиненнымъ и тогда вы можете быть увѣрены, что за вами солдаты всюду пойдутъ.

Молчаливый салютъ обнаженными шашками былъ отвѣтомъ офицеровъ.

— Теперь, начиная совмѣстную боевую службу, крикнемъ русское *ура* въ честь нашего возлюбленнаго Государя! — закончилъ генераль.

И тысячеголосное, оно долго носилось по долинѣ, передаваемое горнымъ эхомъ...

* * *

Отрядъ сталъ бивакомъ въ одной изъ боковыхъ лощинъ, между двумя высокими отрогами горнаго хребта. Одинъ, что впереди, былъ голъ и командовалъ надъ остальными; другой, къ подножію котораго приткнулся нашъ отрядъ, густо поросъ лиственнымъ лѣсомъ и огромныя каменныя глыбы торчали изъ его боковъ.

Я взобрался на одну изъ нихъ, сѣлъ и залюбовался картиною, разстлавшеюся у моихъ ногъ. Внизу, какъ муравьи, копошились люди, лошади, ставились палатки, то вытягивавшіяся длинною бѣлою линіею за линіею составленныхъ въ козла ружей, блестящихъ штыками, — то собирались въ кучу, образуя правильный четырехугольникъ. Зажигались уже кое-гдѣ костры, и ихъ пламень еще казался блѣднымъ при свѣтѣ угасавшаго дня.

Блѣдными, робкими казались и звѣзды, одна за другою появлявшіяся на небосводѣ, который сразу потемнѣетъ, какъ только погаснетъ послѣдній лучъ солнца, и сразу заискрится мириадами звѣздъ... И невольно ждешь этого момента, словно поднятія занавѣса — въ міровомъ театрѣ, предъ началомъ міровой пьесы.

По долинѣ тянется бѣловатый туманъ; легкою, полупрозрачною дымкою окуталъ онъ подножія горъ, и ихъ гребни и вершины кажутся теперь волнами, вставшими надъ этимъ моремъ, поверхность котораго ширится, растетъ и колеблется. И кажется, что съ нимъ колеблется и горы — волны.

Зовутъ ужинать. У гостепріимныхъ читинцевъ накрытъ длинный столъ, наскоро составленный изъ ящичковъ и ско-

лоченный изъ добытыхъ откуда-то досокъ. Къ ужину приглашены всѣ офицеры пришедшаго въ отрядъ Красноярскаго полка. Таково желаніе генерала. А у него это все та же политика тѣснаго единенія частей, установленія между ними добрыхъ товарищескихъ отношеній, имѣющихъ въ бою слѣдствіемъ взаимную самоотверженную поддержку и выручку.

Чтобы ужинъ вышелъ параднѣе и обильнѣе яствами и питіями, каждый изъ насъ несетъ лучшее, что имѣетъ въ своихъ походныхъ запасахъ.

И онъ начинается весело и оживленно.

Начальникъ отряда пользуется имъ, какъ случаемъ познакомиться новыхъ своихъ соратниковъ со взглядами своими на боевую службу. Онъ требуетъ отъ нихъ особой заботливости о солдатѣ.

— Главное дѣло, чтобы онъ былъ всегда сытъ. Отъ сытости—здоровье и веселье. Сытый солдатъ бодръ духомъ и готовъ работать двадцать четыре часа въ сутки. Отъ сытости и порядокъ. Сытый солдатъ отъ своей части не отобьется; онъ за нее зубами держится и не пойдетъ по сторонамъ, по деревнямъ высматривать сѣдобное. Не жалѣйте для котла ни трудовъ, ни средствъ. Съэкономите на немъ, проиграете на дѣлѣ. Останется больше рублей, но меньше людей.

— Ваше превосходительство,—взволнованнымъ голосомъ перебилъ рѣчь начальника отряда молодой офицеръ.—Несчастіе!... Капитанъ Васильевъ убитъ, хорунжій Макаровъ смертельно раненъ, и охотники принесли его изъ сторожевой линіи.

— Хорошо, ступайте,—сухо говоритъ генералъ, едва поворачивая голову въ сторону офицера, и затѣмъ продолжаетъ свой разговоръ съ полковникомъ Редько о томъ, что заботы начальника части о котлѣ, о солдатскомъ желудкѣ должны идти рука объ руку съ заботами о солдатскомъ сердцѣ и умѣ.

Я подивился тогда тому равнодушію, съ какимъ онъ принялъ извѣстіе о гибели двухъ офицеровъ своего штаба и особенно Макарова, котораго, повидимому, такъ любилъ.

Но потомъ я понялъ, что у этого человѣка желѣзная воля и, когда онъ хочетъ, онъ владѣеть собой, какъ никто. Такъ и тутъ. Посидѣвъ за нашимъ столикомъ минутъ десять, поговоривъ еще на разныя темы, серьезныя и шутивыя, генераль Мищенко всталъ и, сказавъ,—„сейчасъ вернусь“,—направился къ своему шатру.

Я послѣдовалъ за нимъ.

— Позовите ко мнѣ поручика М.,—приказалъ онъ, садясь за столъ.

Тотъ явился.

— Нельзя, знаете, дорогой мой, такимъ голосомъ передавать такія новости при новыхъ людяхъ. Что они объ насъ подумаютъ! Да и ихъ, знаете, запугать можете. На войнѣ все это вещи обыкновенныя, и мы всѣ и всегда можемъ быть убиты или ранены. Ну, а теперь докладывайте, что знаете. Какъ, во-первыхъ, Васильевъ и Макаровъ въ сторожевую линію попали?

— Они уѣхали еще со стараго бивака съ отрядомъ, ушедшимъ въ два часа. Такъ какъ отрядъ этотъ японцевъ не нашелъ и стоялъ на одномъ мѣстѣ, то они поѣхали впередъ и присоединились къ разъѣзду 1-й сотни 12-го Оренбургскаго казачьяго полка. Часовъ въ пять, въ шестомъ, разъѣздъ этотъ вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ и завязалъ съ нимъ перестрѣлку. Спѣшныя Васильевъ и Макаровъ были впереди и также стрѣляли. Ихъ звали назадъ... Японцевъ было много сравнительно съ разъездомъ. Предполагаютъ—рота. Васильевъ и Макаровъ послушались было и пошли назадъ, но потомъ повернули и опять пошли на японцевъ, стрѣляя. Говорятъ, Васильевъ сказалъ Макарову:—„Дойдемъ до пуль“... Ну, и дошли. Раздался залпъ, и оба они упали. Казаки бросились было поднимать ихъ, но смогли вынести только Макарова. Японцы стрѣляли пачками и сами подхватили тѣло Васильева. Полагаютъ, что онъ убитъ. При выручкѣ офицеровъ ранены были въ разъ-

ѣздѣ приказный Кузнецовъ и казаки Горовцевъ, Сальниковъ и Пономаревъ. Послѣдній не успѣлъ присоединиться къ разѣзду и ушелъ отъ гнавшихся за нимъ японцевъ въ горы. У приказнаго Шишелова убита лошадь.

— Это у того самаго, что вернулся вчера изъ скитаній?— спросилъ генераль.

— Такъ точно.

— Вотъ, молодецъ! Шустрый какой! Вчера вечеромъ, знаете, еле живъ былъ отъ голода, а сегодня съ утра уже въ разѣздѣ. Молодцы казачки!—Всякіе: и забайкальцы, и оренбуржцы, и терцы.. Вѣдь Макаровъ терскій казакъ?

— Такъ точно.

— Жаль, ахъ, какъ жаль обоихъ,—говорилъ генераль, качая головой.

— И чего сунулись... Особенно этотъ--интендантъ, Васильевъ! ¹⁾.

— Гдѣ же теперь Макаровъ?

— На перевязочномъ пунктѣ летучаго отряда Краснаго Креста. Тутъ есть охотники, которые несли Макарова такъ они говорятъ, что желаютъ что-то передать вашему превосходительству.

— Позовите.

Черезъ минуту передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ генераль и на которомъ тускло горѣла плохая китайская свѣча, оплывавшая отъ вѣтра, встали четыре солдатскихъ фигуры.

— Здорово, охотнички!—привѣтствовалъ ихъ генераль.— Спасибо, что принесли намъ раненаго офицера. Что желаете сказать?

— Такъ что, ваше превосходительство, какъ несли мы ихъ благородіе, потомъ приостановились—потому устали и мы, и они—положили ихъ на землю, а они насъ подозревали

¹⁾ Капитанъ Васильевъ былъ отряднымъ интендантомъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ не убитъ, а, тяжело раненный, взятъ японцами въ плѣнъ.

и говорить: „Скоро я не буду въ состояніи говорить, поэтому послушайте, что я вамъ скажу:

— „Передайте генералу Мищенко, что я дивлюсь его доблести и радъ, что послужилъ въ его отрядъ.“ Такъ и приказали сказать.

— Спасибо, спасибо вамъ, молодцы охотники,—говорилъ генералъ, вставая съ скамьи у стола.

И видимо взволнованный, тронутый тѣмъ, что предсмертныя минуты были отданы Макаровымъ ему и онъ умираетъ съ мыслями о немъ и объ его отрядъ, генералъ ушелъ въ свой шатеръ и болѣе не возвращался къ кончавшей ужинъ компаніи читинцевъ и красноярцевъ.

Мы вернулись въ нее одни. Тамъ, конечно, говорили о томъ же—о Васильевѣ и Макаровѣ. Жалѣли этихъ храбрыхъ офицеровъ, хорошихъ товарищей, симпатичныхъ людей. Еще вчера видѣли мы всѣ Макарова такимъ веселымъ, жизнерадостнымъ. Онъ запѣвалъ мягкимъ, задушевнымъ теноромъ то веселыя, то грустныя малороссійскія пѣсни. Онъ лихо плясалъ „казачка“. О войнѣ, казалось, было забыто и имъ, и нами... А сегодня онъ лежитъ уже гдѣ-то тамъ на перевязочномъ пунктѣ, въ темной, вонючей китайской фанзѣ, съ прострѣленнымъ животомъ, изъ котораго выпалъ сальникъ, и стонетъ... Живые каріе глаза его потухли, румяное лицо стало сѣрымъ, мягкія черты его стали острыми... И докторъ, склонившись надъ нимъ въ полумракѣ фанзы, слабо освѣщенной свѣчами, пристально смотритъ въ него, предугадывая признаки надвигающагося перитонита.

Хорунжіі Н. Р. Макаровъ.
(Смертельно раненъ подъ Саханомъ 12 іюня 1904 г.

На другой день утромъ, когда отрядъ нашъ шелъ впередъ, на Сахотанскую позицію, Макарова несли назадъ, въ Танчи, гдѣ былъ госпиталь.

По дорогѣ онъ умеръ.

Меня уже не было въ отрядѣ, когда происходилъ аукціонъ вещей, оставшихся послѣ погибшаго Макарова. Это доброе и характерное обыкновеніе, существовавшее въ отрядѣ генерала Мищенко, имѣло цѣлью помочь семьѣ умершаго товарища. Часть такихъ вещей, конечно, отсылалась семьѣ „на память“ о погибшемъ на войнѣ сынѣ, братѣ, мужѣ; другая же шла съ аукціона въ продажу. За цѣною на немъ не стояли и всѣ хотѣли купить вещь подороже, а не подешевле. Такъ, рассказывали мнѣ, что коробка сардинъ, оставшаяся послѣ убитаго въ отрядѣ подъ Уулаассою командира 7-го Сибирскаго казачьяго полка, полковника Старкова была продана за 25 рублей, три его лошади, стоившія въ общемъ пятьсотъ рублей, были проданы за тысячу сто рублей. За одну дали пятьсотъ, за двѣ другихъ—по триста.

То же было и съ вещами Макарова. Его простая черешневая трубка, стоившая сорокъ, пятьдесятъ копѣекъ, пошла за пять рублей. Кисеть—за шесть... Долго спорили за обладаніе кинжаломъ, простымъ, въ скромныхъ кожаныхъ ножнахъ.

— Пятнадцать рублей!—кричалъ одинъ.

— Двадцать пять!—перебилъ другой.

— Сорокъ!

— Пятьдесятъ!

— Семьдесятъ пять!

— Девяносто!

— Сто!—вмѣшался начальникъ отряда.

— Кто больше?—спрашивалъ ведшій аукціонъ офицеръ, держа кинжалъ въ рукахъ, и то повертывая его передъ покупателями, то обнажая.

Никто не откликался.

— Разъ сто! Два сто! Три... сто!

Кинжалъ остался за генераломъ.

Всѣ пріобрѣли себѣ кое-что на память о погибшемъ товарищѣ.

А завтра... завтра вещи каждаго изъ нихъ могли быть вынесены злою судьбою на такой же аукціонъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

13 іюня. Второй день сахотанскаго боя.

На зарѣ, когда мы мирно еще спали въ ущельѣ у Мугуи, японцы, подтащивъ за ночь пушки, обстрѣливали нашъ бивакъ у Сахотана. Очевидно, они рассчитывали на такой же успѣхъ, какъ и нападеніе 10 іюня на Сяньдею.

На бивакѣ, въ боковой лоцинѣ, укрыто стояли Барнаульскій полкъ, двѣ сотни и взводъ конно-горной батареи. Огонь японцевъ не причинилъ имъ никакого урона. Ихъ артиллерія давала недолеты. Бивакъ сейчасъ же поднялся, и барнаульцы вышли на позицію.

Послѣ перваго же выстрѣла и у насъ, на бивакѣ читинцевъ, прозвучалъ голосъ генерала Мищенко:

— Всему отряду сѣдлатъ лошадей!

Было 5 часовъ утра,—попрежнему яснаго и прекраснаго.

Мгновенно все поднялось, засуетилось, одѣваясь, собирая вещи, сѣдлая лошадей... И минутъ черезъ десять мы рысили уже вслѣдъ за генераломъ, который самъ повелъ на старую позицію у Сахотана, на поддержку занимающимъ ее частямъ, еще двѣ сотни Читинскаго полка со взводомъ конно-горной батареи.

Слѣдомъ идутъ остальные читинскія сотни, Забайкальская батарея. Оренбургская казачья бригада и Красноярскій полкъ оставлены въ резервѣ.

— Въ цѣпи тѣсно не лежи!..—говоритъ генералъ, слѣзши съ коня на горѣ, гдѣ стояла 10-го числа наша батарея, и идя вдоль разсыпанной по скату ея цѣпи барнаульцевъ.

Командиръ ихъ, полковникъ Добротинъ, идетъ ему навстрѣчу.

— Занята ли гора, о которой я вчера вамъ говорилъ?— спрашиваетъ его Мищенко, здороваясь.

— Баталіонъ посланъ, но занята ли, мнѣ еще не донесено,—говоритъ полковникъ спокойно, увѣренно, что приказаніе его будетъ исполнено.

Но горячему Мищенко этого мало.

— Господа,—обрываетъ онъ строго полковника,—за вашу безопасность вы будете наказаны... Мало выслать, надо знать, что дѣло сдѣлано, только тогда и имѣете право быть спокойными.

Вызывается рота занять Сяньхотанскій переваль. Она спѣшно поднимается изъ лощины къ намъ на гору. Идутъ, равняясь, въ ногу, отбивая тактъ.

— Здорово, славная шестая рота!—кричитъ ей генераль.— Поздравляю съ боемъ. Радъ, что командиръ полка васъ мнѣ расхвалилъ. Молодцы, говоритъ, надежные ребята!..

— Рады стараться!—кричатъ въ отвѣтъ бородатые „ребята“, призванные изъ запаса.

— Ну, ступайте же, займите переваль!..

Рота перестраивается и, вытянувшись длиною лентою, извиваясь, спускается внизъ.

— Дайте мнѣ умыться!—кричитъ генераль, обращаясь къ своему конвою. Оттуда уже тащатъ котелокъ воды. И, скинувъ китель, засучивъ рукава рубахи, генераль быстро, нервно, по-юношески бросаетъ себѣ въ лицо полную пригоршни холодной воды, смачиваетъ ею свои еще густые сѣдые волосы.

— Ну, вотъ и готовъ... хоть на балъ,—говоритъ онъ, быстро вытирая лицо и надѣвая китель съ бѣленькимъ крестомъ въ петлицѣ.

На гору, на старую свою позицію, поднимается взводъ Забайкальской казачьей батарей.

Снялся съ передковъ. Зарядилъ.

— Первое!...—командуетъ подъесаулъ Никоновъ.

— Пойдите, пойдите!—кричитъ ему генераль.—Дайте, я прежде поздороваюсь съ батареей...

— Здорово, молодцы артиллеристы!

— Здравія желаемъ...

— Ну, теперь стрѣляйте,—говоритъ генераль.

Вздрыгнуло орудіе, отскочило, зарывшись сошникомъ въ мягкую землю вспаханнаго поля, и, разсѣвая чистый утренній воздухъ, жужжа, какъ гигантская пчела, понеслась за переваль, въ окутанныя лиловой дымкой горы, наша первая шрапнель.

Остальные два взвода этой батареи стали на высотахъ за ложиною, правѣе версты на двѣ, на полторы.

На лѣвомъ флангѣ выѣхала на позицію конно-горная батарея и открыла огонь во флангъ японцамъ, занимающимъ Сяньдею.

Завязался оживленный артиллерійскій поединокъ.

Снаряды со свистомъ и шипѣніемъ бороздили воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ не сходили съ голубого неба.

Подъ ихъ дождемъ, по сѣрымъ, бурымъ и зеленѣющимъ сопкамъ, ихъ скатамъ, гребнямъ и переваламъ, двигались другъ противъ друга наши и японскія цѣпи. Ихъ ружейный огонь то разгорался, то стихалъ.

— Подъесауль Шубинъ! — позвалъ одного изъ своихъ ординарцевъ генераль Толмачевъ.—Начальникъ отряда желаетъ выяснитъ мѣста расположенія батарей противника и мѣста паденія нашихъ снарядовъ. Поѣзжайте, пожалуйста, вонъ на ту зеленую гору. Она немного впереди нашего боевого расположенія и, судя по ея относительной высотѣ, можно думать, что съ нея вамъ все будетъ видно. Сдѣлайте только это скрытно, не обнаруживайте себя, чтобы не привлечь на гору огонь... По ней стрѣляютъ, но пока еще изрѣдка.

Мнѣ показалось интереснымъ это порученіе, и я отправился на зеленую гору вмѣстѣ съ Петромъ Львовичемъ

Шубинимъ, почтеннымъ подьесауломъ Оренбургскаго казачьяго войска, невысокимъ, плотнымъ, положительнымъ челоуѣкомъ съ симпатичнымъ лицомъ, освѣщеннымъ добродушными глазами и окаймленнымъ небольшою русою бородою.

Мы сѣли на коней, спустились внизъ съ горы съ батарею и поѣхали направо по долину. Навстрѣчу намъ уже тянулись одиночные люди съ окровавленными повязками на голоуѣ, на ногахъ... Чтобы легче было идти въ этотъ жаркій день, они снимали по крестьянскому обыкноуенію сапоги и несли ихъ въ рукахъ... Насъ обгоняли патронныя двуколки... За какою-то безымянною, брошеною жителями деревушкою съ полуразрушенными фанзами мы переѣхали мелкую рѣчку въ плоскихъ песчаныхъ берегахъ и очутились у подножія Зеленой горы. У обрыва ея, прижавшись къ отвѣсной земляной стѣнѣ, держа лошадей въ поводу, сидѣло нѣсколько оренбургскихъ казаковъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? Чего притаились?—спросилъ ихъ Шубинъ, слѣзая съ коня.

— Японецъ черезъ эту гору снаряды кидаетъ,—отвѣтили они хоромъ.—Вотъ извольте, ваше высокоблагородіе, посмотрѣть—мы осколки и трубки подобрали ¹⁾. Чуть лошадь не убили... Хорошо еще, что больше все ныряютъ въ рѣчку. Тамъ и тонуть.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, издали послышалось жужжанье снаряда... Звуки, сперва тихіе, слитные, мягкіе, все росли, становились громче, отчетливѣе, рѣзче, пріобрѣтали дребезжащій металлическій тонъ... Пролетая высоко надъ нашими голоуами, снарядъ, казалось, стоналъ... Но это былъ только мигъ—мы ждали разрыва, и вдругъ вся

¹⁾ Я привезъ одну изъ этихъ трубокъ на батарею въ надеждѣ, что по ея установкѣ мы можемъ опредѣлить дистанцію, съ которой по насъ стрѣляютъ японцы, и такимъ образомъ повѣрить нашу установку... Но неприятельскихъ таблицъ стрѣльбы ни у кого не было. А въ будущемъ ихъ полезно и надо будетъ имѣть.

эта гамма звуковъ оборвалась... Снарядъ закопался во влажный песокъ возлѣ самой воды...

Было ясно, однако, что японцы обстрѣливали собственно не Зеленую гору, а искали стоявшія правѣ ея, на высотахъ за рѣчкую, четыре орудія Забайкальской казачьей батареи, также славшей черезъ наши головы въ отвѣтъ врагу свои снаряды.

На обнаженную отъ кустовъ вершину сопки предстояло пробираться ползкомъ, и потому мы оставили внизу у казаковъ не только лошадей, но и мѣшавшія намъ при движеніи въ гору шашки.

Перекрестясь, вскарабкались на край обрыва и пошли по тальвегу впередъ... Онъ становился все глубже, превращаясь въ песчаное, каменистое дно высохшаго теперь горнаго ручья... Появилась поросль, все гуще, все выше... Кусты смѣнились деревьями... Рука невольна тянулась и срывала въ высокой травѣ пышные полевые цвѣты... Наша рекогносцировка обратилась въ ботаническую экскурсію, и, позабывъ на время о войнѣ, переставъ обращать вниманіе, гдѣ падали непріятельскіе снаряды, летѣвшіе черезъ головы, мы разговаривали съ Петромъ Львовичемъ Шубинымъ о розахъ, душистомъ горошкѣ, лѣсныхъ георгинахъ, медленно поднимаясь по крутому скату зеленой горы.

Солнце поднималось все выше и пекло невыносимо. Прячась отъ него, мы опять спустились на дно ручья... Въ этомъ каменномъ коридорѣ, надъ которымъ пологомъ сплелись вѣтви деревьевъ, растущихъ по окраинамъ его обрывистыхъ береговъ, была тѣнь, было прохладно, даже сыро. На полугорѣ отъ него отходило боковое ущелье. Это была узкая, темноватая щель, густо поросшая кустарникомъ и также осѣняемая сверху деревьями. Въ ней къ одному краю горы прилѣпилась фанза—скромный идиллическій хуторокъ. Высокій шестъ стоялъ надъ колодцемъ, обложеннымъ большими сѣрыми камнями. Пустая арба. Аккуратно сложенные кучи хвороста, гаоляна. Зеленѣющія грядки овощей

на крохотномъ огородѣ. Цвѣты... Собаки... Дѣти. И въ то время, какъ вверху, въ голубомъ небѣ, виднѣвшемся узкою полоскою со дна ущелья, грохотали громы войны, здѣсь вѣяло миромъ, невозмутимымъ спокойствіемъ. Старый китаецъ съ длинною трубкою во рту сидѣлъ на камнѣ у дверей фанзы и смотрѣлъ, какъ маленькій сѣренькій осликъ, съ повязанными тряпкою глазами, подгоняемый хворостинкою въ рукахъ старой китайки, бѣгалъ вокругъ большого жернова, на поверхность котораго насыпана была чумиза, и вертѣлъ вокругъ стержня цилиндрической камень, размалывавшій зерна.

Мы невольно залюбовались этой идилліей. Отдохнувъ, пошли далѣе, выше. Миновали лѣсокъ и вотъ уже близко вершина. На скатѣ ея лежали и сидѣли пѣхотные солдаты.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— На заставѣ, ваше в-дѣе...

— Давно ли?

— Съ ночи.

— Ну и что же, все благополучно?

— Такъ точно. Спервоначально японцы было по насъ стрѣляли изъ ружей, а теперь, слава Богу, сидимъ спокойно. Только навѣрхъ все-таки, ваше высокоблагородіе, идти надо крадучись.

Мы „крадучись“ и пошли. Тамъ, на самой вершинѣ, за грядою камней, положивъ между ними ружья дуломъ къ противнику, лежали на животѣ нѣсколько солдатъ и съ неустаннымъ интересомъ слѣдили за ходомъ боя. Люди толковые, пролежавшіе здѣсь всю ночь, все утро, они рассказали намъ все, что видѣли, и ориентировали въ этомъ горномъ хаосѣ, гдѣ—наши, гдѣ—японцы. Сколько, однако, ни искали мы биноклемъ непріятельской батареи, но ея не нашли. Только по звукамъ выстрѣла и полета снаряда, находясь на ихъ пути, можно было предположить съ большою вѣроятностью, подкрѣпленною и соображеніями, вытекавшими изъ конфигураціи мѣстности, что орудія непріятеля

стоятъ внизу, въ долину, въ направленіи Сяньдею—Мадявайза¹⁾. Тамъ, надъ котловиною, гдѣ была Сяньдею, и рвалась теперь какъ разъ шрапнель четырехъ гавриловскихъ орудій, стоявшихъ на правомъ флангѣ.

Оглянулись на нихъ—и ихъ почти не видать, и они укрылись за гребнемъ, разбившись повзводно. Одинъ взводъ, какъ будто, ближе къ намъ, т. е. больше выдается впередъ, другой сталъ лѣвѣе и немного назадъ. Судимъ объ этомъ по звуку, по мгновенному блеску огня, когда удается подмѣтить его, и по легкой дымкѣ пыли, поднимающейся вслѣдъ за выстрѣломъ. Словно вѣтерокъ подхватитъ горсть земли и понесетъ, и развѣетъ по воздуху.

Послали туда извѣщеніе, что направленіе кажется взятымъ вѣрно, и стали угадывать, гдѣ другая неприятельская батарея, что спорить такъ громко съ 6-ю конно-горною батареею. Но это оказалось еще труднѣе. Зеленая гора оказалась выбранною неудачно, какъ наблюдательный пунктъ. Надо было бы продвинуться еще впередъ, на лежащую впереди сопку, занятую стрѣлковою цѣпью, но на маленькомъ военномъ совѣтѣ, въ которомъ кромѣ меня и Шубина принялъ участіе еще Потоцкій, присоединившійся къ намъ по дорогѣ, рѣшено было ограничиться наблюденнымъ съ Зеленой горы. Мотивами такого рѣшенія были соображенія, что горная мѣстность обманлива и, перебравшись на другую сопку, мы также можемъ ошибиться въ расчетъ на большой съ нея кругозоръ. Предъ нами откроется новая картина горъ и насъ потянетъ на новую сопку. А спуски и подъемы по этимъ крутизнамъ отнимаютъ много времени, и мы можемъ опоздать съ докладомъ.

— Насъ и такъ уже, поди, тамъ ждуть, и Мищенко сердится, что мы не ѣдемъ,—сказалъ кто-то.

¹⁾ Сотникъ 1-го Читинскаго полка Лагуновъ, посѣтившій спустя нѣсколько дней эту долину, рассказывалъ мнѣ, что видѣлъ въ полуверстѣ за Сяньдею японскіе орудійные окопы, расположенные „въ ямѣ“, какъ онъ выразился.

— „Дорого яичко въ Христовъ день“, — напомнилъ Шубинъ русскую поговорку. — Что видѣли, о томъ и доложимъ.

— Во всякомъ случаѣ мы можемъ дать вѣрное представление о мѣстности, которую закрываетъ съ позиціи, гдѣ находится наблюдающій бой начальникъ отряда, Зеленая гора. О ней по картѣ судятъ, видимо, иначе.

На этомъ совѣтѣ нашъ былъ оконченъ, и мы стали спускаться внизъ, на дорогу, вившуюся впереди по лощинѣ

Въ гору.

между сопокъ и горныхъ отроговъ. По этой дорогѣ, разсѣкавшей правый боевой участокъ, уходили съ позиціи раненые, подъвзжали патронныя двуколки, скакали въ обѣ стороны ординарцы. Японцы знали о ея существованіи, понимали ея значеніе и потому обстрѣливали ее рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ. Мы прошли по ней благополучно, обогнули Зеленую гору и, отдохнувъ на перевязочномъ пунктѣ, сѣли на лошадей и вернулись на гору, гдѣ былъ Мищенко со

штабомъ. И во-время. Было получено съ лѣваго фланга донесеніе, что японцы отступаютъ, что Сяньдею ими очищена, что барнаульцы перешли въ наступленіе и ее заняли. Но на правомъ флангѣ противникъ еще держался.

Начальникъ отряда рѣшилъ туда отправиться самъ. Поѣхали напрямикъ, направляясь на Сяньдею. Но скоро лошадей пришлось оставить и пѣшкомъ пробираться по горамъ, то спускаясь, то поднимаясь, цѣпляясь, чтобы не оборваться, за вѣтви рѣдкаго кустарника, чахлаго, полузасохшаго, со скудной листвою на этой каменистой почвѣ. Скаты горъ были покрыты, словно блестящей чешуей, маленькими плоскими камнями сланцевой породы. Нога скользила по нимъ и они съ шумомъ, каменнымъ потокомъ, скатывались внизъ.

Мы растянулись длинною ниткою, едва поспѣвая за генераломъ, который шелъ впереди легкимъ, бодрымъ шагомъ.

— Я старый охотникъ,—говорилъ онъ, когда мы выражали ему свое удивленіе его выносливости, его энергіи,—я и родился въ Дагестанѣ.

За нимъ, по пятамъ, шелъ также легко и свободно другой горецъ—старикъ Пламенацъ.

— Я всю жизнь по горамъ проходилъ,—доброй старческой улыбкой улыбаясь, говорилъ намъ „дѣдушка“.

И они шли съ горы на гору, какъ горныя козы, а мы едва поспѣвали за ними, обливаясь потомъ, томимые жаждой.

Вотъ и Сяньдею. Черныя стѣны горъ сжали маленькую деревушку, и ея сѣрыя жалкія фанзы вытянулись въ линію по краю ущелья. Въ раскаленномъ зномъ воздухѣ стоялъ еще тяжелый запахъ крови. Большія черныя пятна обозначали еще мѣсто, гдѣ она пролилась. Тутъ была коновязь 4-й сотни и въ сторонѣ отъ нея лежало два конскихъ трупа, уже истерзанныхъ вороньемъ. И только его противный крикъ нарушалъ гробовое молчаніе этого дикаго, мрачнаго, глухого мѣста. Полной грудью вздохнули мы всѣ, когда поднялись на гребень противоположной стѣны, той самой, гдѣ за камнями, подъ покровомъ ночи, нѣсколько дней назадъ сидѣли

японцы и ждали разсвѣта, чтобы послать на нашъ бивакъ рой смертоносныхъ пуль.

Долго шли мы и, наконецъ, остановились на вершинѣ одной сопки возлѣ большого камня. Изнеможенные ходьбою, зноемъ, жаждою, мы съ четверть часа лежали въ тѣни его, недвижимые, мечтая о глоткѣ воды и проклиная всѣ эти сопки, которыя мы преодолѣли и которыя намъ предстояло еще одолѣть на обратномъ пути. Даже „дѣдушка“ и тотъ притомился. Только Мищенко сохранилъ ясность ума, твердость воли и бодрость и, сидя на краю горы, разговаривалъ о чемъ-то съ подполковникомъ, баталіонъ котораго занималъ эту гору.

Бой догоралъ. Его довершала 11-я конно-артиллерійская батарея, прибывшая къ отряду нѣсколько часовъ назадъ и теперь вызванная на позицію. Прослѣдивъ съ горы ея выѣздъ на позицію, на высокихъ красивыхъ выхоленныхъ лошадяхъ въ новой конской амуници, въ шляпахъ отъ зноя,—такой непохожей въ своей нетронутой еще походами и боями щеголеватости на остальную артиллерию отряда—Забайкальскую батарею Гаврилова и конно-горную батарею Ковальскаго—начальникъ отряда поднялся съ своего мѣста и сталъ спускаться внизъ, къ лошадямъ.

— Ну, что, молодець,—обратился онъ къ вытянувшемуся передъ нимъ на полугорѣ солдату-барнаульцу, съ видимымъ интересомъ и любопытствомъ разсматривавшему знаменитаго генерала,—ѣсть, поди, хочется, отошаль, притомился?...

— Ничего, ваше превосходительство! — успокоительно отвѣтилъ солдатъ, пожилой, изъ запасныхъ,—еще большого голода не видали.

— Ну, молодець, молодець,—потрепаль его по плечу генераль.—На войнѣ все стерпѣть надо.

— Такъ точно!... Стерпимъ... Потому—война...

И это „стерпимъ“ звучало просто, искренно и надежно въ устахъ этого бородатаго разсудительнаго мужика, оторваннаго неожиданно отъ сохи, изъ тишины полей своей де-

ревни въ эту знойную, гористую Манчжурію подъ грозу войны.

Мы вернулись на бивакъ у Мугую, удержавъ и сегодня за собою Сахотанскую позицію.

Вечеромъ генераломъ было отправлено командующему арміей въ Дашичао слѣдующее донесеніе:

„Сегодня, съ 4-хъ часовъ утра, японская пѣхота силою отъ одного полка до двухъ,—точно не выяснилось,—съ двумя батареями ночью заняла Сяньдею и открыла огонь по Черной горѣ, что между Сяньдею и Сахотаномъ, гдѣ стояло наше сторожевое расположеніе силою три роты. Эти роты отлично держались около часу, пока развернулся нашъ боевой порядокъ. Около шести часовъ конно-горная батарея стала во флангъ японцамъ, а 1-я Забайкальская батарея взводомъ изъ центра и двумя взводами справа начала бить японскія батареи и обна-ружившіяся ихъ густыя колонны противъ нашего лѣваго фланга. Къ часу дня японцы стали отступать. Барнаульскій полкъ перешелъ въ наступленіе и, занявъ Сяньдею, по моему приказанію къ вечеру возвратился на бивакъ. Отлично держались барнаульцы, несмотря на усталость, и какъ всегда—батареи. Особое участіе приняла 6-я конно-горная батарея и одинъ взводъ 1-й Забайкальской. Наши потери 3 убитыхъ и 28 раненыхъ, изъ коихъ 3 казака, остальные барнаульцы. Какъ и 10-го числа, бой былъ по преимуществу артиллерійскимъ огнемъ.

„Одновременно съ перевала Уйдалинъ замѣчено наступленіе баталіона пѣхоты съ эскадрономъ, при которыхъ оказалось нѣсколько орудій. Сначала противъ нихъ была одна оренбургская сотня, а къ вечеру выставленъ баталіонъ, 6 сотенъ, два орудія, подъ начальствомъ генерала Толмачева. Результаты пока мнѣ неизвѣстны. Но знаю только, что японцы достигли Чигуантина. На ночь сильно осторожаемся, вѣрнѣе остаемся на бивакъ въ боевомъ порядкѣ. Противъ Тыньдятыня къ Циэрлагоу безъ перемѣнъ. Движеніе 4-го корпуса какъ разъ вовремя. Сейчасъ (7 час. 30 мин. вечера) съ Черной горы слышны залпы.

„Хорунжій Макаровъ, раненый вчера, сегодня скончался. Отправленъ въ Дашичао, куда направлены всѣ раненые 10, 12 и 13 числа. Санитарныхъ средствъ у насъ вполне достаточно“.

Вечеромъ на товарищескій ужинъ въ Читинскомъ полку приглашены были офицеры 11-й конно-артиллерійской батареи. Она пришла сюда изъ Варшавскаго округа, какъ на парадъ, во всемъ новомъ, обильно всѣмъ снабженная. Высокія красивыя лошади въ хорошихъ тѣлахъ; люди—молодецъ къ молодцу.

— Щеголи, франты... глядѣть на васъ любо,—говорилъ начальникъ отряда, самъ старый артиллеристъ;—увѣренъ, что любо будетъ и слушать ваши пушки на позиціи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

14-е іюня.—Третій день Сахотанскаго боя.

Настойчивыя попытки японцевъ сбить нашъ отрядъ съ Сахотанской позиціи и открыть себѣ выходъ въ равнину Танчи—Дашичао побудили командующаго арміей двинуть въ этомъ направленіи 4-й Сибирскій корпусъ на подкрѣпленіе отряда генерала Мищенко съ подчиненіемъ послѣдняго командирѣ корпуса, генераль-лейтенанту Зарубаеву.

Никто не сомнѣвался, что и японцы получаютъ за ночь новыя подкрѣпленія и что съ разсвѣтомъ бой возобновится.

Ночь прошла спокойно, а съ утра японцы двинулись густыми колоннами на переваль съ кумирней, занятый съ ночи только нашими пѣхотными цѣпями, такъ какъ конно-горная батарея, занимавшая его въ дни 10 и 13 іюня, ушла съ отрядомъ генераль-маіора Толмачева на Уйдалинскій переваль. Японцы потѣснили наши цѣпи, которыя стали отходить по гребню вправо. Вскорѣ показалась японская батарея и въ 6 часовъ утра открыла огонь по нашимъ цѣпямъ, занимавшимъ переваль съ кумирней и хребетъ около него, чтобы окончательно насъ оттѣснить. Японской батареей сейчасъ же стали отвѣчать четыре орудія батареи Гаврилова, бывшей у Сахотана въ сторожевомъ охраненіи на ночь, а на переваль, для закрѣпленія за собою этого важнаго пункта, былъ вызванъ взводъ 11-й конной батареи, и бой завязался.

Быстро поднялся отрядъ съ бивака у Мугуи и пошелъ на позицію, которую молодецки отстаивалъ въ теченіе уже нѣсколькихъ дней.

Самъ генераль Мищенко немного задержался, поджидая прибытія генерала Зарубаева со штабомъ.

Скоро по дорогѣ отъ Танчи показалась большая кавалькада. Мищенко поѣхалъ ей навстрѣчу—и, встрѣтившись, мы всѣ поѣхали на гору съ батареей.

— Вы, Павелъ Ивановичъ, продолжайте распоряжаться и руководить боемъ,—говорилъ генераль Зарубаевъ, выслушавъ докладъ начальника передового коннаго отряда о положеніи дѣлъ.—Вы такъ успѣшно до сихъ поръ это дѣлали, что не сомнѣваюсь и впредь въ успѣхѣ. Къ тому же, среди этихъ сопокъ, лощинъ и горъ—вы какъ у себя дома.

Почувствовавъ себя въ прежней роли полноправнаго хозяина, Мищенко сейчасъ же по прибытіи на батарею началъ распоряжаться. Онъ приказалъ командиру Читинскаго полка полковнику Павлову взять взводъ 11-й конно-артиллерійской батареи и двѣ казачьихъ сотни и идти съ ними на правый флангъ, которому снова могъ угрожать противникъ обходомъ.

И дѣйствительно, еще по пути туда, полковникъ Павловъ получилъ свѣдѣніе, что японцы обходятъ насъ справа.

— Ну, это сомнительно,—сказалъ опытный Георгій Андреевичъ.—У меня тамъ подпоручикъ Выгранъ сторожить. Онъ не пропуститъ,—продолжалъ Павловъ, вспоминая услугу, оказанную этимъ офицеромъ отряду подъ Сюанемъ.—Однако все-таки можно послать кого-нибудь къ Выграну и узнать, все ли у него благополучно.

И осторожный полковникъ послалъ казака впередъ на рысяхъ къ разъѣзду Выграна.

Казакъ вернулся и привезъ успокоительную записку.

Оставивъ сотни въ узкой лощинѣ, съ отвѣсными почти скатами горъ, мы поднялись со взводомъ артиллеріи на гору. Отсюда въ бинокль можно было рассмотретьъ непріятельскую батарею. Она стояла къ намъ флангомъ и стрѣляла во флангъ нашей пѣхотной цѣпи, занимавшей переваль. Наша пѣхота въ свою очередь анфилировала другую японскую батарею, сбивавшую насъ съ перевала съ кумирней. Теперь и нашъ конно-артиллерійскій взводъ сталъ анфилировать первую изъ названныхъ японскихъ батарей.

Такой „переплетъ“ огня, странный на первый взглядъ, объясняется особенностями гористой мѣстности, совершенно исключительной возлѣ Сахотана. Я уже неоднократно называлъ ее *хаосомъ* горныхъ хребтовъ, отдѣльныхъ сопокъ, лощинъ и ущелій, изъ котораго тщетно столько дней японцы пытались выбраться на просторъ. Эти хребты, эти ущелья, взаимно пересѣкаясь по всѣмъ направленіямъ, подчиняли себѣ фронтъ позицій сражающихся сторонъ и вмѣсто прямой линіи, къ которой приучили наше воображеніе учебники тактики и справочныя книжки, мы имѣли здѣсь фронтъ зигзагомъ.

Непріятельская батарея, взятая взводомъ во флангъ, не повернула противъ него ни одного орудія и продолжала стрѣлять по прежнему направленію. Слѣдовало, очевидно, ждать другого воздѣйствія на этотъ взводъ, шрапнели котораго то и дѣло рвались надъ нею, бросая на нее каждый разъ цѣлый рой чугунныхъ смертоносныхъ мухъ.

И мы ждемъ обхода. Глазамъ, утомленнымъ постояннымъ напряженнымъ глядѣніемъ въ бинокль, то и дѣло чудятся на темно-сѣромъ фонѣ горъ человѣческія фигуры, вереницы ихъ, цѣлыя толпы. Наконецъ, мы всѣ отчетливо видимъ группу людей на вершинѣ огромной пирамидальной мрачной сопки, въ которую упирается гряда горъ и за которою открывается равнина, дѣлающая изгибъ намъ въ тылъ.

— Это японцы!—говоритъ кто-то.

— Прикажете дать по нимъ разикъ?—спрашиваетъ командиръ взвода полковника Павлова.

— Нѣтъ, подождите. Мы сначала убѣдимся, что это японцы.

И Павловъ снова посылаетъ казака къ подпоручику Выграну съ приказаніемъ развѣдать, кто на крайней сопкѣ.

Опустившись на колѣно, подъесаулъ Шильниковъ, адъютантъ Читинскаго полка, пишетъ эту записку.

И пока казакъ ее возитъ, мы не спускаемъ съ сопки глазъ.

Фигуры неподвижны. Словно вросли въ гору и отчетливо рисуются на фонѣ неба.

— Это дозорные,—говоритъ Шильниковъ.

— Но наши или японскіе?

— Если наши, то молодцы... Забраться туда, это не только трудъ тяжелый, но и рискъ. Въдь эта гора на линіи японскаго расположенія!

— Зато оттуда имъ—если это только наши—виденъ весь тылъ японской позиціи.

— Господа, позвольте предложить вамъ по рюмкѣ коньяку и по сардинкѣ,—говоритъ войсковой старшина П.

Онъ былъ начальникомъ праваго участка сторожевого охраненія и провелъ бессонную ночь.

— Такіе знойные дни и такія холодныя ночи! Особенно подъ утро холодно. Туманъ поднимается съ низинъ и сырость заставляетъ дрожать. До сихъ поръ не могу отогрѣться. Не поможетъ ли рюмка коньяку.

И мы всѣ хотя и не дрожимъ и, пропеченные солнцемъ, не нуждаемся въ согрѣвающихъ средствахъ, слѣдуемъ, однако, его примѣру. Это убиваетъ время, которое тянется такъ медленно, такъ монотонно.

Орудія методически шлютъ одинъ выстрѣлъ за другимъ въ ту сѣдловку, на которой также методически вспыхиваютъ огоньки непріятельскихъ выстрѣловъ. Говоритъ не о чемъ. Война сѣздила русло интересовъ, отбросила множество темъ. Все переговорено. И чтобы не считать себя обязаннымъ поддерживать разговоръ, всѣ упорно, не отрываясь, смотря въ бинокли то на гору съ неподвижными фигурами людей, словно изваянными изъ камня, то на японскую батарею передъ нами, то на бѣлыя облачка шрапнельнаго дыма, появляющіяся на голубомъ небѣ, влѣво отъ насъ, за Черной горой. Центръ тяжести боя былъ, очевидно, тамъ, и я рѣшилъ поѣхать на центральную батарею; съ нея былъ виденъ переваль съ кумирней, за обладаніе которымъ спо-

рили всё эти дни мы и японцы, ибо оно давало сторонѣ, владѣвшей имѣ, огромный шанс на успѣхъ.

Надо было, однако, дожидаться рѣшенія вопроса, которымъ мы всё здѣсь столько волновались: кто на крайней высокой горѣ, наши или японцы.

Казакъ вернулся скоро и привезъ донесеніе, что это нашъ разъѣздъ продвинулся впередъ, поднялся на гору и видитъ японскій бивакъ, расположенный далѣе и лѣвѣе батареи, по которой стрѣляетъ нашъ взводъ. Сейчасъ же по тому направленію посланы были двѣ шрапнели, еще двѣ и еще двѣ.

Къ сожалѣнію, результаты стрѣльбы были гадательны. Дозоръ на горѣ былъ далеко и въ его распоряженіи не было никакихъ данныхъ для сигнализациі о нихъ.

Было бы желательно болѣе широкое примѣненіе нѣмого языка сигналовъ, которыми представители всёхъ родовъ оружія могли бы въ различныхъ положеніяхъ войны давать свѣдѣнія, устраняющія недоумѣнные вопросы: свои или чужіе? туда или не туда стрѣляютъ? куда лучше идти: направо или налево?...

Было 11 часовъ утра.

Оставивъ взводъ на позиціи и поручивъ общее наблюденіе за правымъ флангомъ войсковому старшинѣ Пѣшкову, полковникъ Павловъ поѣхалъ на центральную батарею. Я послѣдовалъ за нимъ.

Забайкальская казачья батарея довольно долго вела стрѣльбу по непріятельской батарее, но результаты ея все оставались неизвѣстными, такъ какъ цѣль была за гребнемъ горы и далѣе пяти верстъ. И потому огонь былъ прекращенъ. Но едва онъ стихъ, какъ противъ нашего лѣваго фланга показались густыя колонны японской пѣхоты. Отъ нихъ отдѣлились длинныя тонкія стрѣлковыя цѣпи и, извинаясь, словно змѣи, по причудливой формы хребтамъ горъ, пошли впередъ, стрѣляя пачками во флангъ нашей жидкой цѣпи, занимавшей перевалъ съ кумирней. Она стала отходить, но не назадъ, а вдоль гребня, направо, къ кумирнѣ,

чтобы тамъ, пользуясь рельефомъ мѣстности, отвѣтить неприятелю фронтальнымъ огнемъ.

Съ тревогой слѣдили съ центральной батареи генералы Зарубаевъ и Мищенко съ ихъ штабами за движеніемъ нашей цѣпи... Выдержать ли она натискъ японцевъ?.. Ихъ цѣпи все густѣли и густѣли и тянулись безконечной лентой. Наши отходили медленно. Сухой короткій трескъ ружейныхъ выстрѣловъ слился въ одну безконечную непрерывную дробь.словно крупныя, сильныя капли дождя барабанили по какой-то огромной крышѣ... И вдругъ въ бинокль подмѣтили какое-то движеніе на одной изъ сѣдловинъ. То выѣзжала добить нашу отходящую пѣхоту японская батарея.

— Стрѣляйте! — нервно крикнулъ генераль Мищенко въ сторону Забайкальской казачьей батареи.

Но Гавриловъ и его ординарецъ-наблюдатель Пѣтуховъ уже замѣтили соперницу, и батарея оживилась. Наводчики слѣдили на станинахъ и торопливо вертели рукоятки подъемныхъ механизмовъ.

И едва долетѣло это полусердитое „стрѣляйте“, какъ въ отвѣтъ ему послышалось.

— Первое!...

Генераль Зарубаевъ.

— Второе!...

Батарейная наша ожила. Ожили орудія, отскакивавшія назадъ послѣ выстрѣла, ожила орудійная прислуга, бросающаяся къ колесамъ, чтобы накатывать пушки, заряжавшая ихъ, наводившая, подносящая тонкіе желѣзные ящики съ патронами. Батарейная жила и словно мячики бросала въ голубое небо, эти бѣлые клубки шрапнельнаго дыма.

Бѣглымъ огнемъ поддерживали артиллеристы-забайкальцы свою пѣхоту, и японская пѣхота, ее тѣснившая, должна была остановиться и очистить гребень.

Тогда перенесли огонь на непріятельскую восьми-орудійную батарею и стали бить ее перекиднымъ огнемъ черезъ гору съ кумирней. Чтобы стрѣльба была успѣшнѣе, на гору впереди и правѣе батареи выслали, въ качествѣ наблюдателя, подъесаула Станкевича.

И какъ разъ въ то время, когда мы съ полковникомъ Павловымъ во главѣ подъѣзжали къ батарееѣ и стоявшему у перваго ея орудія генералу Мищенко, явился отъ Станкевича фейерверкеръ съ докладомъ, что непріятельская батарея сбита и отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ, что часть своихъ пушекъ она бросила, а часть увозитъ на лошадяхъ.

Одинъ нашъ снарядъ упалъ какъ разъ между третьимъ и четвертымъ японскими орудіями и, когда улеглась поднятая пыль и дымъ разрыва разсѣялся, ясно было видно, что на этомъ мѣстѣ выросла куча тѣлъ.

И дѣйствительно, огонь японцевъ смолкъ, и наша пѣхота снова двинулась впередъ къ перевалу съ кумирней.

Японцы попытались было замѣнить разбитую батарею другою, но и эта, едва показалась, какъ была засыпана нашей шрапнелью и только отдѣльныя ея орудія, сперва одно, потомъ два — сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. И такъ, въ центрѣ мы стояли твердо.

Зато теперь на лѣвомъ флангѣ разгорѣлся ружейный огонь. И тамъ трещала теперь та же сухая короткая дробь крупныхъ, частыхъ капель свинцоваго дождя. Но туда на-

правила свои выстрѣлы наша забайкальская батарея, и онъ
сталъ рѣже, сталь стихать...

Быль часть дня.

Я сидѣлъ впереди батареи, за глубокимъ оврагомъ, около наблюдательнаго пункта, какъ вдругъ вижу, что внизу, изъ лощины справа показалась сотня Читинскаго полка и за нею четыре орудія 11-й конно-артиллерійской батареи.

Ихъ велъ полковникъ Павловъ къ перевалу съ кумирней, остававшемуся все еще не занятымъ нами. Мы не успѣли это сдѣлать съ утра, какъ дѣлали это 10-го и 13-го числа, и теперь японцы не пускали насъ на перевалъ, осыпая его снарядами и пулями.

Генераль Мищенко приказалъ его занять во что бы то ни стало.

Втянувшись въ лощину, сотня разсыпала лаву, батарея выстроила фронтъ, и въ этомъ порядкѣ онѣ медленно двигались впередъ.

Красивое зрѣлище представляли эти освѣщенные солнцемъ бѣлые всадники, рослые вороные кони, легкія стройныя орудія на желтомъ пескѣ лощины, прорѣзанной вдоль змѣйкою вившимся ручьемъ...

Я сдѣлалъ знакъ своему казаку подать мнѣ лошадь, намѣреваясь догнать наступавшія части,—такъ заразительно, такъ увлекательно было зрѣлище ихъ движенія, — но пока казакъ осторожно спускался съ двумя лошадьми въ поводу по крутому обрыву одной горы и поднимался по отвѣсному почти скату другой,—въ лощинѣ что-то произошло. Изъ-за изгиба ея показались идущія уже назадъ орудія и лава...

Оказалось потомъ, что ихъ заставилъ повернуть близъ самаго перевала градъ пуль японской пѣхоты, занимавшей высоту за деревнею, лежавшею въ лощинѣ и въ сторонѣ отъ перевала. Въ деревнѣ этой одна наша рота очутилась въ тяжеломъ, почти безвыходномъ положеніи. Японцы обстрѣливали эту деревню съ двухъ сторонъ, и наша рота безъ тяжелыхъ потерь не могла теперь двинуться ни впередъ, ни назадъ.

Наконецъ, я получилъ коня, спустился внизъ и встрѣтилъ отступавшую батарею. Мы еще отошли нѣсколько назадъ, и затѣмъ четыре орудія батареи стали на позицію на небольшомъ горномъ отрогѣ. Это была скала, отвѣсно обрывававшаяся спереди и имѣвшая пологій вѣздъ сзади. Съ нея видна была вся лощина съ деревнею, занятою нашею ротою, впереди, съ Зеленою горою сзади этой деревни, занятою японцами. Дорога вилась вдоль ручья и сворачивала вправо на перевалъ, закрытый еще отъ нашихъ глазъ выступомъ горнаго хребта, тянувагося справа.

Батарея открыла было огонь по Зеленой горѣ, но одинъ за другимъ стали прибывать отъ генерала Мищенко ординарцы съ однимъ и тѣмъ же приказаніемъ—взводу конной батареи выѣхать на перевалъ.

Командиръ батареи, однако, что-то медлилъ. Вчера еще только привелъ онъ свою хорошо снаряженную, выхолненную, щеголеватую батарею на поле боевыхъ дѣйствій и, не освоившись еще ни съ обстановкою, ни съ условіями дѣятельности на войнѣ, онъ не соизмѣрилъ силъ своей батареи съ требованіями боя и потому каждый новый шагъ заставлялъ его задумываться, колебаться, медлить.

— Но у меня осталось только по пятнадцати патроновъ на орудіе, говорилъ онъ полковнику Павлову.—Съ этимъ не стоитъ рисковать. Это значитъ—выѣхать и въ двѣ минуты разстрѣлять все, что есть, а затѣмъ отступать. Я не понимаю, какой смыслъ, какая цѣль такого требованія!

— Я знаю одно,—говорить ему въ отвѣтъ полковникъ Павловъ,—генералъ Мищенко этого требуетъ и это должно быть исполнено. Вонъ, видите, новый казакъ скачетъ къ намъ съ приказаніемъ...

— Но мы не въ состояніи будемъ выѣхать. Тамъ крутая гора. Наши лошади, пожалуй, не возьмутъ. Подъемъ на перевалъ слишкомъ крутъ. Придется на людяхъ тащить на вершину орудія...

— Что дѣлать! Поташимъ на людяхъ, — спокойно говоритъ Павловъ, — генераль уже сердится на меня, что я медлю, — добавляетъ онъ, читая новую записку.

— Назначьте взводъ. Я пойду.

— Штабсь - капитанъ Добрышинъ, — говоритъ полковникъ М. молодому красивому офицеру съ закрученными кверху бѣлокурыми усами, — поступите въ распоряженіе полковника Павлова и займите тотъ переваль, который онъ вамъ укажетъ. А вы, — продолжаетъ полковникъ, обращаясь къ командиру послѣдняго оставшагося у него взвода, — поддержите выѣздъ 3-го взвода огнемъ отсюда...

— Слушаю, — говорятъ оба взводныхъ командира.

— На-задки! — командуетъ Добрышинъ.

Передки подъѣзжаютъ и увозятъ орудія внизъ.

Мы всѣ идемъ къ лошадамъ, молчаливые, серьезные, съ какою-то внутреннею дрожью передъ тѣмъ, что случится сейчасъ, какъ только мы сядемъ на своихъ коней и тронемся къ этому роковому перевалу, на который такъ настойчиво посылаетъ насъ „этотъ упрямецъ Мищенко“. Отступленія уже не будетъ. Но кто дойдетъ? Для кого этотъ путь будетъ послѣднимъ? И всѣ молчатъ. Ни одного лишняго, посторонняго слова. Только команда. Сотня оренбуржцевъ рассыпаютъ лаву и двигается впередъ. За этою тонкою завѣсою трогается взводъ артиллеріи, за нимъ 4-я сотня читинцевъ...

11-й кон.-арт. батареи штабсь-капитанъ Добрышинъ (смертельно раненъ въ голову въ бою 18 іюля 1904 г.).

Пересѣкли ручей и вытянулись въ линію, извивающуюся вдоль правой гряды горъ. Гремить спереди, сзади, гдѣ-то влѣво. Пока Богъ хранитъ — ни снаряды, ни пули не долетаютъ.

Обогнули двѣ фанзы... Спустились въ пересохшее каменистое русло ручья. Поднялись на пригорокъ. Близко совѣмъ... Вотъ дорога дѣлаетъ изгибъ на перевалѣ. До него полтора-раста, сто саженой.

— Стой! — говоритъ, а не командуетъ полковникъ Павловъ, но всѣ его слышатъ даже въ этомъ хаосѣ звуковъ, сквозь эту непрерывную дробь перестрѣлки. Чутье какое-то развилось. Всѣ смотрятъ на Павлова и словно читаютъ его мысли. Онъ у всѣхъ у насъ одинъ.

— Спѣшите сотню, — говоритъ подъесаулу Сарычеву полковникъ Павловъ и самъ слѣзаетъ съ коня. Мы всѣ слѣдуемъ его примѣру. Коноводы и вѣстовые казаки отводятъ лошадей въ промѣину горнаго ручья.

Подскакиваетъ начальникъ отряднаго штаба, подполковникъ Мандрька.

— Начальникъ отряда прислалъ меня во что бы то ни стало ввести взводъ на перевалѣ, — говоритъ онъ полковнику Павлову.

— Да онъ уже идетъ! — отвѣчаетъ полковникъ и командуетъ взводу — „Прямо!...“

— Шагомъ маршъ! — командуетъ въ свою очередь Добрышинъ.

И въ то время, какъ взводъ его, теперь одинокій, описываетъ дугу по дорогѣ, ведущей на перевалѣ, мы идемъ къ нему напрямикъ, по вспаханному полю.

Впереди — полковникъ Павловъ, за нимъ — его постоянный ординарецъ, хорунжій Алидебирь-Андійскій, его адъютантъ подъесаулъ Шильниковъ, другой ординарецъ штабсъ-ротмистръ фонъ-Брауншвейгъ, я и дѣлопроизводитель по хозяйственной части полка Шеломенцовъ, оставляющій въ дни боевъ свои канцелярскія дѣла и книги для поданія помощи

раненымъ. Еще сзади нѣсколько спѣшенныхъ казаковъ. Подполковникъ Мандрыка ѣдетъ верхомъ на своемъ небольшомъ бѣломъ конѣ, рельефно выдѣляющемся на темномъ фонѣ вспаханнаго поля, сѣрыхъ скатовъ горъ и среди вороныхъ лошадей конно-артиллерійскаго взвода.

И чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ чаще и чаще слышится короткій шелестящій звукъ и тѣмъ чаще то тутъ, то тамъ, казалось, подъ самыми ногами, поднимается легкая пыль сухой земли...

Поляна вся словно курится.

Это уже пули. Рой жужжащихъ, шелестящихъ смертоносныхъ пчелъ...

„Если попадетъ, то, вѣроятно, въ ноги“, думалъ я, мысленно воспроизводя траекторію пули, которая зарывалась справа, слѣва, впереди, позади.

Мы идемъ, не спуская глазъ съ орудій, уже поднимающихся на переваль.

Возьмутъ ли лошади, вывезутъ или нѣтъ? Онѣ шли, напрягаясь, ложась въ хомуты; слышалось понуканье ѣзовыхъ, удары нагаекъ... Подъемъ былъ, дѣйствительно, короткій, но крутой.

И вдругъ на срединѣ его пуля ударяетъ въ одну изъ уносныхъ лошадей, она падаетъ и орудіе останавливается.

— Казаки сюда! Помогите! — кричитъ полковникъ Павловъ.

Но тѣ и сами смекнули, что надо, и мимо насъ ураганомъ проносится спѣшенная сотня Николая Степановича Сарычева во главѣ со своимъ богатыремъ-командиромъ. Онъ бѣжитъ, придерживая шашку, и, повернувъ свое пышущее

Командиръ 1-го Читинскаго казачьяго полка полковникъ Г. А. Павловъ.

здоровьемъ лицо съ красивыми черными глазами и усами къ бѣгущимъ за нимъ людямъ, кричитъ звучнымъ голосомъ:

— Не отставать! За мной! Скорѣе!...

— Помогите, братцы! Помогите! — слышу я голосъ Георгія Акимовича Мандрыки и вижу его самого уже въ толпѣ бѣгущихъ казаковъ, одного верхомъ. — Еще одно усиліе, — кричитъ онъ, — и мы возьмемъ переваль! Отступленія не будетъ! Постарайтесь!...

А второе орудіе какъ остановилось, такъ и стоитъ, осыпавшее пулями.

Раненая лошадь бьется въпредсмертной агоніи и мѣшаетъ разамуничить себя. Проходитъ нѣсколько томительно долгихъ минутъ, въ теченіе которыхъ съ ужасомъ ждешь, что на перевалѣ вырастетъ гора людскихъ и конскихъ труповъ.

Но Богъ хранитъ насъ, положительно хранитъ Своей Святой Десницей. Никто не убитъ, не раненъ.

Откуда-то взялась пѣхота и также вразсыпную бѣжитъ по скату справа на помощь орудіямъ. Но казаки уже подоспѣли, словно мухи облѣпили ихъ, ухватились за построжки, за колеса и, гудя, какъ рой пчелиный, тащатъ на себѣ орудія наверхъ.

Тамъ, на небольшой площадкѣ перевала, сразу скапливается множество людей и лошадей.

Командиръ 4-й сотни 1-го Читинскаго казачьяго полка, есауль Н. С. Сарычевъ.

Толпа, въ которой возлѣ пушекъ и отъѣзжающихъ передковъ перемѣшались въ кучу конно-артиллеристы, казаки, пѣхотинцы. Въ ней я потерялъ изъ вида и Павлова, и Шильникова. Я стою сзади, на скатѣ, по которому только что втащили орудія, и съ ужасомъ за всю эту толпу ге-

роевъ, самоотверженныхъ людей, жду японскаго снаряда. Упади онъ сюда, сколько бы жизней онъ сразу скосилъ!

Его нѣтъ и нѣтъ. Но жуткое чувство ожиданія не проходитъ. Чѣмъ больше времени уходитъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ загудитъ сейчасъ, что вотъ сію минуту послышится это растущее въ силѣ и скорости жужжанье... Ж-жж-жжж!!

Но самый критическій моментъ уже пережить нами. Орудія снялись не подъ снарядами. Передки отъѣхали... И мы шлемъ первую шрапнель.

Итакъ, переваль нами занять. Настойчивость генерала Мищенко увѣнчалась успѣхомъ. Надо его порадовать этимъ сообщеніемъ, думаю я, дѣлать мнѣ здѣсь болѣе нечего и я схожу внизъ, чтобы идти къ коноводамъ. На пути задерживаюсь на мгновенье надъ раненою лошадыю. Она умираетъ. Сукровица показалась изъ ноздрей и, мѣшаясь съ кровью, увлажняетъ землю. Лѣвая задняя нога конвульсивно дергается, и бѣдный конь силится поднять раненую голову. Она безсильно падаетъ...

Я отхожу и вижу, что съ перевала бредутъ уже раненые. Одинъ казакъ, поджавъ ногу, залитую кровью, повисъ почти на плечахъ двухъ своихъ товарищей, обхвативъ руками ихъ шеи... Ужасенъ видъ пѣхотнаго солдата. Его лицо перевязано тонкою розовою лентою марлеваго бинта, и на ней, на мѣстѣ носа, образовалось темно-красное пятно. Рана кажется отвратительной и ужасной, хотя сама по себѣ она и не такъ тяжела. Солдатъ бредетъ по вспаханному полю, закрывъ глаза отъ боли, бредетъ ошупью, опираясь на ружье, не замѣчая догоняющихъ и перегоняющихъ насъ пуль, поднимающихъ пыль, словно сѣрые зайцы прыгаютъ по полю...

Сотникъ 1-го Читинскаго каз. полка А. С. Сарычевъ.

Отыскавъ лошадь, я сажусь въ сѣдло и вижу, что переваль уже одѣлся пеленою дыма и пыли, что надъ нимъ парятъ въ небѣ зловѣщія облачка шрапнельныхъ разрывовъ и слышу, что тамъ слился въ одинъ хаосъ гулъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, своихъ и вражьихъ.

Тамъ адъ теперь!

Кто-то выйдетъ живымъ изъ него? Кого увижу я снова изъ тѣхъ, съ кѣмъ шелъ туда?

Пересѣкая лощину и направляясь къ оставшемуся на скалѣ взводу конной батареи, я слышу за спиной разрывъ снаряда и голосъ моего казака-вѣстового:

— Ваше высокоблагородіе! Уже надъ коноводами рвутся.

Я оглядываюсь назадъ и вижу, что тамъ, гдѣ только что стояли коноводы, уже пусто, и они толпой и быстро двигаются вправо подъ откосъ хребта.

Бдешь съ жуткимъ чувствомъ, что шрапнель догонитъ.

Но спѣшить нельзя предъ казакомъ.

Налетѣвшая тучка затуманила небо, и когда я добрался до Мищенко, шелъ уже сильный дождь. Дождевая завѣса раздѣлила сражающихся и бой сталъ стихать. Съ центральной батареи переваль былъ виденъ, и въ бинокль можно было разглядѣть новую суету на немъ, новое движеніе.

Быстро разстрѣлявъ свои пятнадцать патроновъ, орудія остались безпомощными, беззащитными. И вотъ теперь ихъ спускали опять на рукахъ внизъ по размокшему скользкому грунту.

— Ну, что-то теперь японцы будутъ дѣлать?— сказалъ кто-то изъ окружавшихъ генерала Мищенко лицъ.—Займутъ переваль или нѣтъ?

— Не посмѣютъ,—сказалъ генераль, услышавшій этотъ вопросъ.—Японцы храбры, но у нихъ нѣтъ дерзости. И на сегодня бой конченъ.

Эти слова освѣтили мнѣ новымъ свѣтомъ настойчивость начальника отряда въ своемъ требованіи занять переваль

орудіями, которыя не могли на немъ долго держаться по недостатку патроновъ ¹⁾. Она казалась мнѣ прежде упрямствомъ властнаго человѣка.

Нѣтъ, она имѣла за собою всѣ резоны.

Этотъ переваль былъ въ нашихъ рукахъ въ теченіе предшествовавшихъ боевъ — 10 и 13 іюня — и мы должны были показать противнику, что владѣемъ имъ и нынѣ, когда хотимъ. Перевѣсъ энергіи и силы, стало быть, на нашей сторонѣ. Выѣздъ взвода подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и смѣлость, съ которою онъ вступилъ въ состязаніе съ неприятельскою батареею, должны были сами по себѣ произвести сильное нравственное впечатлѣніе, подавляющее на противника и возвышающее на молодья части нашего передового отряда. Ихъ надо было воспитать въ сознаніи, что въ требованіяхъ начальника отряда нѣтъ ничего невозможнаго, что они могутъ и должны быть исполнены безъ колебаній. И словивъ колебанія командира конной батареи, генераль Мищенко сразу далъ хорошій урокъ и ему и его батарее, показавъ, что на войнѣ самое трудное оказывается часто самымъ легкимъ, и наоборотъ. Несмотря на сильный ружейный и орудійный огонь японцевъ, занятіе перевала обошлось конно-артиллерійскому взводу очень дешево: раненъ одинъ нижній чинъ, ранено семь лошадей и убито двѣ.

Дождь не переставалъ, а съ 4 часовъ перешелъ прямо въ ливень. И бой затихъ.

Спустившись съ горы въ Сахотанъ, на бивакъ Красноярскаго и Барнаульскаго полковъ, генераль Мищенко сталъ диктовать донесеніе генералу Зарубаеву:

„Доношу, что бой кончился въ 4½ часа въ такомъ же положеніи, которое ваше превосходительство изволили видѣть, т. е. Красноярскій полкъ на правомъ флангѣ продвинулся почти до деревни Мадзявайза, въ срединѣ сохранилъ свое положеніе на Черной горѣ, а на лѣвомъ флангѣ также сохранилось положеніе на перевалѣ восточнѣе Сяньхо-

¹⁾ Второй эшелонъ зарядныхъ ящиковъ батарей остался за переваломъ у Пейзанудзы, верстахъ въ семи.

тана. Неприятно только то, что японцы продолжают оставаться на высотах, что восточнѣ Ненчжуангана, но на ночь въ этомъ же направленіи я хорошо осторожился. Какъ и было въ вашемъ присутствіи, забайкальская батарея, а отчасти и 11-я конная батарея неоднократно въ теченіе дня отгоняли пѣхоту съ возвышенностей, что восточнѣ Ненчжуангана, заставляли умолкать неприятельскія батареи, а кромѣ того, взводъ 11-й конной батареи удивилъ всѣхъ своей доблестью, выѣхавъ на Сяньхотанскій переваль ¹⁾ и продержавшись противъ восьми неприятельскихъ орудій до тѣхъ поръ, пока не разстрѣлялъ своихъ снарядовъ. Наши потери еще не подсчитаны, но вѣроятно не болѣе 50 человекъ и до 20 лошадей ²⁾. Снаряды почти всѣ вышли и на пополненіе комплекта забайкальской и 11-й конной батареей необходимо 1,500 снарядовъ, иначе завтра нечѣмъ будетъ встрѣтить японцевъ, а я предполагаю, что они завтра съ утра возобновятъ бой^а.

Итакъ, еще разъ удержавъ за собою Сахотанскую позицію, еще разъ отразивъ всѣ покушенія неприятеля выбраться изъ лабиринта горъ у Сахотана въ долину Танчи—Дашичао, мы ждали боя и завтра... Хотя дождь шелъ, не переставая, но войска остались ночевать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дрались днемъ, и самъ генералъ Мищенко ночевалъ на пѣхотномъ бивакѣ, чтобы по первому же выстрѣлу быть на горѣ съ забайкальской батареей. На бивакъ же остальной части отряда у Мугуи подошли къ вечеру 11-й сибирскій пѣхотный Семипалатинскій полкъ и поршневая батарея сибирскаго артиллерійскаго дивизиона.

Новыя силы укрѣпляли общую увѣренность въ томъ, что и завтрашній бой будетъ также успѣшенъ для насъ.

Легли спать, чутко прислушиваясь сквозь шумъ дождя къ каждому звуку, доносившемуся со стороны Сахотана,— а ухо, привыкшее за эти дни къ грому канонады, легко принимало каждый стукъ въ обозѣ и на коновязи за орудійный выстрѣлъ.

¹⁾ Переваль съ кумирней.

²⁾ По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, отрядъ потерялъ въ этотъ день убитыми: прапорщика 7-го Красноярскаго сиб. пѣх. полка Томашевскаго и 5 нижнихъ чиновъ и ранеными—58 нижнихъ чиновъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

15 іюня. — Конецъ сахотанскаго эпизода.

Мы провели тяжелую, безпокойную ночь. Дождь барабанилъ все время по крышѣ палатки, въ которой я нашель на эту ночь пріютъ, благодаря любезности полковника Павлова. Ручьи текли по скатамъ горъ, у подножія которыхъ мы стояли бивакомъ, — забирались подъ соломенные маты и увлажняли ихъ...

Мы чувствовали, что вода подбирается къ намъ то подъ голову, то подъ бокъ, и ворочались, отодвигаясь то вправо, то влѣво. Размокшая земля могиль китайскаго кладбища, среди памятниковъ котораго разбиты были наши палатки, издавала страшное зловоніе. Мы спали въ какомъ-то кошмарѣ, томимые и во снѣ прожитыми впечатлѣніями минувшаго дня и смутными ожиданиями дня грядущаго. Было сыро, удушливо, холодно...

Едва брезжило сѣрое утро, когда въ палатку влѣзъ мокрый казакъ, осторожно разбудилъ полковника Павлова и сунулъ ему записку отъ генерала Мищенко. Зажгли свѣчу. Я посмотрѣлъ на часы. Стрѣлки показывали четыре часа съ половиною.

Начальникъ отряда приказывалъ полковнику Павлову немедленно отправить обозы за переваль, а самому съ 11-ю конною батареею, сотнею своего полка и баталіономъ семи-палатинцевъ занять позицію на высотѣ у Мугуи и вступить въ связь съ отрядомъ генераль-маіора Толмачева. Послѣдній былъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ и удерживалъ Уйдалинскій переваль. По грому выстрѣловъ въ той сторонѣ мы знали, что днемъ 14-го и у него было дѣло. Но никакихъ донесеній отъ него не поступало, не летѣло никакихъ просьбъ о подкрѣпленіи, и генераль Мищенко, донося въ 5¹/₄ часовъ вечера 14 іюня генералу Зарубаеву о ходѣ боя у Сахотана, основательно замѣчалъ относительно отряда Толмачева: „полагаю, что у него въ Хейшингоу все благополучно“.

И вотъ теперь оказывалось, что, „согласно приказанія“, отрядъ этотъ отходить на Купейно (Хупейно), поддерживая разбѣздами соприкосновеніе съ противникомъ.

— Неужели мы отступаемъ?—воскликнули мы всѣ, обитатели павловской палатки, когда хозяинъ ея кончилъ чтеніе записки Мищенко.

— Но что же случилось?! Боже мой, что случилось?!—спрашивали мы другъ друга съ недоумѣніемъ, съ тоской, съ досадой, съ негодованіемъ противъ кого-то, кто обратилъ въ ничто геройскія усилія нашего отряда, болѣе недѣли задерживавшаго врага у Сахотана.

— Тамъ все тихо,—говорили мы, прислушиваясь къ тому, что дѣлается за двѣ версты впереди, на горахъ, на позиціи.

Тамъ дѣйствительно было тихо. Ни одного выстрѣла не прогремѣло тамъ.

Стало быть, не у Мищенко случилось что-то роковое.

Мы терялись въ догадкахъ о томъ, что же случилось.

Полковникъ Павловъ уже одѣлся, вышелъ изъ палатки, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи своего штаба и командира 11-й конной батареи поѣхалъ на гору, что возвышалась впереди бивака.

Съ нея далеко видна была вся долина, наша позиція и впереди лежащія горы.

Тамъ было тихо, подозрительно тихо. Словно вымерло все и покрылось саваномъ тумана; словно нѣсколько часовъ назадъ надъ ними не сіяло голубое небо, не сверкали въ немъ огни разрывовъ шрапнели, не гремѣло эхо выстрѣловъ и вся окрестность не была полна движенія десятковъ тысячъ войскъ.

Бивакъ уже проснулся, ожилъ, поднялся. Спѣшно запрягалась конная батарея, становился въ ружье баталіонъ. Хмуры были лица солдатъ, проведенныхъ безсонную ночь на мокрой землѣ, подъ сырыми полотнищами своихъ низкихъ палатокъ, не спасающихъ отъ дождя. Скрипѣли колеса обоза, вытягивавшагося уже на дорогу. Впереди его шла поршневая

батарея, только вечеромъ наканунѣ пришедшая къ отряду. Она была безсилна состязаться со скорострѣльными орудіями противника и потому ее убирали.

По долинѣ отъ Сахотана тянулась къ биваку другая линія орудій и зарядныхъ ящиковъ. Это отходила съ позиціи Забайкальская казачья батарея. Итакъ, не оставалось сомнѣнія, мы отступаемъ.

Какое непріятное слово! Тогда я произносилъ его впервые—и только съ досадою, потомъ—не иначе, какъ со злобою, съ негодованіемъ.

Еще вчера, когда начинался третій день боя, когда съ громомъ первыхъ же выстрѣловъ невольно возникалъ вопросъ: „чей сегодня чередъ“?—чувствовалось какое-то утомленіе боевыми впечатлѣніями и тревогами. Сегодня, когда мы такъ неожиданно начинали отступленіе, отъ утомленія не было и слѣда. Чувство неудовлетворенности брало верхъ. Готовы были драться и сегодня, и завтра, и сколько угодно дней, лишь бы не было этого обиднаго сведенія къ нулю всѣхъ трудовъ и усилій предыдущихъ дней, лишь бы не было этого горькаго чувства, что братская казачья могила на горѣ у Сахотана достанется въ руки японцевъ, что напрасны были жертвы,—лишь бы не было этого чувства стыда за то, что мы уходимъ, что *ихъ* взяла въ концѣ концовъ.

И это чувство досады, раздраженія и обиды читалось на лицахъ и слышалось въ голосѣ солдатъ, встрѣчавшихся намъ по пути къ Сахотану. Я и полковникъ В. А. Карцевъ ѣхали туда, чтобы присоединиться къ штабу генерала Мищенко, и встрѣтили его по дорогѣ. Онъ ѣхалъ одинъ впереди своей свиты, хмурый, мрачный, необычно молчаливый. Въ душѣ его, видимо, клокотало.

— Мы вынуждены отступить потому, что сегодня въ ночь окончательно очищенъ нашими войсками Далинскій переваль... И даже безъ боя, безъ упорнаго боя... Это возмутительно... Это ужасно!.. Обидно!.. Говорятъ, противъ нашего отряда тамъ вышли главныя силы Куроки... Имъ вездѣ мере-

щится Куроки и вездѣ главныя силы... Удивительно!.. Все это слухи, предположенія... Боемъ, только хорошимъ боемъ надо ихъ провѣрять, а не нѣсколькими выстрѣлами изъ авангарда... Впрочемъ, подождемъ подробныхъ свѣдѣній, что тамъ случилось...—говорилъ генералъ.—Такая досада!.. Сегодня мы могли бы сами перейти здѣсь въ наступленіе... И вдругъ отступить...

Всю остальную дорогу генералъ молчалъ.

Дождь, между тѣмъ, все усиливался, и едва мы добрались до бивака и юркнули въ палатки, какъ онъ превратился въ страшной силы ливень. Съ горъ хлынули ручьи и затопили долину... Мы видѣли съ пригорка, изъ палатки, какъ они перевертывали на своемъ пути повозки, какъ изъ другихъ повозокъ выпрягали лошадей и вплавь спасались на бивакъ. Но вода и къ нему подбиралась... Быстро были сняты палатки, разобраны ружья, посѣдланы лошади и войска стояли, не зная, что дѣлать, куда спастись отъ потопа. Долина превратилась въ широкую, полноводную рѣку, по которой теперь плыли тамъ и сямъ разные предметы войскового обихода—палатки, брезенты, шинели, сѣно, легкія корзинки.

Природа вступилась и остановила военныя дѣйствія. Немыслимо было двигаться ни по этимъ затопленнымъ долинамъ и ущельямъ ни по этимъ осклизлымъ горамъ. Колеса орудій, повозокъ вязли по ступицу въ размокшей почвѣ. И гора у Мугуи осталась незанятою нашею конною батареею. На вершину ея едва взобрался баталіонъ, но и онъ не могъ тамъ окапываться. И вотъ вдругъ въ такую-то пору, въ самый разгаръ дождя прискакалъ оренбургскій казакъ съ донесеніемъ, что японцы обходятъ насъ горами слѣва...

— Двѣ пушки на выюкахъ везуть,—увѣрялъ казакъ.

— Да быть того не можетъ,—говорилъ ему полковникъ Павловъ.—Слѣва насъ стережетъ Толмачевъ...

— Видитъ Богъ, что японцы, —настойчиво твердилъ казакъ.—Стоимъ мы тамъ на заставѣ и видимъ... И двѣ пушки на выюкахъ... Мулы подъ выюками...

Увѣренность, съ которою казакъ говорилъ, какъ будто поколебала полковника Павлова и, не тревожа такими сомнительными свѣдѣніями начальника отряда, онъ вызвалъ желающихъ пойти за казакѣмъ съ разѣздомъ и осмотрѣть горы слѣва.

Вызвался корнетъ Шнеуръ.

— Ну, и промокнете же вы,—замѣтилъ я ему, когда онъ сталъ со мной прощаться.

— Мокнуть на бивакѣ хуже. Поѣздка представляетъ несомнѣнную опасности и трудности отъ воды больше, чѣмъ отъ огня противника, а ихъ-то мнѣ и надо пережить...

Онъ пустилъ лошадь рысью, и изъ-подъ копытъ ея и лошадей разѣзда полетѣли тяжелые брызги воды.

Черезъ три, четыре часа онъ вернулся, сдѣлавъ по горамъ верстъ двадцать пять и встрѣтивъ на своемъ пути только нѣсколько манзъ, которые на осликахъ везли въ горы, гдѣ скрылись ихъ семейства, запасы продовольствія. Японцевъ же, конечно, нигдѣ не было видно.

— Ну, начался, кажется, періодъ дождей,—говорили бывалые здѣсь люди.—Теперь на мѣсяцъ дождикъ зарядилъ.

Перспектива не изъ пріятныхъ — жить въ палаткѣхъ подъ дождемъ, и потому я рѣшилъ вернуться въ Ляоянь. Со мной уѣзжали изъ отряда полковникъ В. А. Карцовъ, сотникъ В. В. Зиминъ и одинъ студентъ летучаго отряда Краснаго Креста.

Кадетъ Миша Бодиско, уже уѣхалъ. Онъ, видимо, былъ неудовлетворенъ пребываніемъ въ отрядѣ.

Мальчуганъ рвался впередъ — въ стрѣлковую цѣпь, въ разѣздъ; хотѣлъ ѣхать на Саньхотанскій перевалъ, когда его занималъ взводъ Добрышина. Но Мищенко берегъ ребенка — и дѣлалъ это удивительно деликатно. Онъ объявилъ Мишѣ, что назначаетъ его своимъ ординарцемъ, и посылалъ все назадъ, а не впередъ: то за ротою изъ резерва, то въ эшелонъ зарядныхъ ящиковъ, то на перевязочный пунктъ...

Спалъ Миша въ палаткѣ генерала, и послѣдній, среди

непрестанныхъ думъ и заботъ, находилъ все-таки время слѣдить, чтобы мальчуганъ не ушмыгнулъ куда-нибудь съ сотней „въ отдѣлъ“, на развѣдку ¹⁾...

Откланявшись начальству, поблагодаривъ радушныхъ читинцевъ за гостепрѣимство, мы выждали, когда дождь стихнетъ, и часа въ 2 дня тронулись въ путь.

То, что мы увидѣли по дорогѣ, произвело на меня, пожалуй, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ бой.

Живописная дорога на Танчи—Дашичао, по которой мы ѣхали нѣсколько дней назадъ чарующею лѣтнею ночью, была теперь неузнаваема. Ливень здѣсь прошелъ неудержимо и сердито. Онъ нанесъ на дорогу со скатовъ горъ песокъ и илъ и сдѣлалъ ее непроходимую. Колеса съ трудомъ рѣзали ея толстую плотную сырую толщу, и то тутъ, то тамъ видны были завязшія повозки, вытащить которыя выбивались изъ силъ люди и лошади, замученные, грязные, мокрые. То тутъ, то тамъ видны были занесенныя на половину пескомъ, опрокинутыя и пустыя уже арбы. А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и трупы маленькихъ китайскихъ лошадокъ. Ихъ смыли рѣки, хлынувшія съ горъ. И если это случалось около деревни, то можно было наблюдать, какъ куча китайцевъ, оживленно болтающихъ между собою, свѣжевала эти трупы, снимала кожу, разсѣкала тушу и уносила части ея, полученныя при дѣлежѣ, въ свои фанзы, на пороги которыхъ стояли безобразныя женщины съ двумя, тремя ребятишками.

— Праздникъ имъ сегодня, — говорили полусутя, полу-

¹⁾ Впослѣдствіи Мищенко представилъ М. Бодиско къ знаку отличія Военнаго Ордена, но ген. Куропаткинъ не призналъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, „чтобы не уронить значеніе этой боевой награды въ глазахъ солдатъ“. Впрочемъ, это обстоятельство не помѣшало ген. Куропаткину мѣсяць спустя дать этотъ крестъ за такія же боевыя отличія въ томъ же самомъ отрядѣ ген. Мищенко и, кажется, даже безъ ходатайства послѣдняго, — другому кадету, сыну помощника начальника канцеляріи штаба арміи.

досадливо казаки.—Ишь добычи сколько! Какъ вороны на падалъ кинулись.

Говорили, что ливень унесъ съ собою и нѣсколько человѣческихъ жизней. Пострадали китайцы-арбшики.

То тутъ, то тамъ лежали вырванныя ураганомъ и ливнемъ деревья и на занесенныхъ иломъ кустахъ висѣли ключья прошлогодней бурой травки, смытой съ горъ изъ ущелій.

Подъѣзжая къ Танчи, мы стали наткаться на биваки войскъ. Боже, какое зрѣлище они представляли! Ряды сырыхъ, пробитыхъ дождемъ двускатныхъ низкихъ палатокъ и за ними кучи людей съ накинутыми на плечи шинелями, грязными, мокрыми,—съ ружьями въ рукахъ, съ узелками вещей и съ сумками подъ мышками. Эти люди не могли ни лечь, ни сѣсть, ни составить ружья, ни положить вещи, ибо земля, въ которую они ушли, стоя, чуть не по колѣно, представляла собою зловонную, черную, жидкую массу.

И они стояли, переминаясь съ ноги на ногу, обмѣниваясь другъ съ другомъ отрывочными, порой шутивными, замѣчаніями.

Моросило... Темнѣло... Какъ они проведутъ эту ночь?—думалъ я и не находилъ отвѣта.

Передъ Танчи намъ представилось странное зрѣлище. вмѣсто едва замѣтнаго ручейка теперь передъ нами текла и бурлила широкая полноводная рѣка, и ея мутныя волны несли то ящики, то связки сѣна, то разломанныя арбы, то корзины, должно быть, съ офицерскими вещами. Говорили, что тутъ сильно пострадалъ штабъ 4-го сибирскаго армейскаго корпуса, обозъ котораго застигнутъ былъ бурей въ этой широкой песчаной равнинѣ, прорѣзанной скромнымъ, тихимъ на видъ ручейкомъ.

Черезъ бурлившую рѣку протянуть былъ канатъ и у одного конца его на нашемъ берегу стоялъ готовый къ переправѣ полкъ. Люди его имѣли на себѣ только рубахи, подобранныя выше поясицы, и скатанныя шинели черезъ плечо, также высоко поднятыя. На штыкахъ болтались сумки.

Ниже пояса ничего надѣто не было, ни бѣлья, ни сапогъ, ни шароварь.

Люди стояли въ колоннѣ на влажномъ пескѣ у бурлившей рѣки, подѣ хмурымъ небомъ, съ котораго сѣялъ мелкій дождь, и весело шутили надъ своею необычною формою одежды.

Торопясь поспѣть до темноты въ Дашичао, мы не стали ждать переправы полка черезъ рѣку и раньше его окунулись въ холодныя, мутныя волны рѣки. Наши лошади плыли хорошо, и мы перебрались на тотъ берегъ, вымокшіе и продрогшіе.

Но какъ мы ни торопились, становилось очевиднымъ, что въ Дашичао мы будемъ только темною ночью. А чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ опаснѣе дѣлался нашъ путь. Подѣ ногами чернѣли пучины грязи. Того и гляди, — ухнешь туда вмѣстѣ съ лошадыю.

Рука устала держать натянутымъ поводъ, чтобы во всякую минуту поддержать оступившуюся лошадь. Глаза устали разсматривать дорогу, выбирая мѣста, гдѣ посуше. Мозгъ утомленъ непрерывнымъ вниманіемъ. На душѣ тяжело среди этихъ безлѣсныхъ, безкрасочныхъ угрюмыхъ горъ, гдѣ шумятъ теперь только ручьи, бѣгущіе съ горъ. Сумерки окутываютъ ихъ вершины, ихъ ущелья. Нигдѣ никакихъ признаковъ жизни. Только кое-гдѣ маленькія кумирни, сложенныя изъ сѣрыхъ кирпичей, величиною съ добрый скворешникъ, напоминаютъ о людяхъ. Но гдѣ они? Тамъ, на равнинахъ. Здѣсь ни одной фанзы. Пустыня, безлюдье.

Дѣлаемъ по горной тропинкѣ поворотъ въ одно изъ ущелій и вдругъ натываемся на сцену изъ жизни тѣхъ людей, обязанность которыхъ „безропотно переносить холодъ, голодъ и всякую нужду солдатскую“.

Въ пучинѣ грязи на дорогѣ увязла тяжелая, полная груза интендантская повозка. Въ нее запряжено двѣ лошади. Одна упала, и теперь изъ грязи торчитъ только ея голова, которою она мотааетъ, стараясь инстинктивно поднять ее все выше,

выше, чтобы не захлебнуться въ этой коричневой жижи. И возлѣ повозки только два человѣка, „два Ивана“, съ сѣрыми загрязненными лицами, съ клочковатыми русскими бородами. Сейчасъ видно—„изъ запасныхъ“. Судьба вырвала ихъ изъ какой-нибудь глухой томской деревушки и бросила въ далекую Маньчжурію. И здѣсь для нихъ та же страда мужицкая. Разница въ томъ только, что не надъ своимъ добромъ бьются они. Отбились отъ своихъ, отъ обоза, который везетъ въ отрядъ продовольствіе, и остались здѣсь одинокими, затерянными среди этихъ угрюмыхъ сѣрыхъ горъ, на днѣ этого ущелья, залитаго грязью,—лицомъ къ лицу съ надвигающею ночью, дождливою, холодною, темною.

Выбиваются изъ силъ они надъ этою повозкою, а не бросаютъ казенное добро, памятуя слова присяги служить не за страхъ, а за совѣсть не только въ полѣ, но и въ обозѣ и въ гарнизонѣ. Вездѣ они—герои-страстотерпцы, терпѣливые, покорные, безответные.

Сняли они съ себя сапоги, засучили шаровары и рукава рубахи и возьматся въ жидкой грязи, выпрягая упавшую лошадь.

Выпрягли, подняли. Теперь принялись за повозку. Налегли плечами—ни съ мѣста. Опять опустили руки въ жидкую грязь, ухватились за ступицы, пробуютъ поднять — ни съ мѣста. Лошадь припрягли. Одинъ взялъ подъ уздцы и тянетъ впередъ, а другой бьетъ кнутомъ замороженныхъ животныхъ — и ни съ мѣста.

Измучились бѣдняги.

— Ахъ, мать честная! — говоритъ одинъ сокрушенно и отходить въ сторону, почесывая въ затылкѣ.

— Да, преиспась намъ тутъ надъ этимъ возомъ. Заночуемъ видно, — поддакиваетъ ему тѣмъ же тономъ другой.

И стоять они, приунывши, и въ ихъ позахъ, жестахъ и голосѣ чувствуется полная, тяжелая безпомощность. Однако, постояли, отдохнули немного и опять приступили къ повозкѣ.

О, какого напряженія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ тре-

буетъ отъ каждаго война! Сколько труда каторжнаго придется вынести этимъ людямъ, которыхъ генераль Драгомировъ хотя грубо, но вѣрно назвалъ „сѣрою святою скотиною“. А какая награда ихъ ждетъ? Ни одинъ орденскій статутъ этотъ скотскій трудъ, эту стойкость въ немъ не предусматриваетъ.

Въ сгущавшейся мглѣ, на фонѣ темнаго неба, сѣрыхъ горъ и грязи, повозка, лошади и люди слились въ одно безобразное пятно, въ одинъ безформенный клубокъ. И скоро онъ словно въ ней расплылся.

Храни Богъ этихъ бѣдныхъ, усталыхъ, голодныхъ, продрогшихъ людей отъ всякаго лиха, отъ новаго ливня, отъ пули хунхуза!

Мы выбрались, наконецъ, изъ этихъ мрачныхъ горъ, и на равнинѣ намъ привѣтливо мигнуль далекій огонекъ костра. Силуэты повозокъ, храпъ и фырканье лошадей, темныя фигуры людей... Обозъ... А рядомъ группа фанзъ... Деревня Пейзапудза.

Мы рѣшили въ ней заночевать. Выбрали фанзу. Но она оказалась столь грязной и дымной, что я и Зиминъ предпочли лечь на дворѣ съ казаками, на кучѣ гаоляна.

Завернулись въ спальные мѣшки и бурки—казалось бы, и сонъ сейчасъ прійти долженъ... Намаялись за день немало. Но онъ не идетъ. Лежишь, слушаешь незначущій разговоръ казаковъ, задающихъ кормъ лошадямъ, прислушиваешься къ шуму на деревнѣ, къ лаю собакъ, крику пѣтуховъ и смотришь въ блѣдное, сѣрое небо, по которому плывутъ разорванные облака... Какъ все это кругомъ необычно и чуждо. А едва задремали, крупныя капли дождя забарабанили по буркѣ, упали на лицо и заставили насъ стремглавъ спасаться подъ крышу фанзы...

Въ семьмъ часу утра мы проснулись. Темно. „Джангуйда“ (хозяинъ) китаецъ принесъ намъ примитивный свѣтильникъ, и при тускломъ свѣтѣ его чадающагося фитиля мы совершаемъ свой по необходимости несложный туалетъ.

Согрѣться чаемъ нельзя—вода невозможнаго вкуса и цвѣта. Ею умываться было страшно и противно. Дѣлать нечего, ѣдемъ и такъ, и безъ чаю. А на дворѣ сыро, холодно... То же хмурое небо, низко бѣгушія тучи, тяжелыя, готовыя вотъ-вотъ брызнуть дождемъ. И онъ скоро брызнулъ.

До Дашичао верстъ десять. Мы приѣзжаемъ туда часовъ въ десять утра, мокрые, грязные.

У дебаркадера станціи стоитъ поѣздъ на Ляоянъ. Съ удовольствіемъ мѣняемъ сѣдло на грязныя подушки дивана въ грязномъ купе вагона— и въ одиннадцать часовъ трогаемся въ путь.

На себя страшно и смѣшно глядѣтъ въ зеркало. Спутанные мокрые волосы, лихорадочно горящіе глаза, сѣро-зеленыя лица отъ бессонныхъ ночей, усталости, голода и холода...

Второй день мы ходимъ въ мокромъ платьѣ, и насъ уже начинаетъ трясти лихорадка...

Скоро ли Ляоянъ?! Вѣдь до него тутъ всего 80 верстъ! Но мы ѣдемъ цѣлый день, часами стоимъ на разѣздахъ, у семафоровъ станцій, и только въ десять часовъ вечера мы у себя дома.

— Слава Богу!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Слава славнымъ.

Я вынесъ изъ своего пребыванія въ передовомъ конномъ отрядѣ генерала Мищенко самыя отрадныя, самыя бодрящія душу впечатлѣнія.

Я видѣлъ войска, которыя и въ этой „безполезной войнѣ“, какъ называли ее нѣкоторые, горѣли боевымъ воодушевленіемъ въ сознаніи, что на ратномъ полѣ—не время спорить о причинахъ войны; споръ идетъ о чести, достоинствѣ и славѣ государства, народа и арміи. Я видѣлъ войска, вѣрив-

шія въ своего вождя, сильныя этой вѣрой и потому готовыя съ нимъ на всякія жертвы.

Я видѣлъ офицеровъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ выполненіи наиболѣе трудныхъ порученій,—по суворовскому выраженію,—„гонявшихся за славой“...

Я видѣлъ, наконецъ, настоящее военное товарищество, дружную офицерскую семью. А между тѣмъ она была составлена изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Въ казачьихъ полкахъ отряда было много драгунскихъ и конно-артиллерійскихъ офицеровъ—Степановъ, Базилевичъ, Поточкій, Мунте, фонъ-Брауншвейгъ, братья Шнеуры, Выгранъ, Смольяниновъ... Были даже пѣхотные — Андриенко, Школинъ... Въ отрядъ, пользовавшійся доброй боевой и товарищеской славой, ѣхало много другихъ офицеровъ совсей арміи, чтобы „повоевать съ Мищенкой по настоящему“ (князь Арс. Карагеоргиевичъ, князь Вадбольскій, Карцевъ, Аничковъ, Копачевъ, Макаровъ). Они пріѣзжали, сживались такъ, что и уѣзжать не хотѣлось... Обаяніе личности „Павла Ивановича“ и радушіе читинцевъ удерживали день за днемъ, а событія войны развертывались все шире, захватывали челоуѣка все глубже—и они дрались съ отрядомъ до конца, иные—до смерти отъ японской пули или японскаго снаряда. Это была какая-то „Сѣчь запорожская“, куда направлялись всѣ, кто явился на войну не съ войсковою частью, не въ составѣ какого-либо штаба или управленія, а, такъ сказать, за свой счетъ и страхъ,—всѣ, кто вообще хотѣлъ побывать скорѣе въ дѣлѣ. Тутъ можно было встрѣтить и явившихся изъ отставки и изъ запаса, стариковъ и молодыхъ, офицеровъ дѣйствительной службы, не имѣвшихъ почему-либо въ данный моментъ въ арміи опредѣленнаго служеб-наго положенія, назначенія и дѣла, и юношей—охотниковъ и вольноопредѣляющихся,—русскихъ и иностранцевъ.

Молчаливо спрашивалось только: „Въ Бога вѣруешь?“—„Вѣрую“.—„Царя чтишь?“—„Чту“.—„За отечество умирать согласенъ?“—„Согласенъ“.

Больше ничего не требовалось, чтобы найти себѣ приютъ у хлѣбосольнаго полковника Павлова и у радушнаго генерала Мищенко. И повторяю: стоило прожить съ этими людьми недѣлю, чтобы сжитья съ ними на всю жизнь, стать въ ихъ семьѣ своимъ человѣкомъ...

Тотъ самый хорунжій Макаровъ, о которомъ я рассказывалъ выше, пріѣхалъ къ Мищенко съ какими-то бумагами. Но очарованный личностью генерала и боевымъ, товарищескимъ духомъ отряда, онъ просилъ разрѣшенія остаться и зачислить его въ какой-нибудь полкъ Забайкальской казачьей бригады. Такъ какъ доблесть свою онъ въ бою доказалъ, то согласіе было дано. Написали куда-то бумагу объ его прикомандированіи, она пошла по инстанціямъ, а Макаровъ оставался въ отрядѣ, ходилъ въ развѣдки, участвовалъ въ бояхъ, пока подъ Сахотаномъ не получилъ смертельной раны.

Припоминается и другой фактъ, другая незаурядная личность.

Въ половинѣ ноября 1904 года, во время томительнаго, тягостнаго бездѣлья арміи на Шахэ, въ вагонъ № 414, въ Мукденѣ, гдѣ я жилъ съ тѣмъ же моимъ спутникомъ по Сахотану, В. К. Шнеуромъ, вошелъ высокаго роста молодой человѣкъ, одѣтый въ валенки, въ сѣрый полушубокъ безъ погонъ и черную папаху, рѣзко отгнѣявшую его бѣлое, еще не загорѣлое, не обвѣтренное лицо съ голубыми глазами и большой окладистой свѣтло-рыжей бородой. Это былъ лейтенантъ французской арміи Бюртенъ. Онъ явился сюда, на Дальній Востокъ, движимый симпатіями къ Россіи и русскимъ и жаждою поучиться военному дѣлу на опытѣ. Но потерявъ на хлопоты для осуществленія этихъ своихъ желаній почти десять мѣсяцевъ времени и около десяти тысячъ франковъ, пропутешествовавъ изъ Парижа въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Парижъ, изъ Парижа въ Мукденъ и все-таки ничего не добившись—ему не удалось даже добиться представленія генералу Куропаткину, къ которому у него

было рекомендательное письмо,—онъ былъ теперь въ отчаяніи.

— „Научите, что дѣлать?—говорилъ со слезами на глазахъ этотъ длиннородый, рослый мужчина.—Я не могу теперь вернуться во Францію... Я хочу немногого: пусть зачислятъ меня хотя рядовымъ куда-нибудь!“

Съ этой дѣйствительно скромной просьбой онъ ходилъ отъ одного властнаго лица къ другому—и все безуспѣшно.

— Кто бы могъ вамъ помочь?—задумались мы... И одновременно сказали: „только Мищенко. Поѣзжайте къ нему въ отрядъ, онъ васъ устроитъ“.

Бюртенъ насъ послушался и уѣхалъ къ нему въ тотъ же день.

Какъ сейчасъ вижу его большую, плотную, немного сутуловатую въ полушубкѣ фигуру на маленькой приземистой бѣлой китайской лошаденкѣ, трусившей по пустынной площади Мукденскаго поселка. Вѣтеръ относитъ въ сторону его большую рыжеватую бороду... Онъ оборачивается и на прощанье, въ знакъ благодарности за совѣтъ, рѣшившій его колебанія и судьбу, дѣлаетъ мнѣ привѣтственный жестъ. Дня черезъ два или три онъ былъ хлопотами Мищенко сотникомъ 1-го Верхнеудинскаго полка, а мѣсяца черезъ полтора послѣ того палъ геройской смертью при атакѣ ханшиннаго завода подъ Инкоу.

Чтобы покончить съ исторіей Бюртена, скажу, что и тутъ опять сказалась характерная для Мищенко черта. Онъ приказалъ во что бы то ни стало достать тѣло Бюртена. Сдѣлать это было не такъ-то легко. Колоннѣ генерала Баумгартена пришлось выдержать цѣлый бой, пока трупъ Бюртена удалось найти и вынести изъ-подъ огня засѣвшей за стѣною завода японской пѣхоты. И это опять было новымъ хорошимъ урокомъ для новыхъ въ отрядѣ частей, что приказанія Мищенко должны быть во что бы то ни стало исполнены. Японцы не получили трофея, а отрядъ получилъ новое увѣреніе, что никто не будетъ брошенъ на полѣ ране-

нымъ и что для спасенія каждаго будетъ сдѣлано все возможное.

Но не одни офицеры рвались въ отрядъ Мищенко. Въ конвоѣ генерала было нѣсколько стариковъ, казаковъ различныхъ войскъ, старыхъ охотниковъ „повоевать“. Одинъ, сверстникъ „дѣдушки“ Пламенаца, возилъ значокъ генерала, другой—старый оренбургскій казакъ, бравшій когда-то Хиву, лѣтъ подь шестьдесятъ, Иванъ Печенкинъ, ходилъ еще въ развѣдки и „ловилъ“ японцевъ, получалъ за каждаго отъ генерала по 10 рублей и отсылалъ ихъ своей „старухѣ“.

— Съ генераломъ Мищенко всегда всюду согласенъ идти,—говорилъ онъ мнѣ, прѣхавъ въ Мукденъ отдохнуть.— Гранаты и шрапнели эти до меня отношенія не имѣютъ... Въ развѣздъ когда угодно...

Старикъ лѣнился только коня своего убирать и все желалъ для этой цѣли выписать сюда, въ Маньчжурію, изъ Еткульской станицы сына, который уже „приготовленъ“.

Словомъ, это была большая, дружная отъ мала до велика семья, въ которой каждый чувствовалъ себя просто, въ которой жилось и дышалось легко и свободно.

И когда короткій на этотъ разъ періодъ дождей миновалъ, меня снова потянуло въ отрядъ, который опять дрался на тѣхъ же знакомыхъ мнѣ мѣстахъ у Сахотана.

Вѣдь Мищенко не изъ тѣхъ генераловъ, которые одинаково легко и послушно выполняютъ приказанія „наступать“ и „отступать“. По первому слову у Мищенко сейчасъ же слѣдуетъ исполненіе, а по второму онъ не торопится.

А потому, получивъ такъ неожиданно, послѣ ряда Сахотанскихъ боевъ, приказаніе отвести отрядъ къ Танчи въ виду общаго отхода нашей передовой линіи, Мищенко, отправивъ обозы за перевалъ къ дер. Кутятцзы, самъ остался съ войсками у Мугун, выжидая, что предприметъ противникъ.

Но японцы, такъ настойчиво рвавшіеся черезъ перевалъ въ долину Танчи—Дашичао, стояли теперь передъ выходомъ въ нее, не двигаясь впередъ ни шагу.

Не двигался назадъ и отрядъ. Съ 15-го по 26 іюня простояли забайкальцы у Мугуи и Хупеи, а оренбуржцы генерала Толмачева на Уй-далинскомъ перевалѣ у Хейшингоу. Ихъ разъѣзды все время наблюдали противника и скоро выяснили, что японцы отошли отъ Сахотана назадъ за Мадзявайзу и Эрдагоу и подъ прикрытіемъ своего сторожевого охраненія совершали какія-то передвиженія...

26 іюня разъѣздъ прикомандированнаго къ 1-му Читинскому полку поручика 23-й конно-артиллерійской батареи Н. К. Шнеура, посланный къ Эрдагоу, наткнулся на крупную японскую заставу. Уйдя отъ нея на Саньхотанскій перевалъ, онъ увидаль на его гребнѣ японскую роту. Она окапывалась...

Войсковой старшина 7 Сибир. каз.
полка Д. И. Аничковъ.

На донесеніе поручика Шнеура, Мищенко тотчасъ послалъ ему полусотню, а затѣмъ поднялъ весь отрядъ и повелъ его къ Сахотану выбивать съ перевала японцевъ. Завязался горячій бой, въ результатѣ котораго мы сбили японцевъ съ перевала и удержали его за собой. Но Хейшингоусскую позицію, оборонявшуюся Толмачевымъ, пришлось очистить. И хотя японцы въ этотъ день ея не заняли, но отряду было уже не безопасно оставаться у Мугуи и онъ ночью на 27-е отошелъ къ Кутятцзы.

Японцы двигались слѣдомъ и къ полудню 28 іюня отгннули наши посты за Пейцзыгоу. Ихъ разъѣзды появились со стороны Маляю. Это

обезпокоило Мищенко и онъ рѣшилъ еще разъ задержать противника въ его побѣдоносномъ шествіи, хотя никто другой ему въ этомъ и не мѣшалъ. Выславъ впередъ на подкрѣпленіе сторожевого охраненія двѣ сотни Читинскаго полка подъ командою войскового старшины 7-го Сибирскаго казачьяго полка Д. И. Аничкова, генеральъ снова поднялъ отрядъ съ бивака и двинулъ его на Циэрлгоу съ твердою рѣшимостью завязать новый бой. Но японцы, повидимому, не располагавшіе тутъ крупными силами, стали быстро отходить, и отрядъ вернулся на бивакъ, освѣтивъ развѣздами мѣстность до Ліусунзая и Таунцзая и убѣдившись, что только японскіе развѣдчики побывали въ Кашингоу...

Дня не проходило въ отрядѣ безъ выстрѣла... ¹⁾ Но побывать въ немъ мнѣ уже не удалось. Надо было видѣть другихъ начальниковъ, другіе отряды—и посравнить.

И я снова увидалъ симпатичный мнѣ отрядъ уже послѣ Дашичао и Хайчена, гдѣ онъ попрежнему славно поработалъ, только въ началѣ августа.

* * *

Долго жданный періодъ дождей наступилъ... „Старожилы не запомнятъ“, чтобы это случилось такъ поздно. Нѣсколько дней уже въ Ляоянѣ и его окрестностяхъ стояла хмурая сѣрая погода. Бывало даже холодно, и былъ день, когда мы вспомнили о сюртукахъ и въ нихъ одѣлись. Небо задернулось тучами. Красивыя, вдаль синѣющія горы скрыты теперь завѣсою дождя. Мы глядимъ на нихъ и ждемъ дождя къ себѣ. И онъ приходитъ. Сѣтъ, льетъ—и растворяетъ почву, образуетъ озера и болота и пучины грязи. Въ ней вязнуть двуколки, арбы, везомыя здоровыми быками. Только „рикши“ безстрашно суютъ въ море грязи свои босыя ноги, обнаженные выше колѣнъ.

А что должно происходить въ такую пору тамъ, въ горахъ, на позиціяхъ! Какъ вздулись мелкія горныя рѣчки!

¹⁾ Объ этомъ періодѣ см. подробности въ книгѣ Д. И. Аничкова,— „Пять недѣль въ отрядѣ Мищенко“.

Какъ много жертвъ унесли эти рѣчки, обычно такія тихія, мелкія, прозрачныя—такія грозныя, полноводныя, таинственно темныя въ періодъ дождей! А каковы тамъ дороги, непроѣздныя, невылазныя! Каковы биваки на размокшей глинѣ, на вспаханнхъ подъ гаолянъ поляхъ, обратившихся въ огромныя болота! Нѣтъ возможности ни идти, ни ѣхать, ни везти припасы и фуражъ.

Враги стоятъ подъ ружьемъ на позиціяхъ, но двинуться съ нихъ, броситься другъ на друга, обойти флангъ, зайти въ тылъ—нѣтъ возможности. На войнѣ наступаетъ затишье.

Вотъ, пользуясь имъ и тѣмъ, что на театръ военныхъ дѣйствій прибыли къ намъ новыя, свѣжія еще кавалерійскія части, и рѣшили отвести на отдыхъ въ Ляоянъ съ передовой линіи безсмѣнныхъ часовыхъ покоя арміи и ея развѣдчиковъ: отдѣльную Забайкальскую казачью бригаду генерала Мищенко, 1-й Аргунскій казачій полкъ и артиллерию отряда: 1-ю Забайкальскую казачью батарею и 6-ю конно-горную пограничной стражи.

Всѣ они непрерывной шестимѣсячной работой то въ авангардѣ арміи, то въ ея арьергардѣ, въ періодъ сосредоточенія нашихъ силъ—самый тяжкій періодъ, ибо онъ отмѣченъ словомъ „отступленіе“—заслужили себѣ отдыхъ и тѣ почести, которыя рѣшилъ воздать имъ командующій манчжурской арміей, назначившій по пяти новыхъ знаковъ отличія Военнаго Ордена на сотню, сверхъ трехъ, пожалованныхъ ранѣ за походъ въ Корею и бой у Чончжоу.

Сама природа улыбнулась имъ ласково, привѣтно, яркимъ солнышкомъ. Послѣ ряда хмурыхъ дней оно проглянуло 9 августа. Въ голубомъ бездонномъ небѣ плыли легкія бѣлоснѣжныя облачка. Тихое ясное утро обѣщало блестящій августовскій день.

Къ восьми часамъ утра полки и батареи отряда вытянулись въ ленту на обширной эспланадѣ въ поясѣ ляоянскихъ укрѣпленій. Они стали лицомъ къ Ляояну, надъ которымъ высится оригинальная по стилю, замѣчательная

по своей древности башня Бейтассы—памятникъ нашествія корейцевъ на Маньчжурію. Линія сѣрыхъ казачьихъ рубахъ теряется на фонѣ горъ, высящихся сзади фронта и окутанныхъ синеватымъ флеромъ дали. Рѣзко выдѣляется только Кулакъ, какъ прозвали здѣсь отдѣльную высокую гору у д. Маेतунь, командующую надъ всею окрестностью и увѣнчанную древнею кумирнею, добраться до которой—подвигъ вѣрующихъ и туристовъ. Справа поле окаймляла лента рельсъ — и на нихъ ряды вагоновъ. Изъ-за нихъ высится флагштокъ сводныхъ госпиталей, гдѣ лежатъ еще израненные и больные бойцы за родину. Ихъ освѣняетъ символъ страданія и спасенія—бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ въ серединѣ.

Слѣва зеленѣетъ поле, и на немъ высятся бѣлые полотняные городки—биваки войскъ и обозовъ. Вотъ та оригинальная рамка, въ которую вставлена была картина военного торжества — *славы славнымъ*. Стоять боевые полки и,

Знаменщикъ 1-го Читинскаго казачьяго полка (Изъ „Лѣтописи войны съ Японіей“).

пожалуй, дивятся, что не видать врага, что не слышать его канонады и что смерть не рѣшетъ надъ ихъ головами. Шестъ мѣсяцевъ такъ было,—и привыкли люди. А теперь умытые, во все лучшее одѣтые, на вычищенныхъ лошадахъ, они стоятъ и ждуть себѣ триумфа, славы. И чудно имъ. Непривычно! И казачья душа волнуется, пожалуй, больше, чѣмъ передъ лицомъ врага въ бою.

Тамъ и сямъ надъ фронтомъ вѣютъ разноцвѣтные значки съ желтыми, зелеными и бѣлыми каймами. Въ темныхъ кожаныхъ чехлахъ величаво стоятъ надъ рядами знамена, сверкая на солнцѣ золотомъ своихъ копій. Легкій вѣтеръ раздуваетъ ярко-желтый флагъ генерала Мищенко...

И вотъ, передъ строемъ полковъ и батарей выѣхалъ онъ самъ на конѣ, блеснулъ шашкой и со взмахомъ ея бросилъ полкамъ звучную команду:

— Шашки вонъ!

А затѣмъ—повернулъ коня и понесся навстрѣчу командующему арміей.

Во главѣ большой свиты тихо ѣдетъ къ полкамъ генераль-адъютантъ Куропаткинъ.

Придержалъ коня, принялъ рапортъ и направился къ правому флангу.

Ѣдетъ онъ по фронту полковъ и пытливо смотритъ въ казачьи лица, будто спрашивая ихъ: „Есть ли еще порохъ въ пороховницахъ, не изсякла ли казачья доблесть?“...

И читаетъ въ отвѣтъ:

„Есть еще порохъ... Не изсякла доблесть“...

Прямо смотря въ глаза своему вождю честно исполнившіе долгъ свой храбрые воины и на привѣтъ его:— „Здорово, молодцы!“ — полной грудью отвѣчаютъ: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!“

Объѣздъ конченъ. Шашки вложены въ ножны.

— Вызовите награждаемыхъ впередъ,—говоритъ генералу Мищенко командующій арміей.

— Впередъ, предназначенные къ награжденію казаки! — звучитъ знакомый голосъ генерала.

И отъ стройно стоящихъ полковъ отдѣляются всадники. Много ихъ. Они ѣдутъ кучею и выстраиваютъ новый фронтъ лицомъ къ старому.

Это сотня храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ.

— Съ коней! — раздается команда Куропаткина, и онъ самъ слѣзаетъ съ коня. Всѣ слѣдуютъ его примѣру.

Вслѣдъ за нимъ мы, его свита, идемъ на правый флангъ награждаемыхъ. Тамъ у желтаго значка генерала Мищенко стоитъ нашъ старый знакомецъ „дѣдушка“ Пламенаць. Какъ и въ бою, на немъ теперь все та же простая бѣлая куртка безъ погонь, но на груди его уже виситъ золотой знакъ отличія Военнаго Ордена.

Командующій арміей подходитъ къ нему, жметъ ему руку, и они цѣлуются.

— Радъ васъ видѣть въ добромъ здоровьѣ и вручить вамъ высшую степень того знака отличія, который вы уже имѣете, — говоритъ растроганному старику генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. — Именемъ Государя Императора награждаю васъ знакомъ отличія первой степени.

Всѣ жмутъ отважному симпатичному старику руку, поздравляютъ его, желаютъ ему здравія и идутъ далѣе за командующимъ.

Съ каждымъ шагомъ навстрѣчу ему звучитъ какое-нибудь скромное, простое, негромкое имя героя.

— Дроновъ!

Ф. М. Пламенаць
(въ формѣ заурядъ-прапорщика
1-го вост. сиб. стр. полка).

— Толстых!

— Целебеновъ!

И въ отвѣтъ на него раздается:

— Именемъ Государя Императора жалую тебѣ знакъ отличія Военнаго Ордена четвертой степени... третьей степени.

Тутъ не мало уже украшенныхъ крестами участниковъ похода въ Китай. Есть участники войны нашей съ Турціей. Есть и ходившіе по степямъ Средней Азій.

Стоять всѣ эти герои—и глазъ не сводятъ съ командующаго арміей. Въ правой рукѣ у нихъ поводъ лошади, лѣвая нервно, но бережно сжимаетъ новенькую ленточку пожалованнаго знака. Надѣлъ бы его!.. Да никакъ неспособно!..

Генераль Бильдерлингъ, присутствующій на парадѣ, вручаетъ смущеннаго кавалера и самъ прицѣпляетъ крестъ къ его рубашкѣ. Его примѣру слѣдуютъ другіе—и вотъ всѣ награждены, всѣ украшены.

Командующій арміей выходитъ передъ фронтъ новыхъ „георгіевскихъ кавалеровъ“ и своимъ размѣреннымъ голосомъ говоритъ:

— Поздравляю васъ, братцы, съ высокою боевою наградой. Почетъ вамъ будетъ отъ нея не только въ арміи, но по всей Россіи. Только помните, что хотя и дана она вамъ за заслуги, но она обязываетъ васъ къ новымъ подвигамъ во славу нашего возлюбленнаго Государя и на пользу Отечества. Будьте примѣромъ другимъ, а я буду счастливъ наградить васъ снова высшими крестами.

И, сѣвъ на коня подъ громъ дружнаго „рады стараться“, командующій арміей провозглашаетъ „ура“ сперва „во здравіе и славное царствованіе Государя Императора“, потомъ во славу новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Ура покатилося широкой волной, мѣшаясь съ звуками гимна и туша.

— Къ параду!—сказалъ вполголоса командующій арміей генералу Мищенко.

Виновникамъ торжества командуютъ: „слѣва по три, рысью!“ — и отводятъ ихъ вглубь поля. Тамъ ихъ снова выстраиваютъ въ одну шеренгу, но уже перпендикулярно къ фронту оставшихся на мѣстѣ полковъ и батарей. Туда же ѣдетъ командующій арміей. Его свита живописной пестрой группой стала на флангѣ „кавалеровъ“. Давъ ей знакъ не слѣдовать за нимъ, Куропаткинъ поднимаетъ коня въ галопъ и скачетъ навстрѣчу идущему уже церемоніальнымъ маршемъ головному полку. Сдѣлавъ красивый заѣздъ, командующій маньчжурскою арміею самъ становится во главѣ парада и ведетъ его мимо шеренги простыхъ казаковъ, съ загрубѣлыми, загорѣлыми лицами, въ простыхъ сѣрыхъ рубахахъ, но съ новенькими георгіевскими ленточками на груди...

Пройдя вдоль всей шеренги и сдѣлавъ снова заѣздъ, генераль-адъютантъ Куропаткинъ становится впереди своей свиты и пропускаетъ мимо себя участвующія въ парадѣ части.

Первыми идутъ верхнеудинцы. Ихъ ведетъ бывший конно-

Парадъ 9 августа 1904 г. въ Ляоянѣ.

гренадеръ полковникъ Левенгофъ. На флангѣ первой сотни ѣдетъ полковникъ Карцевъ съ прострѣленной въ бою 18 июля у Судзюпудзы лѣвой рукой на черной лентѣ.

Командиръ 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка полковникъ А. П. Левенгофъ.

Маленькія косматенькія лошаденки, видимо, втянулись въ работу и послѣ шестимѣсячной службы въ горахъ попрежнему идутъ славно, бойко, ходко.

Сотни хорошо держатъ равненіе. Словно на плацу онѣ ему учились, а не карабкались все это время по крутымъ скатамъ сопокъ и не тянулись гуськомъ по ущельямъ корейскихъ и маньчжурскихъ горъ.

Едва прошла первая сотня и крикнула въ отвѣтъ на похвалу свое „рады стараться“, какъ вслѣдъ ей звучитъ тотъ же раздѣренный голосъ:—„пѣсенники впередъ!“

Услыхали запѣвалы это слово. Выскочили впередъ—и понеслась казачья пѣсня.

За верхнеудинцами идутъ читинцы. Но не видать во главѣ ихъ полковника Павлова! Онъ все еще не можетъ оправиться отъ послѣдствій тяжелаго солнечнаго удара, постигшаго его въ знойный день 18 июля.

За читинцами—аргунцы съ полковникомъ Трухинымъ.

За полками пошли батареи, слегка громыхая по мягкому грунту колесами своихъ орудій: сперва казачья, потомъ конно-горная. И во главѣ послѣдней нѣтъ ея лихого командира, штабсъ-ротмистра Ковальскаго. И его выбили японцы изъ строя все того же 18 июля. А немало досадила имъ его

лихая батарея, и немало нанесли имъ вреда эти маленькія, но лихія пушечки.

Съ особымъ интересомъ вглядываешься теперь въ лица старыхъ знакомыхъ, артиллеристовъ и читинцевъ, которые видалъ въ такой же ясный день, но не въ этой торжественной обстановкѣ, а въ грозной боевой стихіи, когда орудія дышали смертью врагу и когда врагъ слалъ имъ смерть же въ отвѣтъ.

Всѣ прошли, всѣхъ похвалили и всѣхъ благодарилъ командующій.

Теперь очередь за тѣми, для кого былъ парадъ. Заколыхалась шеренга „кавалеровъ“. Быстро отошли они, перестроились по-взводно — и идутъ уже теперь въ свою очередь мимо того, кто началъ парадъ великою имъ честью.

Прошли. Грянули въ отвѣтъ еще разъ „рады стараться“ и, по слову командующаго арміей, разсыпались по полю, на маршъ - маршъ догоняя свои части.

Парадъ конченъ. Командующій арміей жметъ руку „нашему милому Мищенко“, какъ зоветъ онъ его, говорятъ, за глаза, и благодаритъ за службу, трудную, долгую, славную.

А затѣмъ, обращаясь къ ряду иностранныхъ военныхъ агентовъ, онъ говоритъ имъ по-французски:

— Вы видѣли? Передъ вами прошли части, которыя безъ

Адъютантъ 1-го Верхне-удинскаго казачьяго полка подьесауль К. А. Дмитровъ.

отдыха, безъ смѣны работали полгода. И онѣ готовы начать работать снова.

Представители иностранныхъ армій, держа руки у козырьковъ своихъ разнообразныхъ головныхъ уборовъ, молчаливо наклоняють въ отвѣтъ свои головы.

И мы всѣ ѣдемъ съ поля.

* * *

Позднѣе, уже послѣ боевъ на Шахѣ, въ октябрѣ, генераль Куропаткинъ, на парадномъ завтракѣ, въ присутствіи адмирала Скрыдлова и офицеровъ шести кавалерійскихъ полковъ, такъ формулировалъ въ своей рѣчи заслуги передового коннаго отряда:

— *„Роль кавалеріи на театрѣ войны громадная. Къ сожалѣнію, условія мѣстности и вся обстановка настоящей войны сильно препятствуетъ ей выполнить свою задачу. Это не помѣшало, однако, нѣкоторымъ частямъ блестяще преодолѣть все препятствія, примѣняться къ обстановкѣ и добросовѣстно, непрерывно служить арміи своими развѣдками. Какъ примѣръ, могу привести Отдѣльную Забайкальскую бригаду генерала Мищенко. Она работала неутомимо девять мѣсяцевъ, и ей я обязанъ цѣнными свѣдѣніями о противникѣ“.*

Признавъ, такимъ образомъ, заслуги своей кавалеріи и ея способность и умѣнье выполнять поставленныя ей задачи генераль Куропаткинъ только усугубилъ свою вину въ неумѣнніи пользоваться ею на поляхъ сраженій и добываемыми ею свѣдѣніями. Особенно рельефно это неумѣніе сказалось подъ Ляояномъ и Сандепу, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Неумѣніе это отразилось впослѣдствіи и на личномъ отношеніи Куропаткина къ Мищенко, которому пришлось сыграть роль зеркала въ одной русской пословицѣ. Несмотря на рядъ выдающихся боевыхъ заслугъ своего отряда, заслугъ, признанныхъ самимъ главнокомандующимъ, несмотря

на рядъ подвиговъ личной храбрости, завершившихся полученною подъ Сандепу раною, Мищенко такъ и не получилъ въ эту кампанію георгіевскаго креста ¹⁾, раздававшагося въ общемъ довольно щедро и украсившаго цѣлый рядъ довольно сомнительныхъ героев-генераловъ. А между тѣмъ, кого бы имъ и не наградить, какъ Мищенко! Но Павлу Ивановичу мѣшали въ этомъ дѣлѣ, съ одной стороны, его личная скромность, не позволявшая ему руководствоваться афоризмомъ, высказаннымъ однимъ изъ видныхъ и старѣйшихъ вождей минувшей кампаніи—„если заслужили, то надо напоминать и просить“,—а съ другой—та самостоятельность нрава, та независимость натуры, которая заставляла его держаться особнякомъ, сторониться главной квартиры и не соглашаться со всѣмъ, что тамъ высказывалось и что оттуда исходило.

Мищенко, конечно, не могъ поддакивать Куропаткину, когда тотъ, въ оправданіе своихъ неудачъ, говорилъ ему на одномъ обѣдѣ въ эти дни отдыха въ Ляоянѣ, что онъ, Куропаткинъ, „ошибся въ русскомъ солдатѣ и офицерѣ: они стали хуже, слабѣе за 27 лѣтъ, истекшія со времени русско-турецкой войны“...

— Мы ошиблись въ своихъ генералахъ; это они оказались слабѣе и хуже, чѣмъ ждали,—думалъ, вѣроятно, Мищенко, слушая эти слова, какъ думала и вся армія... Про *своихъ* солдатъ, про *своихъ* офицеровъ, про всѣхъ тѣхъ, кто попадалъ подъ его команду, онъ этого сказать не могъ. Это не они не давали ему одерживать побѣды до конца, не давали побѣды всей арміи...

Напротивъ, когда эти поспѣшныя приказанія отступать вырывали успѣхъ боя изъ нашихъ рукъ, онъ, стиснувъ зубы, мрачный, какъ ночь, молча шелъ на бивакъ какой-нибудь части и въ горячихъ словахъ благодарности казакамъ, ар-

¹⁾ Георгіевскій крестъ 4-й степени П. И. Мищенко получилъ за Китайскій походъ.

тиллеристамъ, пѣхотинцамъ выливалъ всю свою скорбь за напрасныя жертвы, весь пылъ своего негодованія на виновниковъ ихъ.

Не дипломатъ, не придворный человѣкъ, Мищенко говорилъ прямо то, о чемъ думалъ, о чемъ болѣло его сердце вмѣстѣ съ сердцемъ всей арміи... Такъ, въ эти же дни въ Ляоянѣ, за завтракомъ у Куропаткина, онъ прямо спросилъ командующаго арміей, опасается ли онъ за Портъ-Артуръ и выдержитъ ли крѣпость осаду.

Вопросъ былъ, видимо, неприятенъ.

— По лицу Куропаткина пробѣжала тѣнь,—разсказывалъ мнѣ вопрошавшій. Но вопросъ поставленъ былъ прямо и надо было на него отвѣтить.

— Можетъ быть, кто-нибудь и сомнѣвается,—попробовалъ было отвѣтить бравадою Куропаткинъ,—но я нѣтъ, и не опасуюсь...

Однако въ послѣдующемъ разговорѣ пришлось сознаться, что „душевнаго покоя“ за Артуръ у него нѣтъ.

Такъ постепенно создавался внутренній разладъ между командующимъ арміей и, быть можетъ, самымъ лучшимъ, самымъ цѣннымъ, самымъ нужнымъ ему генераломъ-помощникомъ, такъ выростала глухая стѣна между ними, которая впоследствии, въ началѣ 1905 года, по признанію генерала Гриппенберга, едва не завершилась, по желанію главнокомандующаго, смѣною генерала Мищенко „за чрезмѣрное утомленіе отряда“... Такъ окрещена была въ главной квартирѣ настойчивость Мищенко въ осуществленіи поставленныхъ ему и его передовому отряду задачъ...

Но въ ту пору, о которой я сейчасъ веду свой разсказъ, въ пору отдыха отряда въ Ляоянѣ, начальникъ его именовался еще „нашимъ милымъ Мищенкой“... Онъ былъ предметомъ вниманія всѣхъ и самого командующаго арміей... Въ честь его устраивались завтраки и обѣды... Онъ былъ героемъ дня еще и потому, что какъ разъ въ это время, въ качествѣ боевой награды, состоялось зачисленіе въ Свиту

Его Величества, какъ самого начальника передового коннаго отряда, такъ и его ближайшаго боевого помощника, командира 1-й Забайкальской казачьей батареи войскового старшины В. Т. Гаврилова.

Мнѣ извѣстно, что на запросъ изъ Петербурга, кто достоинъ быть зачисленнымъ въ Свиту, генераль Куропаткинъ указалъ на генераловъ Бильдерлинга, Зарубаева, Стесселя, Мищенко, Фоца и Гернгросса, и штабъ-офицеровъ Добротина, Лечицкаго, Семенова и Гаврилова.

Государь выбралъ Мищенко, Стесселя, Лечицкаго, Семенова и Гаврилова.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ дни затишья на Шахэ.

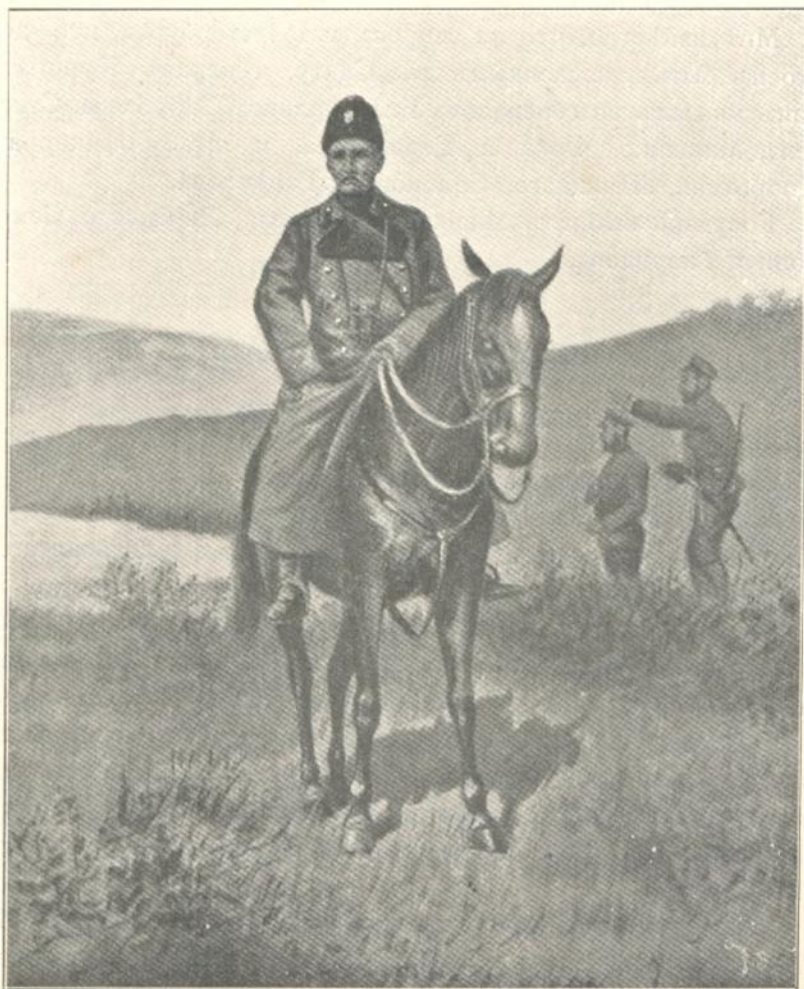
Недолго продолжался отдыхъ отряда.

Быстро двигался теперь противникъ къ Ляояну—и вотъ наступили памятные, и славные, и печальные дни ляоянской битвы.

Желаніе видѣть ее всю, какъ цѣльную большую историческую картину, побывать на всѣхъ пунктахъ ея, заставило меня остаться въ Ляоянѣ и не пойти съ отрядомъ, который спѣшно былъ поднять и собранъ въ ночь на 17 августа 1904 года. Я надѣялся съ нимъ встрѣтиться гдѣ-нибудь уже въ разгарѣ событія, но оно, какъ извѣстно, такъ неожиданно и рѣзко измѣнило свой ходъ, что встрѣтиться не удалось...

Затѣмъ послѣдовало знаменитое наступленіе въ сентябрѣ. Я пошелъ въ него съ 3 Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ, на долю котораго выпадала едва ли не самая отвѣтственная задача,—и также не былъ свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ отряда и его начальника. Мнѣ не пришлось „любоваться“ имъ, „нашимъ Мищенкой“, какъ рассказывали потомъ офицеры отряда.

— „Мужество, съ которымъ онъ стоялъ открыто, во весь ростъ, говорили они,—подъ ужаснымъ огнемъ, сразившимъ возлѣ него сотника Симонова, поручика Молодченко, разо-

П. И. Мищенко въ дни сраженія на Шахъ.

рваннаго снарядомъ,—хорунжаго Петрова и нѣсколькихъ казачковъ изъ конвоя, очаровывало всѣхъ насъ, подчиняло себѣ и изумляло... Уцѣлѣть ему—казалось чудомъ“.

Но онъ уцѣлѣлъ.

Легендарный ореолъ „заколдованнаго отъ японскихъ пуль“, которымъ и ранѣе былъ окруженъ Мищенко въ своемъ отрядѣ, да и въ арміи—при чемъ казаки увѣряли, что „заколдовалъ“ его никто другой, какъ „дѣдушка“ Пламенацъ,—еще болѣе выросъ...

И вотъ только въ дни тягостнаго бездѣлья на Шахэ мнѣ удалось снова побывать въ отрядѣ, стоявшемъ въ деревнѣ Кіулундзиндзы, близъ Хуаньшаня.

На отдыхѣ въ маньчжурской деревнѣ.

Я пріѣхалъ туда 20 октября 1904 года, чтобы повидать старыхъ знакомыхъ по Сахотанскимъ боямъ, чтобы повидать самого генерала и на другой день присутствовать на церковномъ парадѣ и на церемоніи раздачи генераломъ знаковъ отличія военного ордена своимъ молодцамъ-казакамъ,—и сразу окунулся въ бодрящую, дѣловую атмосферу войны. Происходила выводка лошадей. Отбирались тѣ, что покрѣпче, повыносливѣе, такъ какъ отряду было объявлено, что дней

черезъ пять или шесть онъ пойдетъ въ набѣгъ, въ тылъ японцамъ.

Офицерство толпой ходило за генераломъ отъ коновязи одной сотни къ другой. Всѣ были настроены весело и бодро. Нѣтъ и слѣдовъ хандры отъ томительнаго бездѣлья, отъ монотонной жизни въ неуютныхъ, грязныхъ, холодныхъ китайскихъ фанзахъ, подъ сѣрымъ пологомъ осенняго маньчжурскаго неба, среди однообразной, сѣрой, безжизненной безлѣсной равнины...

Въ штабѣ генерала, да и въ Читинскомъ полку, во всей этой „Сѣчи запорожской“ было попрежнему много новыхъ лицъ, „различныхъ состояній“... Артиллерійскій капитанъ Хогандоковъ, бросившій для войны академію генеральнаго штаба, поручикъ 5-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, дравшагося въ Артурѣ, Школинъ, братъ генерала, старый есауль-артиллеристъ Александръ Ивановичъ Мищенко съ георгіевскимъ крестомъ за Карсъ, съ виду флегматичный, спокойный, а въ дѣйствительности экспансивный, горячій человекъ, юный прапорщикъ Копайшвили, отмѣченный генераломъ за храбрость подъ Дашичао, гдѣ онъ ходилъ съ барнаульцами въ штыки, и взятый имъ къ себѣ въ ординарцы; старый, но лихой корнетъ Смольяниновъ, Дудоровъ (Орловецъ), корреспондентъ „Руси“, мастеръ рассказывать анекдоты и изображать на гитарѣ церемоніальный маршъ пѣхоты... Всѣ жили попрежнему тѣсной, дружной семьей...

Вечеръ въ офицерскомъ собраніи, среди радушныхъ гостепріимныхъ читинцевъ, пролетѣлъ незамѣтно... Пили „за здоровье генерала Пуфа“—игра, сочиненная въ эти дни бездѣлья читинцами и требовавшая большого количества вина.. Это было единственное развлеченіе въ отрядѣ; ни картъ ни женщинъ въ немъ не было. Попробовала было одна „знаменитая женщина-кавалеристъ“ пріѣхать въ отрядъ для подвиговъ разнаго рода, но на другой же день генераль, по просьбѣ офицеровъ, попросилъ ее уѣхать... Кто хотѣлъ

„встряхнуться“, тотъ свободно могъ ѣхать на нѣсколько дней въ тылъ, до Харбина включительно...

* * *

На другой день утромъ, 21 октября, на полѣ за деревнею состоялся церковный парадъ въ годовщину восшествія на престолъ Государя Императора.

Въ 8^{1/2} часовъ части, участвовавшія въ парадѣ, построились фронтомъ къ деревнѣ. На правомъ флангѣ стали два уральскихъ полка, пришедшіе въ отрядъ для набѣга, рядомъ съ ними верхнеудинцы, затѣмъ — читинцы, далѣе батареи — 1-я Забайкальская и конно-горная, и на лѣвомъ — конно-саперная команда. Передъ фронтомъ парада поставили маленькій столикъ съ лоткомъ, на которомъ лежали отдѣльно, по полкамъ, груды знаковъ отличія Военнаго Ордена.

Въ 9 часовъ появился самъ Мищенко со своимъ штабомъ. Хоръ музыки Читинскаго полка встрѣтилъ его „походомъ“. Принявъ рапортъ отъ полковника Павлова, генераль обошелъ полки, здороваясь съ каждымъ отдѣльно, вышелъ затѣмъ на средину и скомандовалъ „на молитву“. Родныя молитвы „Отче нашъ“..., „Царю Небесный“... и „Спаси Господи люди Твоя“... огласили пустынную маньчжурскую долину, уносясь за темныя горы, гдѣ укрѣпился врагъ, безмолвствовавшій въ этотъ день.

— Нашему Государю Императору на многолѣтнее и славное царствованіе и на побѣду надъ врагомъ нашимъ — ура! — крикнулъ Мищенко, когда смолкла молитва...

И мощное „ура“ прокатилось до горъ и отдалось въ нихъ эхомъ.

Впередъ, къ столику, вызвали знамена и награждаемыхъ казаковъ, — и генераль пошелъ вдоль фронта ихъ, сопровождаемый казакомъ, который несъ на лоткѣ груды крестовъ и георгіевскихъ ленточекъ.

Полковой адъютантъ по списку называетъ имена награждаемыхъ.

— Поздравляю казака съ наградою, — говоритъ генераль,

беря съ лотка крестъ и припиливая его къ казачьей груди,— носи свой крестъ честно и на здоровье...

— Поздравляю тебя, приказный, съ крестомъ, носи его такъ же честно, какъ заработалъ...

— Поздравляю тебя, вахмистръ, съ наградою. Носи свой крестъ съ честью и помни, что на тебѣ всякаго отвѣту много и что ты всегда долженъ быть примѣромъ доблести и исполненія долга...

Георгиевскіе кавалеры 2-го взвода 1-й Забайкальской казачьей батареи, (въ центрѣ фл.-ад. полк. Гавриловъ).

— И тебя, фельдшеръ, поздравляю съ крестомъ. И ты его заработалъ честно въ бою, какъ и другіе казаки. Спасибо, что товарищей—казаковъ раненыхъ изъ боя выносишь, подъ огнемъ перевязываешь... И твоя служба высока и почтенна...

— Поздравляю тебя, казакъ, съ наградою. Храбрый вы народъ, бурята, хорошіе вы, честные казаки...

— Казакъ Переваловъ!—выкликаетъ адъютантъ—и спохватывается;—„убить“!—добавляетъ онъ.

— Жаль храбраго казака—говоритъ генераль, задерживая крестъ въ своей рукѣ.—Царство небесное! Крестъ его по-

вѣсите въ сотнѣ на икону. И впредь такъ дѣлайте... А впрочемъ,—добавляетъ онъ,—можно и семьѣ послать въ утѣшеніе, на память и въ поученіе дѣтямъ...

Многіе не дождались крестовъ... Всѣхъ ихъ вспоминаетъ генераль,—гдѣ убитъ, при какихъ обстоятельствахъ... Слушаютъ живые и видятъ, что всѣхъ ихъ знаетъ генераль, вся ихъ служба у него на виду.

И сильнѣе бьется казачье сердце преданностью своему „енаралу“ и снова готовъ онъ съ нимъ на подвиги, на смерть...

Обойдя всѣхъ „кавалеровъ“, поздравивъ ихъ всѣхъ по полкамъ и ихъ полковыхъ командировъ „съ такими героями“, генераль снова становится передъ фронтомъ парада и провозглашаетъ:

— Нашему Главнокомандующему, жалующему казаковъ знаками отличія Военнаго Ордена, на здравіе и побѣду надъ непріателемъ — ура!

— Ур-рр-ааа!!!... гремитъ въ отвѣтъ.

— ...Государю Императору,—продолжаетъ Мищенко,—въ милостивомъ вниманіи своемъ къ боевой службѣ полковъ Забайкальской казачьей бригады и другихъ частей, подъ начальство мое вступавшихъ, угодно было пожаловать меня чиномъ генераль-лейтенанта и званіемъ Своего генераль-адъютанта. Всѣмъ обязанъ вамъ! Прошу чиновъ отряда принять мое сердечное спасибо.

Ст. уряд. 1-й Забайкальской каз. бат. Маркель Пѣтуховъ (всю кампанію былъ старшимъ ординарцемъ-развѣдчикомъ).

Ура—оглушительное, долго не смолкающее.

Едва оно смолкло, какъ вновь раздалось, загорѣлось и широкой волной понеслось по слову полковника Павлова— „въ честь нашего любимаго и славнаго начальника отряда“...

Наконецъ, послѣднее „ура“ по слову Мищенко въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ...

Знамена относятся на свои мѣста, части перестраиваются къ церемоніальному маршу и подъ звуки „Маньчжурскаго марша“ проходятъ мимо генерала въ резервной колоннѣ по неровному полю со сжатымъ гаолянью.

Официальная часть праздника кончена.

Генераль собираетъ вокругъ себя начальниковъ частей и говоритъ имъ, что, пользуясь еще недѣлею отдыха, надо произвести конныя полковыя ученья.

— Чтобы имѣть весь полкъ на ученьѣ,—совѣтуетъ онъ,— надо предварительно устроить усиленную фуражировку и заготовить фуражъ на нѣсколько дней...

Какъ разъ въ это время подъѣзжаетъ офицеръ-читинецъ съ докладомъ, что фуражиры 4-го Сибирскаго корпуса собираютъ съ окрестныхъ деревни полей гаолянъ.

— Отнять, — коротко приказываетъ Мищенко. — Велѣтъ свалить забранное... Намъ самимъ нужно! Это наши поля... Это мы сѣяли! — заканчиваетъ онъ, улыбаясь.

Всѣ смѣются.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи генерала къ китайскому населенію, образчикъ котораго я далъ уже выше при описаніи одного изъ сахотанскихъ дней.

Вспыльчивый, непреклонный въ бою, не останавливающийся при достиженіи боевыхъ задачъ ни предъ какими жертвами, спокойно посылающій людей на смерть, Павелъ Ивановичъ по существу, гуманный, мягкій и справедливый человекъ. По отношенію къ болѣе всего страдавшему отъ войны, не повинному въ ней китайскому населенію онъ не допускалъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей жестокости.

Генераль Куропаткинъ полагаль, что „намъ не надо любви китайцевъ; надо, чтобы они насъ боялись и уважали“.

Генераль Мищенко полагаль, что уваженіе, основанное на страхѣ, ненадежная опора, тѣмъ болѣе, что и въ этомъ отношеніи японцы проявляли умѣнья и системы болѣе, чѣмъ мы. Хорошо узнавъ китайцевъ за нѣсколько лѣтъ службы на Дальнемъ Востокѣ, — трудолюбивыхъ, миролюбивыхъ, — онъ хотѣлъ ихъ расположить къ русскимъ войскамъ не строгостью, а ласкою, уваженіемъ ихъ личности и права. Правда, тонъ его разговоровъ съ китайцами былъ добродушно-насмѣшливый, но никогда не оскорбительный.

Онъ вообще не ругался, не сквернословилъ, — свойство рѣдкое въ русскомъ человѣкѣ, да еще „власть имѣющемъ“... Ни одинъ казакъ, ни одинъ рядовой, ни одинъ китаецъ не слыхаль, вѣроятно, отъ него ни одного браннаго слова.

Только такимъ отношеніемъ и можно было снискать ту общую любовь, которою генераль пользовался въ отрядѣ и въ китайскомъ населеніи. Только имъ и можно было заставить китайцевъ, съ опасностью жизни, доставлять въ отрядъ раненыхъ солдатъ и казаковъ, оставшихся въ районѣ расположенія японцевъ. Однимъ страхомъ этого достигнуть было нельзя, какъ и одними деньгами. Правда, Мищенко, прибывъ куда-либо съ отрядомъ, всегда объявляль, что за каждаго найденнаго и доставленнаго къ намъ живымъ русскаго, онъ будетъ платить по 100 рублей, а за убитаго—50 рублей; но китайцы служили отряду не только за страхъ, или за деньги, но и за совѣсть. Напомню случай съ казакомъ Шишеловымъ, предупрежденіе китайцемъ офицеровъ 4-й сотни Читинскаго полка о готовящейся для нея въ дер. Саньдею опасности. Въ серединѣ іюля, послѣ боя подъ Дашичао, китайцы доставили на бивакъ отряда раненаго солдата, четыре дня пролежавшаго въ гаолянѣ... Вообще, за всякую услугу отряду, за доставленное и забранное у населенія, генераль платилъ щедро и требоваль этого отъ другихъ неукоснительно...

Но вернемся къ событіямъ дня. Отпустивъ офицера, генераль продолжалъ свою бесѣду съ командирами частей.

Онъ сообщилъ имъ, между прочимъ, что для участія въ набѣгѣ въ отрядъ приходитъ 26-й донской казачій полкъ.

— Надо намъ его встрѣтить честь-честью, чтобы сразу установить добрыя, товарищескія отношенія, говорилъ Мищенко.—Боевое братство много значить. Для этого я устрою такъ, что, встрѣтивъ полкъ, проведу его сперва мимо уральцевъ. Тѣ встрѣтятъ его криками „ура“... Потомъ проведу сюда... Пусть полки бригады выбѣгутъ навстрѣчу и станутъ шпалерами... Музыка и „ура“-же...

Самъ донецъ, командиръ Читинскаго полка, полковникъ Павловъ сейчасъ же вызвался угостить своихъ „станичниковъ“ чаркою водки.

— Конечно, очень радъ, пожалуйста, говоритъ Мищенко. Они молодцы, эти донцы. Недавно, знаете-ли, сотня ихъ атаквала японскую батарею ¹⁾. Развернулась, знаете, и пошла на батарею въ конномъ строю. Японцы жарятъ шрапнелью, но она, знаете, рвется то впереди, то сзади... И сотня взяла бы пушки, если бы не наткнулась на проводочныя загражденія... Преодолѣть ихъ она не могла и, потерявъ сорокъ человѣкъ, отошла. И потому, господа, кончаетъ генераль поученіемъ,—атака въ конномъ строю на батарею возможна, но только тогда, когда нельзя ожидать встрѣтить впереди ея искусственныя препятствія, т. е. когда бой происходитъ не на мѣстности, заранѣе подготовленной, укрѣпленной. Устраняйте же, господа, конныя ученія и практикуйте атаку и на кавалерію, и на пѣхоту, и на артиллерію.

Съ поля парада мы идемъ на обѣдъ къ генералу.

— Обѣдъ, знаете, не парадный, а походный,—говоритъ хлѣбосольный хозяинъ, садясь за столъ,—а потому господа, выпьемъ молча чарку за здоровье Государя Императора...

¹⁾ Атака сотни есаула Косолапова.

Обѣдъ проходить не шумно, но оживленно, въ разнообразной, интересной бесѣдѣ. Основная тема ея все та же,— война.

Генераль придаетъ большое значеніе экономическому состоянію страны для достиженія военного успѣха.

— Оно у насъ плохое,—говорить онъ.—А плохое экономическое состояніе страны—признакъ ея отсталости въ культурномъ отношеніи... И эта отсталость, для насъ, военныхъ, опредѣляется тѣмъ, что мы всегда выходимъ на войну неподготовленные, вооруженные оружіемъ, составляющимъ не послѣднее, а сданное уже въ архивъ слово техники. Но я за что, знаете, люблю нашъ народъ. За то, что, несмотря на все, на самыя неравныя и опасныя положенія, дѣйствуя орясиною, какъ, знаете, Митька изъ повѣсти „Князь Серебрянный“, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Это свидѣтельствуешь объ его огромной живучести. И это даетъ мнѣ, знаете, и нынѣ, несмотря на всѣ неудачи, увѣренность въ побѣдѣ... Жаль только, обидно за лишнія жертвы...

* * *

Вечеромъ, за ужиномъ, подъ шумъ общей веселой товарищеской бесѣды я, въ отвѣтъ на приглашеніе генерала идти съ отрядомъ въ набѣгъ, спросилъ его, какъ думаетъ онъ организовать это смѣлое и рискованное предпріятіе.

— Прежде всего я хочу, чтобы меня не стѣсняли строго ни направлениемъ, ни срокомъ. Если мнѣ скажутъ, что я долженъ выполнить набѣгъ въ шесть дней, — я откажусь; если мнѣ начертать путь—тоже самое. Мало ли куда потянетъ и какой крюкъ придется сдѣлать! Все зависитъ отъ того, кого я встрѣчу и какъ японцы будутъ меня ловить. Между тѣмъ, хотять, чтобы я ввязывался въ бой... А по-моему, цѣль набѣга въ томъ, чтобы своимъ появленіемъ въ тылу нагнать панику, уничтожить запасы, захватывать транспорты, разрушать пути, захватывать отдѣльныя команды, а попутно— и развѣдывать... Все дѣло въ быстротѣ. Поэтому я думаю взять съ собой артиллеріи самое малое количество—свою

Забайкальскую да конно-горную батареи... Обозъ—только вьючный.

Отъ офицеровъ я узналъ затѣмъ, что Мищенко предупредилъ ихъ, что раненые и больные, въ отступленіе отъ обычнаго правила, будутъ брошены, дабы не обременять отрядъ и не замедлять скорость его движенія. И потому всѣ должны были быть готовы попасть въ руки японцевъ или китайцевъ.

И уже одно это предупрежденіе, кстаті сказать, принятое въ отрядѣ спокойно и просто, освѣщаетъ намъ тотъ характеръ набѣга, какимъ онъ долженъ былъ быть по мысли самого генерала Мищенко,—лихимъ кавалерійскимъ рейдомъ.

Когда черезъ день я уѣзжалъ изъ отряда, меня обѣщали увѣдомить о днѣ выступленія въ набѣгъ, дабы и я могъ да и весь онъ, принять въ немъ участіе.

Но прошло пять дней, шесть, прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ,—а о набѣгѣ отряда генерала Мищенко все только говорили... И, вѣроятно, не въ одной нашей арміи..

Считая набѣгъ несостоявшимся, я уѣхалъ въ Харбинъ и здѣсь, въ самомъ концѣ декабря, узналъ, что наканунѣ Рождества отрядъ отправили-таки въ набѣгъ.

Но теперь онъ лишился самой существенной своей черты—внезапности, такъ какъ обстановка для него кореннымъ образомъ измѣнилась въ сторону для насъ неблагоприятную, да и весь онъ, пожалуй, утратилъ свой смыслъ.

Портъ-Артуръ уже палъ, и тылъ японской арміи, куда теперь направленъ былъ отрядъ ген. Мищенко, оживленъ былъ передвиженіемъ арміи Ноги изъ-подъ Артура на Шахэ... Двухмѣсячные же толки о набѣгѣ, о которомъ говорили даже въ далекомъ Петербургѣ, должны были держать здѣсь всѣхъ наготовѣ.

Въ октябрѣ, когда впервые родилась мысль о набѣгѣ, было еще сравнительно тепло; не только въ деревняхъ, но даже и въ поляхъ можно было найти запасы чумизы и гаоляна. Теперь все это было поприпятано, попріѣдено

Группа офицеров I-го Верхнеудинского казачьего полка.

1-й рядъ снизу слѣва направо: Подъесаулъ Комаровскій, сотн. Николаевъ, сотн. Остроградскій, сотн. Войлошиковъ, сотн. Фишовъ, прапорщикъ Коричкинъ.
2-й рядъ: Капельмейстеръ полка, есаулъ Лошаковъ, есаулъ Семеновъ, войск. старш. Талаевскій, полков. Левенгофъ, войск. старш. Шестаковъ, есаулъ Эбентъ, есаулъ Чеславскій, есаулъ Зыковъ.
3-й рядъ: Заур. пран. Бѣломестный, подъесаулъ Геништа, врачъ полка Михайловскій, сотн. Аратовскій, подъесаулъ Шемера, сотн. Трусовъ, подъесаулъ Турбинъ, сотн. Даркинъ, хорунж. Лѣсковъ, ветер. врачъ Лобода.
4-й рядъ: Оружейн. маст. Антвинъ, старш. врачъ полка Мееркопфъ, делопроизвол. Горбачъ, сотн. Жеребцовъ, хорунж. Нежюдовъ, сотн. Мдианинъ, есаулъ Гребенка.

самими китайцами и отобрано нами и японцами, и это обстоятельство заставляло отрядъ брать съ собою продовольствіе въ большемъ размѣрѣ и тѣмъ увеличивало размѣръ обоза. Было холодно, въ поляхъ лежалъ уже снѣгъ, и потому ночлеги подѣ открытымъ небомъ стали тяжелѣе для людей и лошадей; гололедица и ледъ на рѣчкахъ затрудняли движеніе... Тѣмъ не менѣе отрядъ былъ отправленъ въ набѣгъ.

И организованъ онъ былъ иначе, чѣмъ думалъ Мищенко. Единство отряда нарушено было прежде всего включеніемъ въ его составъ частей, дотолѣ совершенно незнавшихъ другъ друга; затѣмъ онъ былъ раздѣленъ на три колонны и обремененъ огромнымъ количествомъ артиллеріи и обоза. вмѣсто пролета черезъ тылъ противника задачею отряду поставленъ бой—овладѣніе Инкоу и уничтоженіе тамъ огромныхъ продовольственныхъ складовъ.

Результаты набѣга извѣстны: Инкоу взять не удалось, и самый набѣгъ прозванъ „черепашьимъ“. Во всемъ этомъ винили, конечно, Мищенко, тѣмъ болѣе охотно, что у его популярности и общей любви въ арміи было много завистниковъ. Въ Мукденѣ и въ Чансямутуни, куда я вернулся ненадолго въ началѣ января, не безъ злорадства говорили, что „Мищенко не оправдалъ надеждъ—не сумѣлъ взять Инкоу и вообще прокопался“. Пришелъ, стало быть, и его чередъ быть „козломъ отпушенія“ за чужіе промахи и неумѣнье...

Но если въ чемъ и можно было винить генерала Мищенко, такъ это въ томъ, что онъ не осуществилъ своего намѣренія отказаться отъ руководства набѣгомъ, если его будутъ стѣснять въ организационнѣ, въ выборѣ цѣлей и въ планѣ дѣйствій. Но вѣдь это, конечно, легче сказать, чѣмъ сдѣлать, въ особенности такому генералу, какъ Мищенко. Едва ли былъ на театрѣ войны другой генералъ, который воевалъ бы съ такою охотой и удовольствіемъ, переносилъ бы всѣ тяжести и лишенія войны такъ легко и просто, какъ онъ.

Онъ не смогъ отказаться и пошелъ. Думаю, что если бы на его мѣстѣ былъ генералъ Ренненкампфъ, или кто-либо

другой,—результатъ набѣга, его характеръ были бы тѣ же. Можетъ быть, только отходъ отряда назадъ совершился бы менѣе благополучно, ибо рѣдко—кто умѣлъ выходить въ эту войну съ такою честью изъ тѣхъ критическихъ положеній, въ какія ставила судьба генерала Мищенко съ его отрядомъ, какъ на переправѣ черезъ Ялу и подъ Сюанемъ. Въ такія минуты боевой жизни отряда спокойствіе генерала Мищенко, его личное мужество, быстрое пониманіе обстановки и рѣшимость были поразительны и подчиняли себѣ всѣхъ.

— Мищенко заведетъ, но и выведетъ—говорили про него въ отрядѣ и вѣрили въ него беззавѣтно.

А онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы покорить себѣ людей и создать въ нихъ готовность идти за нимъ, куда угодно.

Разскажу здѣсь одинъ характерный эпизодъ, случившійся какъ разъ въ эти мѣсяцы зимовки арміи на Шахѣ передъ набѣгомъ.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ октября—двѣ сотни Терско-Кубанскаго коннаго полка отказались долѣе нести службу и просили уволить ихъ по домамъ. Отказъ этотъ они мотивировали тѣмъ, что срокъ свой, на который ихъ нанимали, шесть мѣсяцевъ—они отслужили и долѣе служить не желаютъ, такъ какъ Маньчжурія очень холодная страна, японцы очень сильный врагъ, крестовъ и медалей даютъ имъ очень мало, добычи же никакой вообще нѣтъ. Тщетно, почти въ теченіе двухъ недѣль, полковое начальство убѣждало ихъ подчиниться отданному приказанію—посѣдлатъ лошадей и перейти на бивакъ въ указанную деревню. Всадники отказывались и спокойно, но твердо просили отпустить ихъ на Кавказъ.

Доложили Куропаткину.

— Я хотѣлъ бы четырехъ или пять человѣкъ разстрѣлять,—сказалъ онъ.

И отдалъ приказаніе произвести въ два дня судъ надъ двѣнадцатью всадниками.

Лучшею защитительною рѣчью на судѣ былъ рапортъ начальника Кавказской конной бригады, въ которомъ очень

обстоятельно изложены были обстоятельства формирования полка и условия службы в нем. В этом рапорте рассказывалось, как горскому населению Кавказа, оставшемуся в стороне от движения, вызванного войною, так как не все племена его обязаны воинской повинностью, предложено было сформировать два конных полка для участия в военных действиях против японцев.

Условия службы были объявлены довольно неопределенно, и потому запись охотников шла довольно медленно. Но так как не сформировать эти полки было нельзя, то употреблены были все меры административного воздействия и в конце концов полк сформировался главным образом не из охотников, а из наемников и людей, сданных сельскими горскими обществами, сбывавшими от себя неблагонадежные и опасные элементы. Им выдали оружие и жалованье, 120 руб., вперед за шесть месяцев. Это последнее обстоятельство и дало теперь, по истечении полугодя, всадникам основание заявлять, что срок, на который их нанимали, они отбыли и больше служить не желают. Истинного же положения вещей, действительных обязанностей всадников и долга службы им разъяснено и внушено не было, так как — и это прямо говорилось в рапорте князя Орбелиани — командир полка не сумел установить в полку строгого внутреннего порядка, дисциплины, и спаять полк в одно целое. Да, правду сказать, это было и мудрено: и сам командир полка и огромное большинство офицеров были совершенно чужды подчиненным им всадникам. Русские по происхождению, гвардейцы по службе, они не знали ни души горцев, ни их языка, ни обычаев, ни нравов. Полк держался на влиянии вахмистров и отдельных всадников, пользовавшихся почему-либо у своих земляков почетом и уважением. Однако, несмотря на все неблагоприятные условия своего комплектования и внутренней организации, полк, по свидетельству командира бригады, дрался всегда хорошо...

По приговору суда, двое — вахмистръ и всадникъ Керемовъ, бывший учитель горской школы въ Нальчикѣ, пользовавшийся въ полку особымъ авторитетомъ — были приговорены къ разстрѣлянiю, а остальные десять — къ ссылкѣ въ каторжныя работы на различные сроки, до 15-ти лѣтъ.

9 ноября приговоръ этотъ былъ утвержденъ главнокомандующимъ и привести его въ исполненiе было предписано генералу Мищенко, которому, въ виду набѣга, подчинена была Кавказская конная бригада.

Казнь была назначена на 10 ноября. Разсказывали, что накануне вечеромъ Мищенко прiѣзжалъ къ Куропаткину и очень долго убѣждалъ его помиловать осужденныхъ къ смерти, указывая, что эта милость очень благотворно повлiяетъ на войска, которымъ предстоитъ идти въ опасный набѣгъ. Но Куропаткинъ былъ неумолимъ.

Утромъ 10-го числа осужденные къ смерти были отправлены въ распоряженiе отряда генерала Мищенко и часа въ три казнь должна была состояться. Но тутъ произошло что-то странное. Докладъ ли о прибытiи осужденныхъ не былъ сдѣланъ своевременно, не обратили ли на него вниманiя, но только вечеромъ того же дня Мищенко былъ вновь у главнокомандующаго и, докладывая, что казнь не состоялась за неприбытiемъ осужденныхъ, снова просилъ его помиловать ихъ.

— Ну, такъ и быть, дарю вамъ одного — вахмистра, — сказалъ ему Куропаткинъ.

На другой день, 11-го числа, осужденные, конечно, нашлись... Вахмистру было объявлено, что смертная казнь замѣняется ему каторжными работами, а всадникъ-учитель былъ разстрѣлянъ взводомъ 1-го Читинскаго казачьяго полка.

О ходатайствѣ Мищенко за жизнь осужденныхъ скоро стало извѣстно въ полкахъ Кавказской бригады и, благодарные за него, они шли за своимъ новымъ вождемъ въ огонь и въ воду.

Такъ этотъ гуманный человѣкъ и умный, проницательный начальникъ умѣлъ привязывать къ себѣ людей...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кто онъ?

Пора подвести итоги сказанному. О Мищенко и на войнѣ и послѣ нея горячо и много спорили.

Мнѣ припоминается одинъ изъ этихъ споровъ, происшедшій вскорѣ послѣ боевъ на Шахэ, въ Мукденѣ.

Одинъ изъ спорившихъ отрицалъ въ Мищенко способности кавалерійскаго генерала и, доказывая, что онъ отсталъ и по артиллерійской части, соглашался дать ему въ командованіе пѣхотный корпусъ; другой, норвежскій военный агентъ, „Иванъ Антоновичъ“ Нюквистъ, сжившійся съ отрядомъ Мищенко, горячо ему возражалъ. Онъ разсматривалъ его шире, понималъ его глубже...

— Когда я прѣхалъ въ отрядъ,—говорилъ онъ, волнуясь и еще больше коверкая отъ того русскія слова,—я все боялся за мой व्यюкъ. Я столько уже видѣлъ неожиданныхъ и безпорядочныхъ отступленій, суеты и волненій, что я боялся. Но я скоро замѣтилъ, что *мой генералъ* (онъ иначе не называлъ Мищенко) все понимаетъ, понимаетъ всю обстановку, спокоенъ—и я пересталъ бояться за мой व्यюкъ...

Это спокойствіе въ бою, и тѣмъ большее, чѣмъ серьезнѣе было положеніе, удивительная и характерная черта генерала Мищенко, о горячности котораго въ обыденное время ходитъ столько легендарныхъ разсказовъ,—и я къ ней еще вернусь, а теперь скажу, что такихъ споровъ мнѣ приходилось слышать не мало.

Соглашаясь, что Мищенко выдающійся боевой генералъ, его непремѣнно хотѣли втиснуть въ рамки какой-либо категоріи генераловъ, очерченной практикой мирнаго времени—съ одной стороны, и академической схоластикой—съ другой. Первая пріучила распредѣлять всѣхъ генераловъ по спеціальнымъ родамъ оружія, вторая—оцѣниваетъ ихъ прежде всего по диплому и затрудняется признать полководцемъ того, у кого нѣтъ штампованнаго знака академіи генеральнаго штаба.

Мищенко не укладывался въ эти рамки, не подходилъ ни подъ одинъ изъ этихъ масштабовъ.

Въ мирное время неудобный для рутинеровъ, формалистовъ и педантовъ своимъ независимымъ духомъ, своею самостоятельностью, своею горячностью, онъ еще до русско-японской войны побывалъ во всѣхъ трехъ родахъ оружія. Начавъ службу въ артиллеріи и потерявъ въ ней надежду получить въ командованіе какую-либо часть крупнѣе батареи, онъ перешелъ на службу въ корпусъ пограничной стражи— на Дальній Востокъ. Походъ въ Китай 1900—1901 года доставилъ ему георгиевскій крестъ, чинъ генераль-маіора и положилъ начало его извѣстности. Послѣ этого онъ недолго командуеъ пѣхотною бригадою и — возвращается на Дальній Востокъ командовать, на этотъ разъ, отдѣльною Забайкальскою казачьею бригадою, во главѣ которой, на границѣ Кореи, и застаеъ его война съ Японіей.

Такимъ образомъ, служебный опытъ его былъ достаточно широкъ и разнообразенъ.

И онъ сказался. Мищенко легко, спокойно и увѣренно распоряжался въ бою всѣми тремя родами оружія.

Правда, какъ стараго артиллериста, его всегда тянуло къ батарее, и онъ нерѣдко вмѣшивался въ руководство стрѣльбою ея, хотя въ лицѣ В. Т. Гаврилова имѣлъ отличнаго батарейнаго командира... Въруая въ боевую мощь артиллеріи, онъ отлично пользовался ею, умѣло закрѣплялъ ею добытый успѣхъ, всегда во-время высылая для этого то взводъ, то полу-батарею, то батарею, самъ выбирая имъ позиціи, слѣдя за ихъ огнемъ, посылая имъ свои указанія... И когда новыя въ его отрядѣ батареи не слушались ихъ, онъ говорилъ:

— Упрямый народъ, эти батарейные командиры... Пусть стрѣляетъ по своему... А ну-ка, Георгій Акимычъ (Мандрыко), пошлите-ка за нашей батареей. Пусть она имъ покажетъ, какъ надо стрѣлять!...

Вылетала „гавриловская“ батарея—и показывала...

Не рутинеръ, Мищенко быстро отказался отъ традицион-

ной стрѣльбы съ открытыхъ, возвышенныхъ позицій, на чемъ, на примѣръ, подъ Вафангоу настаивалъ ген. Штапельбергъ,— и его батареи стрѣляли по угломѣру, по „невидимой цѣли“...

Пѣхотой онъ распоряжался также увѣренно и умѣло. Доказательствомъ этому служить то, что она давала ему безропотно сколько угодно процентовъ потерь, не ропща, въ полной увѣренности, что ни одинъ человѣкъ не будетъ жертвой безразсуднаго упрямства или неумѣлаго распоряженія начальника отряда. Отъ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, бывшаго въ отрядѣ Мищенко въ дни сентябрьскихъ боевъ на Шахэ, осталась горсть людей: едва ли не три офицера и сотни четыре солдатъ... И тѣмъ не менѣе, эти люди, разставаясь съ генераломъ, пріѣхавшимъ къ нимъ на бивакъ для прощанія, устроили ему шумную овацію, полную искренняго, высокаго энтузіазма... Они и встрѣтили и провожали его восторженнымъ „ура“; они хотѣли на рукахъ нести его до экипажа; они бѣжали за этимъ экипажемъ съ тѣмъ же бѣшенымъ „ура“...

Остается кавалерія, во главѣ которой онъ, главнымъ образомъ, и стоялъ во время минувшей войны.

Служба передоваго коннаго отряда—его походъ въ Корею, его отходъ за Ялу, бои подъ Сюанемъ, Уулаасою, Санзелью, Сахотаномъ, Дашичао, Хайченомъ, Ляояномъ, на Шахэ,—нашедшая лестную оцѣнку въ вышеприведенныхъ словахъ главнокомандующаго, ореолъ славы, окружавшей отрядъ и его вождя, громкая популярность послѣдняго въ арміи и въ народѣ, казалось бы, все это исключало необходимость задаваться вопросомъ: можетъ ли Мищенко командовать кавалеріей? Что репутація его, какъ кавалерійскаго генерала, была признана, доказательствомъ этому служить фактъ выбора его изъ числа другихъ генераловъ для производства набѣга на Инкоу, въ тылъ японцевъ. Но этотъ набѣгъ, прозванный „наползомъ“, поколебалъ ее, вызвалъ сомнѣніе... Прошлое, близкое, славное прошлое было забыто... Зависть мелкихъ душъ, маленькихъ людишекъ съ особен-

Ген. Мищенко—раненый. (По фотографии В. Булла).

нымъ усердіемъ начала злословить, чтобъ опорочить и это почти единственное крупное славное имя, чтобы и его подвести подъ общій уровень посредственности и бездарности... Такъ всегда бываетъ. Эта психологическая черта общеизвѣстна. Но выше я уже показалъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за этотъ набѣгъ—„наползъ“. Она—на Куропаткинѣ. Послѣдующія за Инкоускимъ набѣгомъ военныя событія подъ Сандепу даютъ намъ возможность вполне опредѣленно отвѣтить на вопросъ, можетъ ли Мищенко руководить кавалеріей на поляхъ сраженій.

Отсылая читателей за подробностями къ интереснымъ воспоминаніямъ полк. кн. Вадбольскаго о дѣйствіяхъ коннаго отряда генерала Мищенко въ январскомъ наступленіи 2-й арміи ¹⁾, я дамъ здѣсь только схему ихъ, только выводы.

Какъ извѣстно, первоначально цѣлью этого наступленія поставлено было отбросить японцевъ за Тайцзыхе. 2-й Маньчжурской арміи (ген.-адъют. Гриппенберга) надлежало начать наступленіе, охватить лѣвый флангъ противника и, овладѣвъ опорными пунктами, облегчить наступленіе 3-й арміи (ген. бар. Каульбарса) на укрѣпленный фронтъ японцевъ. Задача коннаго отряда ген.-адъют. Мищенко, сосредоточеннаго къ 10 января 1905 года на правомъ флангѣ 2-й арміи въ Тахуанчинпу, заключалась „первоначально въ обезпеченіи праваго фланга и въ содѣйствіи обходному движенію арміи, дѣйствуя въ связи съ обходящими войсками; когда же противникъ будетъ потрясенъ, то конница должна быть брошена на его сообщенія“.

Какъ же выполнилъ Мищенко эту задачу?

„Съ началомъ операціи 12 января коннымъ отрядомъ была совершенно очищена правобережная полоса Хуньхе вплоть до укрѣпленной группы Сяобейхе и освѣщена мѣстность до Ляохе; принимая во вниманіе слабость и бездѣятельность японской конницы, это очищеніе давало командирующему

¹⁾ См. „Русско-Японская война въ сообщеніяхъ въ Николаевской академіи генер. штаба“, ч. 2.

армією полное право не бояться за флангъ и тылъ свой; этимъ же Сыфонтайскій отрядъ (довольно-таки значительный, особенно для пассивной роли, ему предназначенной), выдѣливъ 2—3 сотни для освѣщенія береговъ Ляохе, получалъ свободу маневрированія и могъ бы оказать содѣйствіе 1-му Сибирскому корпусу по овладѣніи Хегоутаемъ и Тоупао, а также и въ дальнѣйшихъ операціяхъ.

„13 января конный отрядъ продвигается до Тунхепу, очищаетъ отъ противника селенія, не только близкія къ правому флангу 1-го Сибирскаго корпуса, но и уступомъ далеко впереди его; отбрасываетъ головныя части японцевъ, очевидно, предназначенныя для обхода, лишаетъ ихъ опорныхъ пунктовъ и создаетъ обстановку, способствующую развитію дѣйствій на флангъ противника.

„14-го—конный отрядъ продолжаетъ наступленіе и отбрасываетъ тыловыя части японцевъ къ Ландунгоу; этимъ онъ обрываетъ ближайшій тылъ противника, сдерживающаго всѣ стремленія 1-го Сибирскаго корпуса къ овладѣнію группою деревень Датай—Сумапу, и создаетъ огромнѣйшій плацдармъ на флангѣ японцевъ. Разѣзды, какъ и 13-го, освѣщаютъ районъ до Тайцзыхе... Къ полудню 14-го конный отрядъ налетаетъ у Ландунгоу на сильныя резервы противника, двигающіеся къ Сумапу—Датаю, и значительную часть ихъ отклоняетъ отъ направленія, притягивая на себя. Резервы эти поспѣваютъ къ полю сраженія лишь на слѣдующій день.

„15 января 1-й Сибирскій корпусъ (стремившійся достигать успѣха лобовыми атаками, когда такъ соблазнительно глубоко былъ обнаженъ флангъ японцевъ) окончательно переходитъ къ оборонительному бою; резервы японцевъ прибываютъ и прибываютъ къ Сумапу. Конный отрядъ, обнаруживъ противника у Тунхепу, самоотверженно подставляетъ ему свой правый флангъ и разворачивается для выручки своей пѣхоты къ сѣверу, приготовляясь дѣйствовать противъ фланга и тыла подавляющихъ силъ японцевъ. Маневръ удается: бригада пѣхоты и 3 батареи японцевъ разво-

рачиваются и открываютъ жесточайшій огонь по конному отряду; наши 2 баталіона и 2 батареи обнаруживаютъ попытку нажать отъ Тунхену на правый флангъ спѣшившейся конницы; лѣвый флангъ коннаго отряда виситъ въ тылу японцевъ, засѣвшихъ въ Эрцзя и Шицзя; съ тылу разъѣзды доносятъ о конныхъ партіяхъ противника, наступающихъ отъ Тайцзыхе. Отрядъ въ этой обстановкѣ дерется цѣлый день, не уступая атакамъ японцевъ и не бросая важнаго участка...

„16 января конный отрядъ, по приказанію, послѣднимъ отходить на правый берегъ Хунххе...

„Можно ли, — спрашиваетъ въ заключеніе этого краткаго обзора участникъ всѣхъ этихъ дѣйствій, кн. Вадбольскій, — не пренебрегая справедливостью, сказать, что конница ничѣмъ себя не проявила на полѣ сраженія и не заслужила горячей признательности своей пѣхоты; частный же успѣхъ конницы не можетъ быть умаленъ тѣмъ, что пѣхота пренебрегла имъ воспользоваться“.

А между тѣмъ онъ былъ именно умаленъ. Обѣщанные генераломъ Гриппенбергомъ на самомъ полѣ сраженія кресты казакамъ отряда получены были тѣми изъ нихъ, что уцѣлѣли, только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, да и то только послѣ письма генераль-адъютанта Мищенко къ командующему 2-й арміей, продиктованнаго горячимъ, честнымъ сердцемъ огорченнаго за своихъ казаковъ начальника.

Наконецъ, изъ признанія генераль-адъютанта Гриппенберга стало извѣстно, что главнокомандующій желалъ смѣнить генерала Мищенко „за чрезмѣрное утомленіе отряда“¹⁾.

Впрочемъ, это не мѣшало генералу Куропаткину лично благодарить Мищенко за „отличныя дѣйствія коннаго отряда“..

Дѣйствительно, изучая дѣйствія конницы въ январскомъ наступленіи, видишь, что своимъ частнымъ успѣхомъ кон-

¹⁾ Въ штабѣ коннаго отряда 16 января 1905 г. были даже получены два пакета, адресованные „начальнику отряда, генералу Грекову“, но генералъ этотъ къ отряду и не прибывалъ.

ный отрядъ болѣе всего обязанъ былъ желанію драться во что бы то ни стало, которымъ былъ проникнуть начальникъ его.

Это-то желаніе и составляетъ духовную сущность Мищенко, какъ составляло оно основу и сущность полководческой личности Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Густава-Адольфа, Петра, Фридриха, Наполеона, Суворова, Скобелева. Все это люди одинаково „мятежной“, мятушейся души. Правда, не всѣмъ имъ судьба давала одинаковый просторъ для ея проявленія, и потому у однихъ эта ихъ полководческая сущность выразилась въ широтѣ, въ грандіозности ихъ военныхъ замысловъ и предпріятій, у другихъ—лишь въ неослабѣвавшей ни при какихъ условіяхъ энергіи исполненія этихъ плановъ. Но всѣ они утолили „жажду схватки“ въ самой кипени боя: ихъ шлемы, ихъ шляпы были изсѣчены и прострѣлены; ихъ мечи, шпаги—иззубрены оружіемъ противника... Всѣ они видѣли въ себѣ „последній резервъ“ и бросали его на вѣсы сраженія. Одни гибли, какъ Густавъ-Адольфъ; другіе платились ранами, какъ Александръ Македонскій, Суворовъ, Скобелевъ; третьи чудесно выходили цѣлыми изъ схватки, отдѣлываясь прострѣленнымъ платьемъ, какъ Петръ, или убитымъ конемъ, какъ Юлій Цезарь. Но всѣ они заражали своимъ боевымъ азартомъ свои войска и давали имъ побѣду.

Оцѣнивая Мищенко съ этой именно стороны, я повторяю то, что уже неоднократно было мною сказано въ печати: на театрѣ войны съ Японіей у насъ не было другого генерала, который столь же сильно былъ бы проникнуть желаніемъ драться, драться во что бы то ни стало, какъ Мищенко,—который „воевалъ“ бы такъ охотно, просто и легко.

Это желаніе драться во что бы то ни стало, при всякихъ условіяхъ, эта готовность драться всегда сказывалась въ упорствѣ, съ которымъ Мищенко выполнялъ каждую поставленную его отряду боевую задачу, умѣя, по справедливому замѣчанію кн. Вадбольскаго, бывшаго у него одно время начальникомъ штаба, — совмѣщать „всю широту свойствен-

ной ему инициативы со стремленіемъ возможно точнѣе исполнить данное ему приказаніе“.

— Чуть немножко, знаете, тяжело, сейчасъ и отступить,— возмущенно говаривалъ Мищенко,— такъ-съ нельзя воевать...

И вѣпившись въ врага, онъ не разставался съ нимъ, пока общая обстановка не складывалась такъ, что дальнѣйшее упорство было безразсудно, было вредно для дѣла.

Эта настойчивость опиралась на вѣрное пониманіе имъ обстановки, на умѣнье быстро ориентироваться въ ней. Ему помогалъ въ этомъ какой-то инстинктъ угадывать правду, отличать фантастическія донесенія отъ вѣрныхъ по существу... Въ дополненіе къ приведеннымъ мною фактамъ, очевидно которыхъ я былъ самъ въ дни сахотанскихъ боевъ, приведу здѣсь изъ воспоминаній того же кн. Вадбольскаго слѣдующій эпизодъ.

Вернувшись 3 января 1905 г. изъ набѣга къ Инкоу, конный отрядъ занялъ линію Каляма-Убанюла. 6 января отряду было приказано, распустивъ по прежнимъ мѣстамъ части, приданныя ему для набѣга, отойти назадъ и стать сѣвернѣе Сыфонтая.

Зная о предстоящемъ наступленіи, Мищенко просилъ оставить его отрядъ на занимаемыхъ имъ мѣстахъ, дабы сохранить тѣсное соприкосновеніе съ противникомъ. Ему подтвердили приказаніе отойти. Онъ повиновался. Японцы сейчасъ же заняли Ашенюлу и Убанюлу двумя эскадронами каждую, подкрѣпили ихъ пѣхотою и лишили наши разѣзды возможности проникать къ этимъ деревнямъ и къ Калямѣ... А между тѣмъ, за ними производились какія-то передвиженія японской пѣхоты. Тогда приказано было Мищенко овладѣть Ашенюлой и Убанюлой, а для этого конный отрядъ былъ усиленъ 4-й Донской казачьей дивизіей и тремя полками пѣхоты.

— „Вечеромъ 10-го,— рассказываетъ кн. Вадбольскій,— у ген.-адъют. Мищенко собрались начальники и командиры, была роздана диспозиція Западному отряду (такъ окрестилъ себя временно отрядъ) и сдѣланы указанія. Ночью прибылъ

китаецъ и донесъ, что въ Убанюлѣ и Ашенюлѣ нѣтъ пѣхоты; японцы ушли, оставивъ лишь разъѣзды...

Видимо, къ этому сообщенію отнеслись скептически, но начальникъ отряда ему повѣрилъ...

— *Чувствую*, — сказалъ онъ, — что китаецъ не вретъ; отдайте сейчасъ же приказаніе, чтобы пѣхота оставалась въ пунктахъ сосредоточенія, готовая къ выступленію, либо на поддержку конницы, либо въ Сыфонтай, а конному отряду завтра утромъ двумя колоннами наступать на Убанюлу — Ашенюлу; отъ правой колонны выслать крупный разъѣздъ на Калямю.

И, дѣйствительно, въ 1 часъ дня 11 января всѣ три деревни были заняты конницею безъ выстрѣла, — онѣ были пусты.

Все это новольно подчиняло ему людей, создавало вѣру отряда въ своего вождя, за которымъ онъ всюду шелъ безтрепетно...

— Мищенко заведетъ, но и выведетъ, — говорили мнѣ казаки еще послѣ корейскаго похода, подъ Сахотаномъ.

Надо принять во вниманіе еще одно обстоятельство, при которомъ генераль Мищенко работалъ. Это отсутствіе правильно организованнаго штаба.

Когда я пріѣхалъ въ отрядъ подъ Сахотанъ, штабъ его состоялъ, можно сказать, изъ одного начальника штаба, генеральнаго штаба подполковника Мандрыка, очень скромнаго и очень дѣятельнаго симпатичнаго человѣка, боявшагося своего горячаго, настойчиваго въ требованіяхъ начальника больше, чѣмъ японскихъ пуль и снарядовъ. Другихъ, младшихъ офицеровъ генеральнаго штаба не было. Ихъ обязанности исполняли подъесаулъ Потоцкій и фейерверкеръ Троцкій. Оба они побывали въ академіи генеральнаго штаба: первый оставилъ ее, чтобы принять участіе въ войнѣ, второй окончилъ ее, но былъ нѣсколько лѣтъ назадъ разжалованъ въ рядовые ¹⁾...

¹⁾ За боевыя отличія ему возвращень офицерскій чинъ.

Правду сказать, Мищенко мало этимъ обстоятельствомъ сокрушался.

Фейерверкеръ

— Знаете ли, говариваль онъ, научная теоретическая подготовка въ нашемъ военномъ дѣлѣ, конечно, много значить, но если нѣтъ желанія и стремленія драться, и драться какъ бы ни пришлось, — цѣны не имѣеть; ну, а со слабой подготовкой, но съ сердцемъ, преисполненнымъ жаждою схватки, съ душою, проникнутою чувствомъ долга, — сдѣлать можно много...

Это не значить, чтобы онъ не цѣнилъ военной науки, военного образованія... Самъ не пройдя ни одной академіи, онъ, тѣмъ не менѣе, видимо, много читаль, много училъ... Всѣ участники обѣда, даннаго въ честь генерала Мищенко, по возвращеніи его съ войны въ Петербургъ, находившимися здѣсь офицерами его отряда и лицами, побывавшими съ нимъ въ дѣлахъ, помнятъ еще, вѣроятно, его интересную, поучительную рѣчь, обильно пересыпанную военно-историческими примѣрами и ссылками, о значеніи опыта минувшей войны..

Но онъ не безосновательно полагаль, что академическое воспитаніе и характеръ службы офицеровъ нашего генеральнаго штаба вытравлиють и ослабляють у нихъ „желаніе драться, драться, какъ бы ни пришлось“... А ему только такіе люди и были нужны. И онъ пользовался плодами военного

образованія, „научной теоретической подготовки“, не гоняясь за тѣмъ, чтобы они были удостовѣрены надлежащимъ дипломомъ. Потоцкаго, принявшаго сотню, смѣнилъ у него штабсъ-капитанъ Хогандоковъ, также бросившій академію для войны... И онъ также оказался на высотѣ требованій Мищенко и подъ Сандепу получилъ георгіевскій крестъ...

Подполковника Мандрыку впослѣдствіи, ко времени Инкоускаго набѣга, смѣнилъ генеральнаго штаба полковникъ князь Вадбольскій, опять-таки явившійся въ отрядъ добровольцемъ изъ Владивостока, не только не облеченный офиціально какими-либо правами по должности начальника штаба, но за восемь мѣсяцевъ своей отвѣтственной службы не зачисленный даже „на лицо“ въ арміи и столько же времени не получавшій содержанія по окладу военного времени.

Младшихъ же офицеровъ генеральнаго штаба такъ и не было въ отрядѣ до конца войны. Только на время набѣга къ Инкоу пріѣзжалъ въ него генеральнаго штаба капитанъ М. А. Свѣчинъ...

Немудрено, что при той массѣ непрерывной работы, которая выпала на долю передового коннаго отряда, начальнику его самому иногда приходилось чертить кроки, какъ это я отмѣтилъ при разсказѣ о дняхъ Сахотана, самому становиться во главѣ цѣпи, когда во введеніе въ дѣло этого „послѣдняго резерва“ не было еще надобности. Такъ было трижды во время только одной операціи подъ Сандепу. Правда, въ одномъ случаѣ, 12 января, выручилъ его и тѣмъ сберегъ на время для отряда его „послѣдній резервъ“ штабсъ-капитанъ Хогандоковъ... Въ этотъ день Мищенко, озабоченный выполненіемъ диспозиціи и, видимо, желая во что бы то ни стало овладѣть Уцзяганзою при посредствѣ ближайшихъ частей, разославъ въ разные концы всѣхъ своихъ ординарцевъ и своего начальника штаба, самъ хотѣлъ было вести въ атаку на деревню цѣпь донцовъ (1-й сотни 25-го полка)... Но Хогандоковъ его предупредилъ—и увлекъ ее за собою.

Однако, на слѣдующій день, 13 января, Мищенко все таки бросился самъ со слѣженными казаками на штурмъ деревни Сантъязы, приговаривая: „впередь, молодцы!.. Ай-да уралыцы, бородачи“...

А 14 января онъ былъ раненъ, когда, видя неудачу атаки 2-го Дагестанскаго полка, — послѣдняго въ то время средства для удержанія японской пѣхоты, онъ ввелъ себя въ дѣло на этотъ разъ какъ дѣйствительно „послѣдній резервъ“, чтобы личнымъ примѣромъ удержать на мѣстѣ казачьи цѣпи, осыпаемая страшнымъ ружейнымъ огнемъ...

Мы этого ждали и боялись еще подъ Сахотаномъ, 14 июня, когда Мищенко потребовалъ, чтобы Санъхотанскій перевалъ занятъ былъ во что бы то ни стало нашей артиллеріей... Продолжайся еще колебаніе командира конной батареи, и не удайся это подполковнику Мандрыкѣ, Мищенко самъ явился бы къ перевалу и повелъ бы взводъ подъ тѣмъ дождемъ пуль, что поливалъ нашу дорогу.

— Храбрость, знаете ли, это—умѣнье бороться съ собой и никому не показывать своего страха,—говорилъ намъ Мищенко...—А страхъ этотъ есть у всякаго смертнаго, и у меня также... Но я борюсь съ нимъ, такъ какъ знаю, что на меня, какъ на начальника, всѣ смотрятъ, во мнѣ ищутъ опоры для своей борьбы со страхомъ... *Личный примѣръ* заразителенъ, увлекателенъ... Этимъ надо пользоваться.

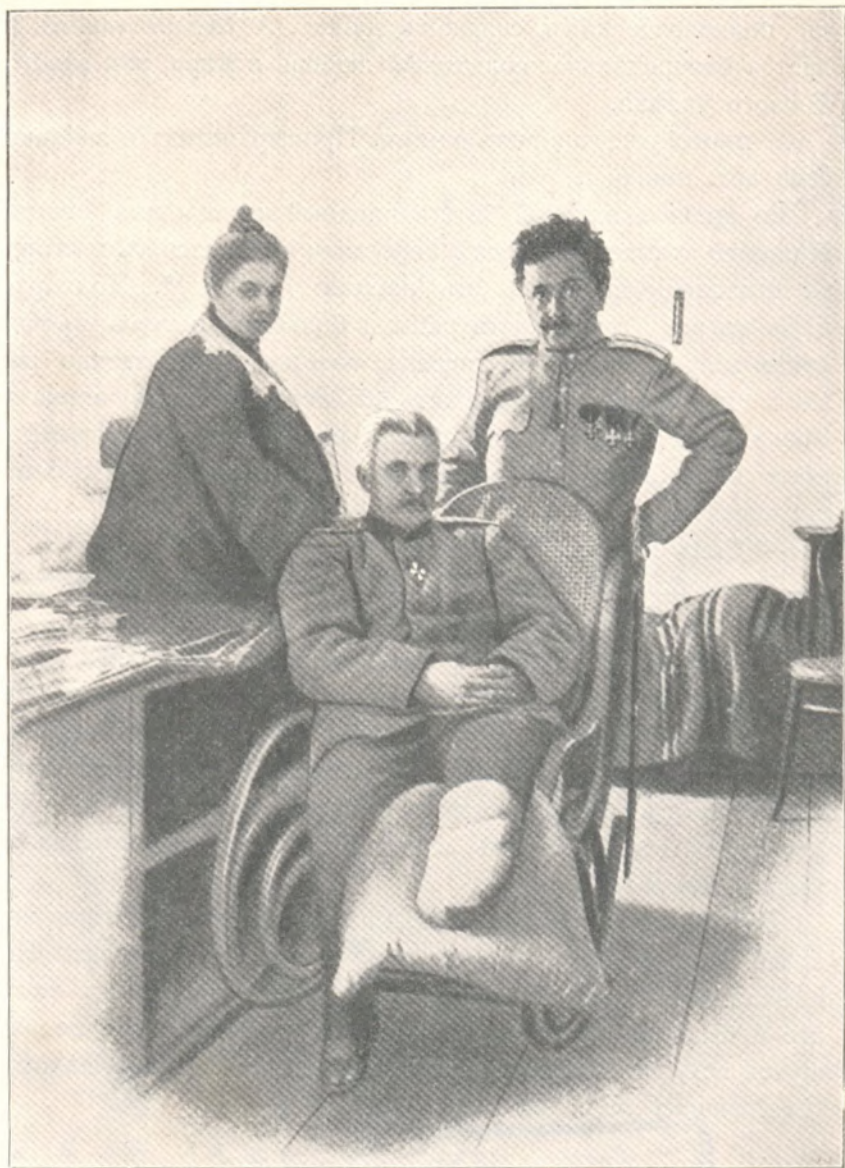
И чѣмъ опасность была больше, чѣмъ труднѣе было положеніе, тѣмъ онъ казался спокойнѣе... Только чаще тербилъ онъ свою небольшую сѣдую бороду, отроставшую каждый разъ, когда было „некогда, знаете ли, побриться“; только глубже дѣлалась складка между бровей...

Таковъ Павелъ Ивановичъ Мищенко.

Кто онъ?—спросятъ меня въ заключеніе,—*полководецъ?*

Не знаю... не думаю. Но убѣжденно говорю, что лучшаго боевого генерала, болѣе добросовѣстнаго исполнителя боевыхъ задачъ мы во время войны не имѣли...

Это, несомнѣнно, если и не полководецъ въ полномъ смы-

Ген. Мищенко—въ госпиталѣ.
(Съ нимъ—супруга его, Любовь Алексѣвна, и ординарецъ, прапор-
щикъ Копайшвили). (По фотогр. В. Булла).

слѣ этого слова, то человѣкъ съ полководческими задатками, съ полководческимъ складомъ души... А только такимъ и дается безпредѣльная солдатская любовь и вѣра, эти залого боевого успѣха.

Я много уже говорилъ о нихъ. Примѣрами ихъ и закончу свои воспоминанія.

Во время ляоянской битвы, раненый казакъ изъ отряда Мищенко тотчасъ же послѣ перевязки обратился къ доктору за позволеніемъ ѣхать „къ нашему генералу“. Докторъ, имѣя въ виду серьезность раны и большую потерю крови, отказывалъ. Раненый настаивалъ, говоря, что Мищенко велѣлъ ему вернуться и доложить объ исполненіи порученнаго. Врачи предлагали ему написать или сказать, что нужно, и послать это съ другимъ казакомъ. Но раненый и на это не соглашался...

— Самъ я долженъ доложить...

Долго бились врачи, но уговорить не могли. Туго-натуго перевязали ему раненую руку — и онъ ускакалъ.

Другой казакъ, Пятыхъ, тогда же, подъ Ляояномъ, умирая послѣ операциі, передалъ другому раненому, но легко, вырѣзанную у него пулю и просилъ вручить ее генералу Мищенко въ удостовѣреніе, что только она помѣшала ему вернуться къ нему, и сказать вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ исполнилъ все, что могъ, и что онъ радъ, что служилъ у такого генерала.

Такъ ли все это, — не знаю, мнѣ передавали это тогда же врачи, изумленные обаяніемъ генерала среди казаковъ. Но я, вспоминая смерть хорунжаго Макарова, вѣрю, что такъ это и было, и что подъ завѣщаніемъ казака Пятыхъ подпишутся всѣ, кто имѣлъ счастье быть на войнѣ съ Павломъ Ивановичемъ Мищенко.

СЕРГІЙ ПЯТЫХЪ
КАЗАКЪ
КАВКАЗСКОГО КАЗАКА
ПОМНУЩИЙ СЕБЯ
Губерниската

ПОМНУЩИЙ СЕБЯ
Губерниската

1902

г. Ярославль
Гражданинъ